

Н.М. Соротокина

ФАВОРИТЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

*Тайны
Российской
Империи*

Н.М. Соротокина

***Фавориты
Екатерины Великой***

Москва
Вече
2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
С65

Соротокина, Н.М.

**С65   Фавориты Екатерины Великой / Н.М. Соротокина. — М. :
Вече, 2010. — 288 с.: ил. — (Тайны Российской империи).**

ISBN 978-5-9533-4279-7

О заслугах Екатерины Великой во внешней и внутренней политике написаны десятки книг. Ее сильная воля, государственный ум, легкий характер и хорошо развитое чувство юмора невольно вызывают симпатии. Но есть одна тема, которая раньше деликатно обходилась, а теперь о ней говорят и пишут даже с некоторым упоением. Тема эта — слабости императрицы, то есть фаворитизм, которым она, с точки зрения потомков, слишком увлеклась. Ни до ни после Екатерины «распутство не проявлялось в такой откровенно вызывающей форме». Сколько их было — фаворитов — десять, двадцать, тридцать? Historians сошлись на цифре «двадцать один»...

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46**

ISBN 978-5-9533-4279-7

© Соротокина Н.М., 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В семье ее звали Фике. Полное имя было длиннее: Софья Фредерика Августа, принцесса Ангальт-Цербстская. Она родилась 2 мая 1729 года (нового стиля) в Штеттине, в Померании. Отец — принц Христиан Август Ангальт-Цербстский — был губернатором этого города, мать — принцесса Иоганна Елизавета, опять же Ангальт-Цербстская, по складу характера была авантюристкой и, по слухам, числилась тайным агентом прусского короля Фридриха II. Может быть, назвать ее тайным агентом слишком грубо, но, во всяком случае, насколько поручений короля она выполнила — это точно. Все княжество Ангальт-Цербстское «можно было прикрыть носовым платком», размеры его были очень невелики.

В традиции русского дома в XVIII веке было искать невесту для наследника в немецких княжествах. У императрицы Елизаветы не было детей. На роль наследника русского трона был выбран племянник: Карл Ульрих Голштинский. В этом мальчике сошлись две царствующие линии: он был сыном дочери Петра Великого Анны, а со стороны отца — внучатым племянником Карла XII. Вначале его готовили на шведский трон, он учил латынь, катехизис и шведский язык. Но Елизавета сумела настоять на своем. Карла Ульриха привезли в Россию, при крещении он получил имя Петр Федорович.

В 1744 году ему стали подыскивать невесту. Кандидатур было много. Елизавета остановила свой выбор на четырнадцат-

цатилетней Фике, решив, что нищая и никому не известная принцесса не имеет своего лица и не сможет стать исполнительницей чьей-либо чуждой России воли. Но чуть ли не главным было то, что Софья Ангальт Цербстская была племянницей покойного и, как казалось Елизавете, еще любимого жениха Карла Голштинского. До свадьбы — она должна была состояться двенадцать лет назад — дело не дошло. Карл внезапно умер от оспы.

Наследник Петр был на год старше своей невесты. Ангальт-Цербстская семья с восторгом приняла предложение императрицы Елизаветы. Под именем графинь Рейнбек мать и дочь тайно поехали в Россию. До срока будущий брак необходимо было держать в секрете. Невеста прибыла в Петербург 9 февраля 1744 года, имея при себе дюжину сорочек и три платья, у нее не было даже постельного белья. С этого началась история будущей Екатерины Великой.

Великая княгиня

Юную принцессу тепло приняли при русском дворе. Елизавета ее обласкала, жених был в восторге. Очень многое в судьбе будущей императрицы было обусловлено ее отношениями с Петром Федоровичем, поэтому об этом следует поговорить подробнее. Они были троюродные, мать Фике (будем до времени так называть Екатерину) была двоюродной сестрой отца Петра. Впервые они встретились в Германии в 1739 году в доме бабушки Фике — Альбертины Фредерики, вдовы Христиана Августа Голштин-Готторпского, епископа Любского. Двое детей раскланялись друг с другом. Он тогда сказал: «Ах, милая кузина... Я очень рад вас видеть». Принц был улыбчив, строен, лицо имел продолговатое, с нежной и прозрачной кожей. Как позднее писала сама Екатерина, он был «...довольно живого нрава, но сложения слабого и болезненного. Он еще не вышел из детского возраста». Понятное дело — «не вышел» в одиннадцать-то лет, но, как пишут историки, Петр не вышел из детского возраста и в пятнадцать, и в двадцать, и в тридцать три — год своей смерти.

У мальчика было трудное детство. Мать его, Анна Петровна, умерла родами, отец тоже успел оставить этот мир. Воспитывали его из рук вон плохо, гувернеры были безграмотны и жестоки. Вот взгляд со стороны француза Рюльера (о Рюльере я напишу позднее), он пытается дать оценку всей жизни Петра: «Чтобы судить о его характере,

надобно знать, что воспитание его вверено было двоим наставникам редкого достоинства (по-моему, редким негодьям, которые секли мальчика. — *Авт.*), но ошибка их состояла в том, что они руководствовали его по образцам великим, имея в виду его породу, нежели дарования. Когда привезли его в Россию, сии наставники, для такого двора слишком строгие, внушили опасение к тому воспитанию, которое продолжили ему давать. Юный князь был взят от них и вверен подлым развратителям. Воспитанный в ужасах рабства, в любви к равенству, в стремлении к героизму, он страстно привязался к сим благородным идеям, но мешал великое с малым и, подражая героям — своим предкам, по слабости своих дарований, оставался в детской мечтательности, но первые основания, глубоко вкоренившиеся в его сердце, произвели странное соединение добрых намерений под смешными видами, и нелепых затей, направленных к великим предметам».

Мальчик и не тянулся к образованию. Любимым его чтением были разбойничьи романы, чтение сродни нашим плохим детективам. Как пишут историки, он был человек мелочный, обидчивый, упрямый, легкомысленный, но не злой.

Уже в Петербурге он переболел оспой, чудом остался жив. Страшная болезнь изуродовала не только его нежную кожу, но и душу. Любовь у молодых не случилась, но первое время была доверительность. Всю их совместную жизнь Петр бегал к жене советоваться и по пустякам, и по серьезным делам. Со временем доверительность не только исчезла, но и превратилась в откровенную ненависть. Екатерина во всем винит мужа, но отношения между супругами всегда формируются двумя. Это я так, к слову.

Фике была лютеранкой. Отправляя дочь в Россию, отец заклинал ее не менять веру. Однако в Петербурге на это

смотрели иначе. Елизавета считала, что невеста наследника может исповедовать только греческую веру. А Фике уже мечтала о русской короне, поэтому она уговорила себя, что различия догматов лютеран и православных совсем ничтожны. Различия-де существуют только во внешнем богослужении, а это уже сушая мелочь. В вопросах веры ее наставлял архимандрит Тодоровский, русский язык преподавал Ададунов. Фике была, как всегда, прилежна.

В июле 1744 года она приняла православие, получив при крещении имя Екатерина Алексеевна. Елизавета сумела по достоинству оценить и старательность, и ум, и, если хотите, подвиг пятнадцатилетней девочки. Во имя торжества православия она нарушила обещание, данное отцу.

Венчание молодых произошло в августе 1745 года и было очень пышным. Их отношения вошли в новую фазу. Главной задачей Екатерины в этот момент было родить сына, то есть дать государству наследника трона русского. А вот это как раз и не получалось. Екатерина писала в своих «Записках»: «Я очень бы любила своего супруга, если бы он только хотел или мог быть любимым». И еще она пишет: «Никогда умы не были менее сходны, нежели наши: не было ничего общего между нашими вкусами, и наш образ мыслей и наши взгляды на вещи были до того различны, что мы никогда ни в чем не были согласны, если бы я часто не прибегала к уступчивости, чтобы его не задевать прямо». Кроме того, великий князь очень обижал жену тем, что был влюблен, казалось, во всех женщин, кроме нее. Правда, эта любовь не шла дальше флирта и поцелуев.

Но и при разных образах мысли у супругов появляются дети, но время шло, а у великой княгини не было никаких признаков беременности. А ведь это было делом государственным! Весь двор и иностранные послы внимательно

сlediли за жизнью молодого двора. Некий де Шампо, в 1752 году он был французским резидентом в Гамбурге, доносил в Париж: «Великий князь, не подозревая этого, был не способен иметь детей от препятствия, устраняемого у восточных народов обрезанием, но которое он считал неизлечимым. Великая княгиня, которой он опротивел, и не чувствующая еще потребности иметь наследника, не очень огорчалась этим злоключением». Все это выяснилось позднее, и физический недостаток Петра путем операции был устранен, но пока во всем винили Екатерину. Не умеет склонить мужа к любви, своенравна, а может быть, и неплодна.

Прямо скажем, что жизнь Екатерины при русском дворе была несладкой. Отношения с мужем были очень неровные. Об этом Екатерина подробно пишет в своих «Записках». Иногда великий князь вообще не обращал внимания на жену, занятый своим флиртом, но потом вдруг без видимой причины становился очень внимательным. Это время было для Екатерины мучительным. Он донимал ее пустыми разговорами, мечтая построить рядом со своей дачей «Дом для отдыха и удовольствий», который почему-то должен был напоминать обликом капуцинский монастырь. Петр обожал охоту, потому держал рядом со своими покоями собачью свору. Из-за вечного лая под окнами Екатерина не могла спать. Другой мукой была игра на скрипке. Петр преклонялся перед императором Фридрихом, который, как известно, был меломаном. Плохо или хорошо играл супруг, мы проверить не можем. У Екатерины было особое устройство уха, она любую музыку воспринимала как скрип. Бывает... Но пощади жену, «не пиликай» на скрипке!

Петр пил, и весьма неумеренно, опять же по-детски играл в солдатиков и марионетки. Он разыгрывал великие баталии

в своих покоях, воюя на столе и на полу с солдатиками из дерева, свинца, крахмала и воска. Игрушки занимали его комнату целиком. «Он прибил узкие латунные полоски вдоль столов; к этим латунным полоскам были привязаны веревочки и, когда их дергали, латунные полоски производили шум, который, по его мнению, воспроизводили ружейные залпы. Он очень аккуратно праздновал придворные торжества, заставляя эти войска производить ружейные залпы; кроме того, каждый день сменялись караулы, то есть с каждого стола снимали трех солдатиков, которые должны были стоять на часах».

А любовь, как же любовь? Вот письмо Петра к жене от 1746 года. «Мадам, прошу вас больше не беспокоиться спать со мной, так как теперь не время меня обманывать. Постель покажется слишком узкой после двухнедельной разлуки с вами.

Сегодня после полудня

Ваш несчастный муж, которого вы не удостаиваете этим именем».

Обидела его чем-то супруга, вот он и написал писульку, но ведь документ!

Но жизнь продолжалась. При дворе устраивались балы и маскарады, а Екатерина любила танцевать. Еще существовала охота и загородные прогулки, а великая княгиня обожала верховую езду. Оторвавшись от общей компании, она садилась прямо в юбке в мужское седло и мчалась, куда глаза глядят. За этот мужской способ верховой езды императрица не раз делала выговор великой княгине. В те времена считалось, что езда в седле с раздвинутыми ногами мешает деторождению. Ах, Екатерина не обращала на попреки внимания. В этом ли дело? Главное закрепиться при дворе,

найти себе друзей и союзников. Она хотела быть русской и взяла себе за правило вести себя так, чтобы всем нравиться. В разговорах с важными старухами, болтливыми стариками, важными дамами, часто ей совершенно неинтересными, она неизменно была любезна, приветлива, внимательна, что не помешало ей потом написать: при дворе Елизаветы «все сердечно друг друга ненавидели».

Екатерина понимала, что любовь к ней императрицы тоже может измениться в любой момент, тем более что повод к этому был всегда — поведение матушки, Иоганны Елизаветы. По приезде в Россию Иоганне Ангальт-Цербстской было 33 года. Из очень, мягко говоря, скромного дома она попала в оглушительное богатство русского двора и совершенно потеряла голову. Нельзя сказать, чтобы Иоганна была хороша собой, но она умела нравиться. Наконец она дорвалась до почестей, славы, а пятнадцатилетняя дочь, гусенок с длинной шеей, только некая помеха на пути к славе. Балы, романы, новые наряды и бесконечные долги, за которые платила дочь, продавая подарки императрицы.

Но не за расточительство и не за скверный характер Иоганну Ангальт-Цербстскую выдворили из России, а за то, что та позволяла себе вмешиваться в дела русского двора, за интриги против канцлера Бестужева и активную переписку с прусским королем Фридрихом. Вина матери рикошетом ударила не только по Екатерине, но и по ее супругу.

Где-то через девять месяцев после свадьбы Елизавета подписала сочиненную Бестужевым бумагу, по которой «двум достойным особам» назначали гофмейстера и гофмейстерину, то есть двух надзирателей, которые должны были отслеживать каждый шаг молодых и исправлять их поведение. Петра Федоровича обвиняли в легкомыслии, в грубых привычках (нельзя прилюдно лить воду из стакана

на голову слугам), в нетактичных разговорах, в устройстве театра марионеток в своей комнате и так далее. Претензии к Екатерине были более строгими. Они включали три пункта: небрежное отношение к православию, запретное вмешательство в государственные дела, а также чрезвычайную фамильярность с молодыми вельможами, посещающими двор, с камер-юнкерами, даже с пажам и лакеями.

Что тут правда, а что ложь — неизвестно. Да, у Екатерины были дружеские отношения с братьями Чернышевыми. Эти трое блестящих молодых людей пользовались особым расположением Петра, а молодой двор на то и молодой, что там хотелось веселиться. К Екатерине приставили госпожу Чоглакову с мужем. Люди они были недалекие, но известные при дворе, Елизавета им доверяла. Чоглаковой было 24 года, но она была замужем и все время рожала, это ли не показатель высокой нравственности? Для обеспечения появления наследника, указывал Бестужев в своем документе, «великой княгине должно быть прилежно примеряться более покорно, чем прежде, со вкусами мужа, казаться услужливой, приятной, влюбленной, пылкой даже в случае надобности, употреблять, наконец, все свои посильные средства, чтобы добиться нежности своего супруга и выполнить свой долг».

От великой княгини удалили всех близких ей людей, даже слуг поменяли. Кроме того, ей запретили любую переписку, в ее комнате вообще не было письменных принадлежностей. Теперь письма «дочери к матери» писались в Иностранной коллегии, Екатерине оставалось только поставить свою подпись. Правда, со временем Екатерине удалось переслать матери несколько писем с помощью мальтийского рыцаря Сакромозо, личности загадочной и темной.

Вокруг Екатерины образовалась пустота. И чем она теперь заполняла свой досуг? Чтением. Это были уже не пу-

стые романы, а серьезные книги, которые ей поставляли из Академической библиотеки. В первый свой год проживания в Петербурге она получила ценный совет от графа Гюлленборга, который прибыл в Россию со шведским посольством. Граф по достоинству оценил способности и ум юной принцессы, который он назвал философским. Он сказал: «Каким образом ваша душа поддается расслабляющему влиянию двора, полного роскоши и удовольствия? Обратитесь снова к врожденному складу вашего ума. Ваш гений рожден для великих порывов». Эти слова Екатерина записала по памяти уже зрелой женщиной, может быть, граф говорил менее пышно, но не в этом дело. Он дал ей список книг, и Екатерина принялась за чтение. Это были «Жизнь Цицерона», «Жизнь знаменитых мужей» Плутарха и «Причины величия и упадка Римской республики» Монтескье. Вначале она очень скучала над «величием и упадком», но потом очень пристрастилась к умным авторам. Кто бы мог предположить, что работы Монтескье станут ее настольными книгами? Потом был Вольтер, «Всеобщая история Германии» Барра, «Письма мадам де Севиньи», оказавшие на Екатерину огромное влияние, но была и особенная литература, будившая ее женское сознание, а вернее сказать — инстинкты. Скажем, «Дафнис и Хлоя», полная простодушных любовных сцен. Или «История Иоанны II, королевы неаполитанской, красавицы и распутницы». Как пишет автор, сия Иоанна многих услаждала своим телом, но как можно порицать за этот порок королеву и красавицу? Она — солнце, а солнце можно только боготворить.

Рождение сына

Екатерина родила наследника на девятый год после брака. Случилось это 20 сентября 1754 года. Кажется, есть ли большая радость для матери, чем рождение сына? Ан нет. Младенца спеленали, присутствующая при этом императрица Елизавета послала за духовником. Мальчика нарекли Павлом, после чего сразу унесли в покои императрицы. Екатерина выполнила свою миссию, и о ней забыли, то есть буквально бросили в одиночестве на родильной постели без чьей-либо помощи, ни врача, ни акушерки не было рядом. Она лежала около двери, из окон, которые плохо затворялись, отчаянно дуло, по комнате гулял сквозняк. Было больно, холодно, очень хотелось пить. Но некому было подать воды. Супруг на радостях пил с друзьями отнюдь не воду. Держава тоже ликовала.

Екатерина заболела, почти два месяца не вставала с постели. Она была обижена, унижена, раздавлена душевно и физически. У нас говорят: родила мать сыночка, да не облизала. Где же его облизать, если Екатерина увидела сына через шесть недель после рождения в день «обряда очищения». Принесли, дали поддержать на руках и опять унесли. Младенец принадлежал не матери, а державе. Здесь все идет в копилку последующих отношений между матерью и сыном. Павел никогда не любил матери, со временем он ее возненавидел. Она отвечала ему тем же.

На шестой день Павла крестили. После обряда императрица сама пришла к Екатерине и принесла на золотом блюде указ Кабинету выдать роженице сто тысяч рублей и ларчик с драгоценностями, которые Екатерина нашла очень скромными. «Там было очень бедное маленькое ожерелье с серьгами и двумя жалкими перстнями, которые мне совестно было бы подарить моим камер-фрау». Деньги, правда, были очень кстати, великая княгиня была вся в долгах. Вскоре Петр узнал о подарке и закатил сцену. Почему Екатерине подарили деньги, а ему нет! В конце концов, он тоже имеет отношение к рождению наследника! Императрица устранила оплошность. Как ни худа была казна, она распорядилась наградить и Петра. Но денег не было. Черкасов, секретарь Кабинета, явился к Екатерине с просьбой отказаться от подаренных ей ста тысяч. Но потом как-то обошлось, деньги нашли.

Как только появился наследник, весь русский двор, а также иностранные дворы, принялись гадать — кто отец? Спор этот не разрешился до сих пор. Не хочется уподобляться желтой прессе и копаться в интимной жизни людей. Но интимная жизнь Петра и Екатерины относится к разряду важных государственных тайн. А как же? Если отец Павла не великий князь Петр, а некто другой, то, стало быть, вся последующая царская семья уже не Романовы. И что вы думаете? Даже портреты сличали, чтобы найти у Павла и возможных претендентов на отцовство общие черты в облике.

Иные утверждали, что Павел явно похож на Петра Федоровича. Это чем же похож? Да такого курносого, как Павел Петрович, во всем русском государстве нет. Другие говорили: да вы что? Ничего общего! Павел вообще ни на кого не похож: ни на отца, ни на проезжего молодца! Даже такой серьезный историк, как Эйдельман, опубликовал в

«Новом мире» крайне спорную работу, по сути дела, пересказав старую сплетню, подновленную догадками и новыми сомнительными документами. В статье высказывалась версия, что Павел вообще не сын Екатерины, де, «Записки» ее в этой части — чистая фальсификация, потому что рожденный ей младенец умер в ту же ночь. Далее совсем фантастично. Понимая, что страна может лишиться наследника, Тайная канцелярия (а кто же еще, по тем временам это был их КГБ) взяла младенца в чухонской деревне, расположенной под Петербургом. Младенца забрали, а жителей деревни во избежание распространения тайны в ту же ночь отправили прямиком в Сибирь. Сплетен в те времена ходило множество. Говорили также, что Павел на самом деле сын Елизаветы, которая «подсунула» его в государственных интересах Екатерине. И чему удивляться? Мы и сейчас еще спорим, например, убил ли Сталин свою жену Аллилуеву, или она сама застрелилась. А как рассмотреть события через завесы в триста с гаком лет?

Вернемся к реальности. Отмотаем кадры назад и познакомимся с главным претендентом на роль отца — камергером великокняжеского двора Сергеем Салтыковым. Он принадлежал к одной из самых старых и знатных семей России. Отец — генерал-адъютант русской армии, мать — урожденная Голицына. Она была красавицей, видно, Сергей пошел в нее. В своих «Записках», когда Голицыной давно не было в живых, Екатерина дала ей убийственно злую характеристику: «Она ходила со своими женщинами в казармы гвардейского полка, отдаваясь, пьянствовала, играла, проигрывала, давала им выигрывать; она имела любовниками триста гренадеров, которые сопровождали Ее Величество». Ее величество — это Елизавета, в 1740 году Голицына оказала ей кой-какие услуги.

Знакомство Екатерины и Сергея Салтыкова состоялось в 1752 году. Ему было 26 лет. Уже два года он был женат на Матрене Балк — фрейлине императрицы, женился по любви. Великая княгиня и Салтыков встретились в доме у Чоглаковых. Госпожа Чоглакова была, как всегда, беременна и очень скучала. Два приятеля, молодые повесы — Лев Нарышкин и Сергей Салтыков — часто приходили в дом, чтобы развлечь хозяйку. Собиралась веселая компания, зоркий наблюдатель Чоглаков следил за поведением великой княгини. Салтыков придумал, как усыпить этого Аргуса. У Чоглакова была трогательная страсть — он обожал сочинять тексты к песням. Насмешник Салтыков давал ему тему, Чоглаков полностью погружался в работу, а Сергей нашептывал на ушко Екатерине комплименты.

Вначале он только намекнул, что является истинной причиной частых посещений им дома Чоглаковых, потом осмелел и произнес слово «любовь» и слово «страсть». Екатерина возмутилась: «А как же жена ваша, которую вы, как все говорят, безумно любите?» Ответ Салтыкова был в жанре: «Не все то золото, что блестит. Я дорого расплачиваюсь за миг ослепления».

Прошла весна и половина лета. Екатерина долго не поддавалась на уговоры, но виделись они каждый день. «К несчастью я продолжала его слушать; он был прекрасен, как день, и, конечно, никто не мог с ним сравниться ни при большом дворе, ни тем более при нашем. У него не было недостатка ни в уме, ни в том складе познаний, манер и приемов, какой дают большой свет и особенно двор. Ему было двадцать шесть лет; вообще и по рождению, и по многим другим качествам это был кавалер выдающийся; свои недостатки он умел скрывать: самым большим из них были склонность к интриге и отсутствие строгих правил; но они тогда еще

не развернулись на моих глазах» (Записки императрицы Екатерины Второй).

Потом Чоглаков пригласил великую княгиню на охоту. Все гнались за зайцами, а Салтыков уединился с Екатериной. Лошади скакали, он говорил, она молчала. На этот раз он заставил ее согласиться, что она оказывает ему предпочтение между другими придворными. Разговор был долгим, и Екатерина сказала Салтыкову: пора-де расстаться, их долгое отсутствие может показаться подозрительным. Молодой человек отказался уехать прежде, чем она сознается, что равнодушна к нему. «"Да, да, только убирайтесь", а он: "Я это запомню", и прищипорил лошадь; я крикнула ему вслед: "Нет, нет!" А он повторял: "Да, да!"". Так мы расстались».

По самому стилю письма чувствуется, что Екатерине приятно вспоминать то время. Ей было тогда 23 года, она ждала любви и получила ее. Но слухи о частых свиданиях Екатерины и Салтыкова достигли ушей императрицы. Она выбрала Чоглаковых, а Сергею Салтыкову велено было уехать в свое имение. Он вернулся ко двору только в феврале 1753 года.

К тому времени вокруг Екатерины образовался свой интимный кружок, молодежь ходила друг к другу в гости, там пели, танцевали, проказничали. Петр веселился отдельно, в своем кругу. Салтыков был принят с распростертыми объятиями, но, наученный горьким опытом, держался теперь сдержаннее. Он стал «невнимательным, подчас фатоватым, надменным и рассеянным», пишет Екатерина, и неизвестно, чем бы кончились отношения этой пары, если бы в интимную жизнь не вмешалось государство в лице Бестужева. Он был врагом Екатерины, и тем удивительнее ей было узнать о разговоре, который состоялся между канцлером и

Салтыковым. Правда, к этому времени отношения великой княгини и Бестужева несколько смягчились.

У канцлера были серьезные разногласия с Петром Шуваловым, что-то связанное с устранением внутренних таможен. Шуваловы вообще были настроены враждебно к Бестужеву, и в этот момент Екатерина сама сделала шаг ему навстречу. Бестужев с радостью откликнулся. Тогда-то и состоялся его разговор с Сергеем Салтыковым, в котором канцлер дал понять, что будет смотреть сквозь пальцы на его отношения с великой княгиней.

Со своей стороны Чоглакова тоже поговорила с Екатериной, и разговор этот был вполне откровенным. Стране нужен наследник! «Вы увидите, как я люблю свое отечество и насколько я искренна; я не сомневаюсь, чтобы вы кому-нибудь отдали предпочтение: представляю вам выбор между Сергеем Салтыковым и Львом Нарышкиным. Если не ошибаюсь, то ваш избранник последний». Хорошо же Екатерина задумала Чоглаковой голову, если та выбрала на роль отца наследника Нарышкина. Далее Екатерина пишет: «На это я воскликнула: "Нет, нет, отнюдь нет". Тогда она мне сказала: "Ну, если это не он, так другой наверно". На это я не возразила ни слова. И она продолжала: "Вы увидите, что помехой вам буду не я"».

Этот разговор происходил уже в Москве, куда переехал двор. Елизавета жила в своем дворце в Покровском, а Екатерина с великим князем, кавалерами и фрейлинами мотались по разным домам. В «Записках» Екатерина жалуется на фантастическое неудобство: тесно, грязно, сквозняки, насекомые, мыши и еще пожары, которым не было конца в этом 1753 году. Наконец в подаренных Петру Люберцах срубили новый дом. В мае Екатерина почувствовала первые признаки беременности, но Чоглакова предсказала неудачу. Так и случилось, это был уже третий выкидыш.

После долгой болезни умер Чоглаков, и на его место для наблюдения за великим князем был назначен Александр Иванович Шувалов, глава Тайной канцелярии. Вот так-то! Присматривать за Екатериной определили графиню Румянцеву, которая ненавидела Салтыкова. Между тем наступил 1754 год. Двор вернулся в Петербург, Екатерина опять была беременна. Ее поместили в покои, расположенные рядом с апартаментами императрицы. Поэтому Екатерина не только не виделась с Салтыковым, она вообще была лишена какого-либо общества. Время родов приближалось.

К слову скажу, что в этом самом году Медицинская канцелярия представила «проект о сохранении народа», по которому умение всех повивальных бабок велено было освидетельствовать докторам, после чего годных к этому делу привести к присяге и называть после этого «присяжными бабками». В Москве их должно быть до пятнадцати, в Петербурге — до десяти. А если сыщутся лишние, то определить по каждой присяжной бабке в губернский город. Когда эти города наполнятся, то посылать присяжных бабок в провинцию, «дабы со временем ими все государство довольствовалось». Было также учреждено по школе в Москве и в Петербурге. В каждой быть по доктору на казенном жалованье, и называть того доктора «профессор бабичьего дела». При враче чтоб был лекарь, называть которого должно акушером.

20 сентября, как уже говорилось, Екатерина благополучно разрешилась от бремени. В честь праздника рождения наследника был устроен грандиозный фейерверк. «Россия, — пишет газета "Ведомости", — была представлена на коленях перед жертвенником с надписью внизу: "Единого еще желаю". Потом явилось с высоты на легком облаке великим сиянием окруженное Божие проведение с ново-

рожденным принцем на пурпуровой бархатной подушке с надписью: "Тако исполнилось твое желание».

Теперь мы переходим к особо деликатной теме, черпая информацию уже не из «Записок» Екатерины, а у того же Шампо, французского резидента. Его записки были высланы из Версаля в Петербург в 1758 году в качестве указания французскому посланнику Опиталю. В своем дипломатическом послании Шампо очень уверенно и пожалуй, развязно (впрочем, это вполне в духе эпохи) описывает следующие события. В Петербурге был бал, там присутствовал весь двор. «Императрица, проходя мимо Нарышкиной (бывшей тогда беременной), разговаривающей с Салтыковым, сказала ей, что не мешало бы той поделиться немного своей добродетелью с великой княгиней. Нарышкина ответила, что это было бы не так неудобоисполнимо, и если бы государыня пожелала дать ей и Салтыкову разрешение действовать в этом направлении, то она осмеливается уверить ее в ожидаемом успехе. Императрица спросила пояснений. Тогда Нарышкина осведомила ее о состоянии великого князя и о средстве, которым можно было бы помочь в этом. Она прибавила, что Салтыков, пользовавшийся у нее доверием, мог бы склонить великого князя к этому. Императрица не только согласилась, но дала даже понять, что этим они окажут ей большую услугу».

Все пошло как по маслу. Салтыков уговорил великого князя на операцию. Он уверял, что этого требуют интересы государства, но не забыл сказать о величайших удовольствиях, которые получит Петр в результате этой операции. Салтыков устроил ужин, позвал туда фавориток великого князя, дабы они тоже уговорили Петра решиться. Тут вошел хирург — «и в минуту операция была сделана».

Дальше — больше. Недоброжелатели уверили императрицу, что сцена с операцией придумана Салтыковым для отвода глаз. Шампо уверенно пишет об интриге при русском дворе: Елизавета-де не раз меняла свое мнение на этот счет, но потом уверилась, что отец Павла все-таки Петр Федорович.

Непонятно, чему тут можно верить, а чему нет. Во всяком случае, французский резидент им не поверил. Кроме того, во время написания Шампо своих заметок (1758 год) великая княгиня была увлечена совсем другим человеком. Салтыков сошел со сцены, его место занял Станислав Понятовский.

Но вернемся в 1754 год. В своих «Записках» об отцовстве наследника Екатерина пишет так уклончиво и туманно, что совершенно нельзя угадать истину. После родов она очень скучала по Салтыкову, но, судя по всему, они не виделись. На обряде «очищения» Екатерина узнала, что Сергей Салтыков отослан в Швецию, дабы сообщить там о рождении наследника русского трона.

Но... есть очень серьезное «но». Во-первых, Петр Федорович всегда считал Павла своим сыном, а значит, он имел к этому основание. Второе «но» — Павел никогда не сомневался, что его отцом был именно Петр. И третье «но» — самое главное. Екатерина писала «Записки» в течение всей своей жизни, при этом несколько раз переписывала их, принималась писать заново. Писала она очень откровенно. В каких-то мелочах варианты «Записок» расходятся, но в одном она всегда точна и последовательна — в утверждении, что ее муж — полное ничтожество. Отцовство Павла также тщательно скрыто. А потому смело можно предположить, что пером Екатерины двигало желание оправдаться за незаконно занятый трон, а также показать потомкам, что наследник имел еще меньше прав на русский престол, чем она сама.

Станислав Понятовский

В июне 1755 года на смену английскому послу Гюю Диккенсу в Петербург приехал Генбюри Вильямс, служивший прежде при польско-саксонском дворе. Англия рассчитывала в случае ее разрыва с Францией на содействие русской армии, для чего надобно было обновить договор с Россией, подписанный еще в 1742 году.

На этом периоде жизни Екатерины надо остановиться подробнее, потому что он сыграл очень важную роль в ее судьбе. Великая княгиня выполнила свою главную задачу — дала России наследника. После этого она отошла на второй план, надзор за ней и великим князем был снят. Великая княгиня все равно была стеснена в своих поступках, но это была уже дань этикету, а не полицейская слежка. Елизавета старела, болела, а Екатерина постепенно набирала силу. Так возник молодой двор, явление уникальное, он существовал параллельно двору императрицы шесть лет и был для Екатерины трамплином в будущее.

Английский посол ничего не добился от Елизаветы, политика ее интересовала постольку-поскольку, у Бестужева были свои виды. Вот тогда-то Вильямс и обратил внимание на молодой двор и главную персону этого двора — Екатерину. Дипломат знал во всех подробностях увлечения Екатерины и Чернышевым, и Сергеем Салтыковым и решил использовать эту слабость великой княгини в своих целях.

В свите Вильямса находился молодой польский граф Станислав Понятовский. Звание его — «кавалер посольства» — не предполагало какой-либо политической работы. Задача «кавалеров» была придать значимость и блеск английскому посольству. С последней задачей Понятовский справился отлично. Он был хорош собой, в свои 22 года успел попутешествовать и посмотреть мир, светскую выучку он проходил в Париже, он был хорошо по тому времени образован, при этом изящен, доброжелателен и скромнен. Романтический герой, иными словами. Отец его начал карьеру в армии, примкнул к Карлу XII и воевал против Петра. Но все скоро кончилось с Полтавской битвой. Дальнейшая карьера отца Понятовского была успешной, он получил чин генерала, со временем стал старостой Кракова и очень выгодно женился. Взяв жену из рода Чарторыйских, он сразу попал в число наиболее уважаемых семей Польши. Михайла Чарторыйский был канцлером Речи Посполитой.

Ах, что бы делали многочисленные бытописатели Екатерины, не ведавшие ни дневников и не напишавшие в свое время «Записок»! Из них мы знаем, что впервые Екатерина увидела молодого человека на балу в Ораниенбауме, где праздновали Петров день. Туда же были приглашены иностранные послы. Как известно, многие политические вопросы у нас решаются в бане, так в XVIII веке для этих целей использовали балы и маскарады.

За ужином соседом Екатерины был Вильямс. Английский посланник был умен, остроумен и образован, в лице молодой великой княгини он нашел великолепную собеседницу. Граф Понятовский не принимал участия в разговоре, он танцевал, и делал это отлично, чем и привлек внимание Екатерины.

Глядя, как легко он скользит в менюэте, она посетовала: трудно-де представить, что отец такого милого молодого человека принес столько зла России и Петру I. Вильямс деликатно заметил, что это было очень давно, а молодой человек заслуживает ее внимания. Чарторыйские составляют в Польше русскую партию, и дядя Станислава Понятовского поручил ему своего племянника, чтобы он, Вильямс, воспитал его в лучших чувствах к России и сделал из него дипломата. Екатерина: «Я ответила ему, что вообще считаю Россию для иностранцев пробным камнем их достоинств и что тот, кто успевал в России, мог быть уверен в успехе во всей Европе. Это замечание я всегда считала безошибочным, ибо нигде, как в России, нет таких мастеров подмечать слабости, смешные стороны или недостатки иностранца; можно быть уверенным, что ему ничего не спустят, потому что естественно всякий русский в глубине души не любит ни одного иностранца». Едкое замечание в устах будущей императрицы.

На балу в честь Петрова дня Понятовский заметил внимание великой княгини. Не знаю, влюбился ли он с первого взгляда, но очень скоро молодой человек сосредоточил на Екатерине все свои помыслы. Понятовский тоже оставил «Записки». В них он охарактеризовал Екатерину в очень пылких выражениях: «Ей было двадцать пять лет; она только что оправилась от своих первых родов и была в той поре красоты, которая называется расцветом каждой женщины, наделенной ею. Брюнетка, она была ослепительной белизны; брови у нее были черные и очень длинные; нос греческий, удивительной красоты руки и ноги, тонкая талия, рост скорее высокий, походка чрезвычайно легкая и в то же время благородная, приятный тембр голоса и смех такой же веселый, как и характер, позволявший ей с одинаковой

легкостью переходить от самых шаловливых игр к таблице цифр, не пугавших ее своим содержанием».

Он ехал в Россию, приказав себе быть предельно осторожным. У всех еще живы были в памяти ужасы времен императрицы Анны Иоанновны: любовников царской семьи примерно наказывали. В Петербурге слух о Салтыкове достиг его ушей. Как знать, может быть, Екатерина до конца дней будет верна своему возлюбленному. Трудно, господа, очень трудно решиться на первый шаг! Позднее он напишет: «Сперва строгое воспитание оградило меня от беспутного знакомства. Потом честолюбие побуждало меня проникнуться и держаться в так называемом высшем обществе в особенности в Париже; честолюбие ограждало меня в путешествиях и странное стечение обстоятельств всегда мешало мне в моих попытках вступить в связь за границей. У себя на родине и даже в самой России и, казалось, сохраняло меня умышленно цельным для той, которая с той поры располагала моей судьбой». Он был влюблен, но очень трусил. Но Вильямс слегка подтолкнул его, и первый шаг был сделан.

А Екатерина была открыта для новой любви. Салтыков все еще находился за границей. Тамошняя публика отзывалась о его поведении очень неодобрительно. Он вел себя нескромно и в Стокгольме, и в Дрездене. Где бы он ни бывал, он не пропускал ни одной юбки. Салтыкова надо было вычеркнуть из жизни.

Помните две кандидатуры, цинично названные Чоглаковой: Сергей Салтыков и Лев Нарышкин? Теперь подле Екатерины находился второй. Он никогда не был ее любовником, его назначение — быть шутом и развлекать великую княгиню. Екатерина пишет, что в это время очень сблизилась с Анной Никитичной Нарышкиной. Лев был ее деверем,

то есть мужниным братом, еще были сестры, беспечные и молодые. В компанию вовлекли Ектерину, в театре и на балах молодежь весело проводила время. Случилось, что Лев Нарышкин заболел горячкой, болел он трудно и каждый день писал Екатерине письма. В них он дурачился, просил сочувствия, а еще варенья и прочих лакомств. Потом вдруг стиль писем изменился, они стали более серьезными и сдержанными. Екатерина поняла, что под именем Льва ей пишет кто-то другой. Впоследствии выяснилось, что тайным корреспондентом был Станислав Понятовский.

Наступила осень, пора очарования, и влюбленный кавалер решил написать великой княгине от своего имени. Посыльным был Нарышкин, он же принес ответ. «Я забыл, что есть Сибирь», — сознается Понятовский в своих «Записках». Он жил, предвкушая встречу, и она состоялась, Лев Нарышкин этому поспособствовал. Екатерина очень подробно описывает эту встречу, вернее, подготовку к ней. Попасть в комнаты Екатерина во дворец можно было только пройдя покои великого князя. Это не составляло труда, но, чтобы встретиться с самой Екатериной, балагур Лев взял себе в привычку мяукать под ее дверь: мол, впустите! Екатерина точно отметила это вечер в дневнике — 17 декабря. Нарышкин, как обычно, мяукал, его впустили. Озорно блеснув оком, он сказал, что сестра его прихворнула и ее надо навестить.

«—Я охотно бы это сделала, но вы знаете, что я не могу выходить без позволения и что мне никогда не разрешат пойти к ней.

— Я сведу вас туда.

— Вы в своем уме? Как можно идти с вами? Вас посадят в крепость, а мне за это Бог знает какие будут истории.

— Никто этого не узнает. Мы примем свои меры».

Нарышкин и предложил план, по которому Екатерина должна будет переодеться в мужское платье. Великий князь Петр давно спал отдельно от жены, кроме того, после ужина он всегда пьян, а потому ничего не заметит.

«Это предприятия стало меня соблазнять. Я всегда была одна в своей комнате, со своими книгами, без всякого общества». Словом, она решилась. Как только Владиславова (наперсница и цербер) пошла спать, Екатерина оделась в мужской костюм. Они прошли через покои великого князя, через маленькую переднюю вышли на улицу и сели в карету, «смеясь, как сумасшедшие над нашей проделкой». В доме Нарышкиных они нашли веселую компанию, с ними Понятовского. «Лев представил меня как своего друга, которого просил принять ласково. И вечер прошел в самом сумасшедшем веселье, какое только можно себе вообразить».

На следующий день Лев предложил ответный визит. Тем же путем через маленькую переднюю он провел всю компанию в покои великой княгини. Молодежь получала огромное удовольствие от своих проделок, тем более что они ни разу не были пойманы. Один раз во время визита Нарышкина и Понятовского великому князю вздумалось навестить жену. Лев тут же увлек своего приятеля в спальню Екатерины и поднес палец к губам — молчи! Понятовский был вне себя от восторга — он проник в святую святых обожжаемой. И на этот раз все обошлось.

Молодая компания встречалась тайком два-три раза в неделю. Место встречи «обговаривалось» в театре. Женщины сидели в ложах, мужчины в креслах, но азбука взглядов и жестов действовала безотказно. Летом двор уезжал за город, но это не помешало влюбленным видеться. Однажды Понятовский признался Бестужеву, что пять раз был в Ораниенбауме, где жила Екатерина. Канцлер не преминул сообщить

об этом Вильямсу, добавив: «Ваш кавалер чертовски смел!» Понятовскому было море по колено.

Но тесной дружбе и любви Екатерины и молодого поляка должен был прийти конец. В Европе назревала война: с одной стороны Россия и Австрия, с другой — Пруссия, к которой должна была примкнуть Англия. Кроме того, Понятовского ждали в Польше. Родители и родственники требовали, чтобы он выступил на предстоящем сейме. Молодому человеку пора было делать настоящую карьеру. Нельзя вечно ходить в посольских кавалерах! Его ждал отъезд.

Понятовский приехал в Ораниенбаум проститься с великокняжеской четой. Его сопровождал шведский граф Горн, которому тоже предстояло уехать на родину, а также вездесущий Лев Нарышкин с невесткой. Гостей приняли очень радушно и уговорили задержаться на два дня. Великому князю вскоре наскучила их компания, у него женился егерь, предстояло веселое пиршество, и посему он целиком предоставил жене заниматься Понятовским и Горном.

Здесь приключилась забавная история. После обеда Екатерина повела их показать свой кабинет. Ее маленькая болонка бросилась к Горну с отчаянным лаем, но, увидев Понятовского, запрыгала от радости. Граф Горн точно оценил обстановку и, улучив момент, сказал Понятовскому: «Друг мой, нет ничего более предательского, чем маленькая болонка; первая вещь, которую я делал с любимыми мной женщинами, заключалась в том, что дарил им болонку, а через нее-то я всегда узнавал, пользовался ли у нее кто-нибудь большим расположением, чем я сам. Вы видите, собака чуть не съела меня и обрадовалась вам. Нет сомнения, что она не первый раз вас тут видит». Понятовский смутился и стал уверять графа, что это просто случайность, на что Горн

заметил: «Не бойтесь ничего. Вы имеете дело со скромным человеком».

По дороге в Польшу Понятовскому пришлось пережить несколько неприятных минут. На подъезде к Риге его догнал императорский курьер. В своих «Записках» граф горячо заверяет читателя, что ничуть не испугался, но именно эта его горячность говорит об обратном. Елизавета могла найти много способов наказать смелого любовника. Как тут не вспомнить о Сибири! Но, оказывается, курьер был вестником добра. Он вручил Понятовскому письма от М.И. Воронцова и И.И. Шувалова, а также драгоценную табакерку — дар самой императрицы.

Пребывая на родине, Понятовский вел с Екатериной через Вильямса активную переписку. Эти письма не сохранились, но сохранились другие, те, которыми Екатерина обменивалась с самим Вильямсом. Об этих письмах позднее будет особой разговор. Из них мы знаем, что Екатерина заинтересовалась политикой, теперь она уже другими глазами смотрела на карту Европы. Польские дела ее интересовали особо, у нее была своя цель — Понятовский должен вернуться в Петербург, но уже не в свите чужого посольства, а посланником польского короля Августа III.

Родители Понятовского был против его возвращения в Россию, особенно категорично была настроена мать. Она попросту боялась за сына, поскольку выведала, что именно заставляет его настойчиво стремиться в Петербург. «Я остался в самом отчаянном положении, в каком когда-либо бывал, — пишет Понятовский, — я всю ночь не сомкнул глаз, я бился головой о стену более с ревом, чем со слезами». Но дядя оказались дальновиднее: «Не время заниматься пустяками — и он сам, и мы все сломаем себе шеи, если он не вернется. Мы потеряем поддержку Коллеты и заслужим

ее ненависть, если не устроим его возвращение». Коллетой в семье в шутку прозвали Екатерину. Молодому человеку обеспечили «побег» из родного дома, а матери сказали, что сын якобы уехал в Литву по делам. Ну а дальше все легко было объяснить, мало ли какие обстоятельства заставили его вернуться в Россию.

23 декабря 1756 года Понятовский в качестве польского посланника приехал в Петербург. Теперь значимость его при русском дворе была очевидна, да и настроение там было совсем другое. 26 августа 1756 года Фридрих II дал приказ своим войскам перейти границы Саксонии. Началась война, получившая в истории название Семилетней. Август III переехал в Варшаву, шла активная борьба партий, а Станислав Понятовский в качестве посланника далеко не всех удовлетворял. Ему было необходимо зарекомендовать себя в Петербурге самым лучшим образом, что он и сделал.

31 декабря он был официально принят у императрицы, где и произнес речь, в которой не только расточал комплименты, но обвинил Фридриха II в развязывании войны. Более того, он обозвал прусского короля «гидрой». Елизавете речь понравилась, но еще больше она понравилась самому Понятовскому. Позднее он написал: «Императрица слыхла лишь банальные приветствия, которые произносились людьми, совершенно непривычными говорить публично, произносились так, что иногда нелегко было разобрать слова; для нее было совершенной новостью слышать лестные речи от иностранца, который был проникнут своим сюжетом, и думал, как и она, что король прусский действительно поступил несправедливо».

Речь по приказанию императрицы напечатали. Родственники в Варшаве оценили красноречие их Станислава, но и перепугались: а вдруг Фридрих обидится на слово «гидра» и

захочет отомстить Польше? Но вскоре стала известна реакция Фридриха: «Я бы очень желал, чтобы то, что он говорит, оказалось правдой, и у меня бы действительно отрастали новые головы, когда старые будут срублены». Понятовский ходил в героях.

Жизнь Вильямса в Петербурге была сложной. Еще 16 января 1756 года Фридрих заключил тайный союз с Англией, Вильямс практически пребывал во враждебной державе. Понятовский жил теперь отдельно, виделись они редко, но Вильямс продолжал внимательно следить за поведением любовников. В письмах к Екатерине он писал: «Встречайтесь где угодно, но не у вас; если вас встретят на улице и узнают, это вызовет подозрения и только. Но если его схватят при входе к вам, — все кончено: он погиб».

Но когда влюбленные слушают мудрые предостережения? Екатерина пишет: «В эту зиму образ жизни у нас был тот же, что и в прошедшую: те же концерты, те же балы, те же кружки», а значит, частые встречи веселой компании. Необходимость в Нарышкине уже отпала. Теперь Понятовский часто приходил к Екатерине один. Он надевал белый парик, закутывался в плащ и по знакомой, хорошо изученной лестнице шел в покои Екатерины. Стража его останавливала: «Кто идет?» — «Музыкант великого князя», — отвечал Понятовский и проходил беспрепятственно. Потом гвардейцы и спрашивать перестали — привыкли.

В декабре 1757 года у Екатерины родилась дочь. Ее нарекли Анной в честь покойной матери Петра — Анны Петровны, герцогини Голштинской. Рождение девочки праздновали очень широко. На одном из куртагов за ужином Петр, в подпитии, конечно, позволил себе бестактность, сказав во всеуслышание: «Бог знает, откуда моя жена берет свою беременность, я не слишком-то знаю, мой ли это ребенок и

должен ли я принимать его на свой счет». Петр был очень близок к истине, но Екатерина пишет об этом с обидой. Молва приписывала отцовство Анны Понятовскому. Бедная девочка умерла двух лет от роду.

Роды были трудными. Как и в первый раз, Екатерина страдала от одиночества и заброшенности. И все-таки молодой компании удалось прорваться в ее покои. Екатерина сказала Владиславовой, что рано уснет, и та оставила ее в покое. Здесь компания и просочилась — три дамы и Понятовский.

И надо же такому случиться, чтобы в этот поздний час с визитом пожаловал сам глава Тайной канцелярии, «оракул», как его называли, — Александр Иванович Шувалов. Екатерина приняла его лежа в постели. По счастью, в спальне за занавесом и ширмами находился маленький кабинет. В нем и укрылась спешно веселая компания. Шувалов исполнял при дворе должность генерал-фельдцейхмейстера, то есть отвечал за фейерверки. Готовилось новогоднее празднество, и он явился к великой княгине посоветоваться относительно его устройства. Шувалов показывал план, Екатерина зевала и терла глаза, якобы со сна, а за занавеской в тесной комнатенке беззвучно давились от смеха веселые гости.

Когда Шувалов ушел, выяснилось, что от пережитого волнения все страшно проголодались. Были призваны слуги. Им велено было принести много разнообразных блюд. Как только кушанья появились на столе, молодежь вышла из-за занавески и набросились на еду. «Признаюсь, этот вечер был одним из самых шальных и самых веселых, какие я провела в своей жизни. Когда проглотили ужин, я велела унести остатки еды также, как ее принесли. Я думаю только, моя прислуга была немного удивлена моим аппетитом».

Начало 1758 года ознаменовалось очень важным событием — 14 февраля великий канцлер Бестужев был отставлен от должности и арестован. Его отставка готовилась не менее двух лет, императрица давно не находила с канцлером общих слов как в делах политических, так и в личных. Одной из серьезных претензий, если рассуждать очень начерно, было «преступное» потворство генералу Апраксину, главе русской армии. Апраксин, сам того не ожидая, выиграл у Фридриха битву при Гросс-Егерсдорфе, но не воспользовался победой, не взял Кёнигсберг, а позорно отступил. Апраксин тоже был арестован, и только внезапная смерть спасла его от суда.

И в Петербурге, и за границей пошли слухи о предательстве. Екатерина узнала об аресте канцлера из записки Понятовского и, по ее словам, «так и остолбенела». Кроме Бестужева были арестованы: Елагин, бывший адъютант графа А.К. Разумовского, Ададуров, когда-то учивший Екатерину русскому языку, а теперь служивший у Бестужева, и ювелир Бернард. Екатерине было из-за чего волноваться. Понятовский был дружен с Елагиным. Кроме того, у нее самой были личные отношения с Бестужевым. Их неприязнь друг к другу давно канула в Лету. Они тесно общались, более того — переписывались.

Письма — это всегда улика. Из-за них Екатерина места себе не находила. На следующий после ареста Бестужева день голштинский министр Штамбке, как обычно докладывая Екатерине о последних событиях в герцогстве, как бы между делом сообщил, что получил от Бестужева записку. В ней канцлер просил передать Екатерине, что успел сжечь все опасные бумаги. Екатерина перевела дух. В огонь пошли и ее письма. Мы никогда не узнаем их содержания, но совершенно очевидно, что они могли серьезно скомпрометировать великую княгиню. Новый удар — у Бестужева была найдена

записка от Понятовского, записка совершенно невинного содержания, но при создавшейся ситуации — все в копилку. Русский кабинет потребовал у Польши официальной отставки Понятовского. Штамбке, голштинский министр, за связь с Бестужевым уже был отставлен и выслан.

В апреле и мае этого года состоялись два очень важных разговора императрицы с Екатериной, решившие дальнейшую судьбу последней. К этому времени поведение и Петра, и Екатерины совершенно вывело Елизавету из себя. Великий князь пил и вообще вел себя непотребно, великая княгиня излишне вольничала, кроме того, вмешивалась в политические дела, что было не по чину. Словом, у императрицы накопилось столько претензий к наследнику и его супруге, что она в запальчивости сказала — а не выслать ли эту парочку в Европу (так сказать, по месту жительства)? Екатерина знала об этом и восприняла слова Елизаветы как реальную угрозу.

Теперь о великолепной интриге, которую сплела Екатерина и которую с блеском выиграла. Все началось вполне буднично. Екатерина хотела поехать в театр на русскую комедию. Там она собиралась встретиться с Понятовским. Встреча эта была крайне необходима. В театр по этикету ей полагалось ехать со своими фрейлинами. А Петр не любил русской комедии. Он предпочел в этот вечер провести с этими же фрейлинами дома. Одна из них, Елизавета Воронцова (сестра известной Дашковой), была его любовницей.

Екатерина подробно описывает этот вечер в своих «Записках». Супружеская сцена, «он был в ужасном гневе, кричал, как орел, говоря, что я нахожу удовольствие в том, чтобы нарочно бесить его...» Слово за слово, наконец, Петр запретил давать Екатерине карету. В дело как-то боком вмешался Александр Шувалов. Что-то он там блял: мол,

нельзя идти против воли великого князя, но Екатерина сказала ему, что напишет письмо императрице и расскажет об этом безобразии. В театр она все-таки попала (без фрейлины Воронцовой), а ночью исполнила свою угрозу — по-русски написала письмо императрице. В нем она описывала свою трудную жизнь, невозможность общения с собственными детьми, ужасные отношения с мужем, добавила, что так больше жить не может, и умоляла отпустить ее на родину: «... я проведу остаток дней у моих родных, молясь Богу за Вас, за великого князя, за детей и за всех тех, кто мне сделал добро или зло...» Письмо ее передал императрице Шувалов, и вскоре сообщил, что «императрица вызовет вас для разговора — ждите».

Императрица не торопилась с разговором, а между тем дала отставку верной дуэнье Екатерины — Владиславовой. Когда-то дуэнья была врагом, теперь стала другом. Это была «последняя капля». Екатерина дала волю слезам. То есть она плакала и плакала, ее утешали, но не могли утешить. Пришла утешать великую княгиню и ее камер-юнгфер — Шаргородская. Искренне печалась за Екатерину, Шаргородская предложила помощь: «Мы все боимся, как бы вы не изнемогли от того состояния, в каком мы вас видим; позвольте мне пойти сегодня к моему дяде, духовнику императрицы и вашему; я с ним поговорю и обещаю вам, что он сумеет так поговорить с императрицей, что вы этим будете довольны». Камер-юнгфер выполнила свое обещание. Дядя, он же духовник, посоветовал Екатерине сказать больно и просить, чтобы ее исповедовали.

Сказано — сделано. Екатерине не нужно было особо притворяться. От слез и горя она уже не держалась на ногах. Играла болезнь она великолепно, приближенные уже опасались за ее жизнь. Этой же ночью пришли доктора.

Но Екатерина твердила, что не телу ее нужна помощь, а душе. Духовник, наконец, был позван, и она исповедовалась. Исповедь длилась полтора часа. Екатерина пишет о духовнике: «Я нашла его исполненным доброжелательства по отношению ко мне и менее глупым, чем о нем говорили». Он дал дельный совет — в разговоре с их величеством настаивайте на том, чтобы вас отослали за границу. Их императорское величество никогда этого не сделает. Потому что «...нечем будет оправдать эту отставку в глазах общества».

Духовник дождался пробуждения императрицы и попросил о скорейшем свидании с Екатериной, потому что «горе и страдание могут ее убить». Разговор с императрицей состоялся ночью (самое деловое время для Елизаветы) и прошел по заранее оговоренному сценарию. При разговоре присутствовал и Петр. Если читатель заинтересуется подробностями этой беседы, он найдет их в «Записках» Екатерины на страницах 450—455. Главное, разговор был трудным, но кончился к обоюдному согласию. Все подозрения с Екатерины были сняты. О том, что она уедет в Европу, дабы жить в бедности и неустанно молиться, вопрос уже не стоял.

О втором разговоре императрицы с Екатериной известно только, что он был вполне доброжелательным. О высылке Понятовского в Польшу было как-то забыто.

Несколько слов от автора: хороша исповедь, если ты прощаешь заранее, в чем надобно каяться, а о чем умолчать, мало того — ты точно знаешь, что содержание исповеди будет подробно пересказано нужному человеку. Главное, что сама Екатерина не видит в этом ничего зазорного и откровенно пишет об этом в своих «Записках». Впрочем, в вопросах веры Екатерина обладала, выражаясь в духе Достоевского, «большой широкостью», то есть никогда не была строга. Видно, из такого материала и делаются великие правители.

Когда арестовали Бестужева, она на глазах своего камердинера Шкурина сожгла все свои записки, документы, даже счетоводные книги, «все, что имело вид бумаги». Шкурина она сказала: «Будут спрашивать мои счета, скажешь, что я все сожгла». В огонь пошли и письма, которые могли ее полностью скомпрометировать, — ее переписка с английским посланником Вильямсом.

Переписка эта попала в Россию из Англии, и в 1864 году Александр II передал ее в Государственный архив. Письма Вильямса подлинные, ответные письма Екатерины — в копиях. Кроме того, переписка выглядит словно она идет между двумя мужчинами. Это дает возможность некоторым исследователям сомневаться в материале — не подделка ли! Что об этом говорить? «Слово о полку Игореве» до сих пор предмет спора, а «Слово...» живет, его и в школах проходят.

Тема «спорных» писем, их стиль, настроение, круг интересов выдают в них Екатерину. Легко объяснить, почему ее письма остались в копиях. По просьбе великой княгини (о чем не раз упоминается в переписке) Вильямс возвращал Екатерине ее письма, но, как истый дипломат, не забывал снимать с них копии. Екатерина об этом не подозревала. В своих «Записках» она ни словом не обмолвилась об активной переписке с английским посланником. Свои подлинные письма она успела сжечь на глазах у камердинера Шкурина.

Писем много, а срок их написания небольшой, четыре месяца осени 1758 года. Понятовский был тогда в Польше, Екатерина была предоставлена себе самой и очень задумывалась о своей будущей судьбе. Вильямс был опытный дипломат, он умел разговорить собеседника, направить его мысли по нужному ему курсу. И сама того не ведая (а может, ведая), великая княгиня выбалтывала сведения о намерени-

ях правительства в отношении других государств, сообщала о своих беседах с главнокомандующим Апраксиным, о том, как и о чем обмолвился Бестужев. Ничего особенно важного она знать не могла, но излишняя откровенность с дипломатом враждебного государства, безусловно, заслуживает порицания.

В ту осень императрица очень болела, и вопрос о ее смерти и смене правления висел в воздухе. С давних пор на Руси пересуды о здоровье царствующих особ и их семей караются очень жестоко. Хорошо, если ссылка в собственное имение, а не в монастырь или в Сибирь. В переписке с Вильямсом здоровье Елизаветы обсуждалось постоянно, причем часто Екатерина позволяла себе неуважительный тон по отношению к императрице. Чего стоит, например, такая фраза: «Ох, эта колода! Она просто выводит нас из терпения! Умерла бы поскорее!»

Кроме того, в письмах Екатерина подробно, детально, с пунктами намечает план своего поведения в случае смерти Елизаветы и смены власти. Если бы любое из этих писем попало в руки императрицы, Екатерина была бы не просто выслана из страны, но подвергнута серьезному наказанию. Понятно, что она очень рисковала, ведя свой разговор с Елизаветой. Но выиграла, приобретя опыт большой политической игры.

Страсти при дворе утихли, и свидания Понятовского и Екатерины возобновились. Чувствуя себя на вершине успеха, влюбленные были не просто смелы, но беспечны. Иначе с Понятовским не случилась бы «эта неправдоподобная история», стоившая ему огромных, почти смертельных переживаний. По легкомыслию сам он считал, что все кончилось хорошо. Однако эта история сыграла существенную роль в его отъезде из Петербурга. О случае в Ораниенбауме

(27 июня 1758 года) столько раз рассказывали в литературе! Перескажу ее и я.

Екатерина в Ораниенбауме лечилась водами (очень популярное в XVIII веке занятие), Понятовский жил в Петергофе. «В эту роковую ночь» он поехал к обожаемой в обычной извозчицкой карете со слугой на запятках. Неожиданно в саду ему повстречалась веселая компания во главе с великим князем и Воронцовой. «Кто это едет?» Слуга ответил как велено: «Портного к ее высочеству». Воронцова засмеялась в ответ — а не поздновато ли для портного? Ух, обошлось! Но на обратном пути Понятовского окружили солдаты и потащили к великому князю. Петр узнал Понятовского. Бедного графа потащили куда-то к морю, он уже приготовился к смерти, но его привели в какое-то помешение. Дальше пошел такой разговор: «Какие у вас отношения с моей женой?» Понятовский описывает эту сцену по-французски. В вопросе великого князя присутствует многозначие. Видимо, во французском языке просто не было слова, знакомого русскому уху, то есть вопрос был задан в очень грубой форме. Как настоящий джентльмен, Понятовский ответит отрицательно: мол, любовных отношений нет. «Говорите правду, — настаивал Петр, — если вы сознаетесь, все устроится отлично, если станете заператься, вам будет плохо». «Я не могу сознаться в том, чего нет», — упорствовал Понятовский.

Ну-ну... Петр вышел, оставив графа одного с караулом. Через два часа томительного ожидания появилась Тайная канцелярия в лице Шувалова. «Вы должны понимать, граф, — сказал Понятовский, — что в интересах двора важно, чтобы все окончилось с наименьшим шумом. Мне нужно поскорей отсюда удалиться». Шувалов нашел эти слова разумными. Через час карета умчала Понятовского в Петергоф.

Два дня полной неизвестности были мучительны, но на третий — в день именин великого князя — он получил от Екатерины записку: мол, все благополучно, я переговорила с Воронцовой, встретимся на балу. Вечером на балу Понятовский решился пригласить Воронцову на танец.

— Вы можете сделать кого-то счастливым, — шепнул он ей.

— Это уже почти устроено, — улыбнулась фаворитка. — В полночь отправляйтесь с Нарышкиным в павильон Монплезир, где живут их высочества.

Понятовский воспользовался советом. С собой на всякий случай он взял сопровождающего — графа Браницкого, потом и Нарышкин подошел. На пороге павильона их встретил великий князь с Воронцовой.

— Ну не дурак ли ты? — сказал он, обращаясь к Понятовскому. — Почему сразу мне не доверился? Не было бы никакой ругани.

Понятовский рассыпался в комплиментах, шутил, подлизывался, как мог. Петр был благосклонен, смеялся, а потом вдруг вышел и вскоре явился, ведя за руку заспанную жену, одетую кое-как и в туфлях на босу ногу. А дальше была веселая пирушка. «И вот мы все шестеро, словно ничего не случилось, стали болтать, смеяться и выделять тысячи шалостей с фонтаном, который был в салоне. Разошлись не ранее четырех часов утра».

Подобные встречи вчетвером, Понятовский с Екатериной и Петр с Воронцовой, происходили потом четыре раза: вначале ужинали, беседовали, смеялись, а потом расходились по своим комнатам. Уходя с Воронцовой, великий князь неизменно говорил: «Ну, дети мои, теперь мы, я думаю, вам больше не нужны». Вот такая история, такие вот нравы.

Вскоре Понятовский был отозван в Польшу. Ехал на время, уехал навсегда. Он увиделся с Екатериной только через тридцать лет, но об этом позднее. В Варшаве молодой граф был очень благосклонно принят и королем, и двором. Красавицы сходили по нему с ума. Матушка уже подыскала ему невесту — такая пригожая, прелестная, знатная и богатая, первая красавица Польши — девица Оссолинская. Но сын только отмахивался. Он строчил письма в Россию. Вильямса уже не было в Петербурге, он уехал еще до ареста Бестужева. Роль почтового голубя взял на себя доброжелательный Иван Иванович Шувалов.

Эта переписка не сохранилась. Но в архивах содержались шесть писем Екатерины, написанные в это время опальному Елагину, сосланному по делу Бестужева, кажется, под Казань. В этих письмах Екатерина упоминает Понятовского, называя его «нетерпеливым человеком». Да, польский граф нетерпелив, он жаждет встречи, а Екатерина понимает, что встреча их сейчас не ко времени. «Нетерпеливый человек здоров, верен и мил по-прежнему, а обретается в отчестве своем. Поворот его хотя трудный, но не отчаянный».

Императрица Елизавета скончалась 25 декабря 1761 года на пятьдесят втором году жизни. Престол занял Петр III. Ах, как переживала Екатерина это событие! Смена власти в России в XVIII веке была предприятием не только ответственным, но и опасным. Хорошо было в старой доброй Англии: «Король умер. Да здравствует король!» Да и у нас прежде все шло своим чередом. Но после Петра I все занимали власть путем дворцового переворота. Екатерину I, Анну Иоанновну, Анну Леопольдовну, саму Елизавету на престол посадила гвардия, и было совершенно непонятно, как она поведет себя на этот раз. Петр Федорович был законным наследником, но при этом очень непопулярным в

дворцовых сферах. А ведь еще жив был Иван Антонович. Он сидел в Шлиссельбургской крепости, но при этом имел такие же права на престол, как и великий князь Петр. Кроме того, могло обнаружиться завещание покойной императрицы. А она очень не жаловала своего племянника. Очень вероятно, что ей могла прийти в голову мысль отдать престол Павлу, лишив родителей права регенства. Ведь уже было такое у Анны Леопольдовны и ее несчастного мужа.

Вот тут-то Екатерина наверняка вспомнила Вильямса и его четырехлетней давности советы на случай смерти императрицы. «Нужно, чтобы великий князь и вы появились тотчас же, но не прежде, чем будет установлена и принесена вас обоим присяга министрами или министром, кого вы допустите до себя. В первые дни никого не принимайте худо, но своих сторонников отличайте. Старайтесь, чтоб на лице вашем не выражалось ничего, кроме полного спокойствия и хладнокровия. Если великий князь Павел здоров, надо бы вам вернуться с ним на руках. Нет вовсе необходимости заботиться о вашей безопасности или о защите вас. Права великого князя ясны как день — во всей Европе нет более несомненных. ... Если окажется завещание и будет не вполне вам подходить, лучше его уничтожить. Неставляйте никаких других прав кроме: от крови Петра Великого».

Но все прошло без сучка, без задоринки. О правлении Петра III еще будет место написать подробнее. Он правил шесть месяцев, после чего путем дворцового гвардейского переворота Екатерина получила трон.

Возьмемся в Понятовскому. Он тут же собрался ехать в Россию, но не тут-то было. Нет писем, которые он писал Екатерине, но сохранились ее ответы. Переписка велась в строжайшей тайне через доверенных лиц. Вот письмо от 2 июля 1762 года, то есть через четыре дня после переворота:

«Убедительно прошу вас не спешить приездом сюда, потому что ваше пребывание при настоящих обстоятельствах было бы опасно для вас и очень вредно для меня. Переворот, который только что совершился в мою пользу, похож на чудо. Прямо невероятно то единодушие, с которым это произошло. Я завалена делами и не могу сделать вам подробную реляцию. Я всю жизнь буду стараться быть вам полезной и уважать и вас и вашу семью, но в настоящий момент все здесь полно опасности и чревато последствиями. Я не спала три ночи и ела только два раза в течение четырех дней. Прощайте, будьте здоровы. Екатерина».

Понятовский не понял. Понятное дело, их свиданию грозит опасность, но эта опасность им всегда грозила. Любовь превыше всего! А вот письмо Екатерины от 2 августа: «Я отправляю немедленно графа Кейзерлинга послом в Польшу, чтобы сделать вас королем по кончине настоящего короля, и в случае, если ему не удастся это по отношению к вам, я желаю, чтобы королем был Адам». Под Адамом они понимала Чарторыйского. Екатерина все предусмотрела, у нее далекоидущие планы. А дальше опять: «Я вас прошу воздержаться от поездки сюда». Затем следует на нескольких страницах подробное описание происшедшего, а в конце: «Я сделаю все для вашей семьи, будьте в этом твердо уверены». И наконец: «Прощайте, бывают на свете положения очень странные».

Какая семья, при чем здесь семья? Ему обещают польскую корону. Ладно. Спасибо. Но по размеру ли она ему? Он жаждал соединиться с обожаемой. Он уже дал обет в соборе перед своим духовником, что никогда никого не возьмет в жены, кроме нее — Екатерины. Она что, не понимает этого? Не хочет понять? Он опять строчит послание, за ним другое. И все о любви, о любви... Ответ от 9 августа: «Пишите мне

как можно меньше или лучше совсем не пишите без крайней необходимости, в особенности без иероглифов». (Имелся в виду шифр.)

От 27 апреля 1763 года: «Итак, раз нужно говорить вполне откровенно и раз вы решили не понимать того, что я повторяю вам уже шесть месяцев, это то, что если вы явитесь сюда, вы рискуете, что убьют обоих нас». Далее идет разговор исключительно о политике. Это была другая женщина, такой Понятовский никогда не знал.

5 октября 1763 года скончался король Август III. Саксония досталась его сыну, а с Польшей вопрос был поставлен особо. Речь Посполитая была республикой, и королевская власть в ней была выборной. При Августе III королевская власть совершенно обесценилась. Все решал сейм, а в сейме правил старый закон «*Libellum veto*», то есть одного депутатского голоса было достаточно, чтобы решение большинства не прошло. Кроме того, шляхта имела право конфедерации — вооруженного союза для защиты своих прав.

В Варшаве шли активная борьба и перегруппировка партий. Большинство считало, что Станислав Понятовский мало того что выскочка, так еще ни умом, ни талантом не подходит на роль короля. Существовала могучая политическая партия Чарторыйского. Адам сам не прочь был обрести корону, чтобы бороться с анахронизмом «вето» в сейме и правом конфедерации. Но Адам понимал, что он не пройдет, и его партия выдвинула кандидатуру Понятовского. Гарантом в этом случае были русские войска, которые стояли в Литве и на границе с Польшей. Кроме того, здесь были свои «ящики из-под ксерокса», на подкуп выборной кампании Россия потратила 4 с лишком миллиона рублей, Екатерина умела быть щедрой.

Королем в августе 1764 года был выбран Понятовский, выбран на предложенных Екатериной условиях: «Во все время своего правления государственные интересы нашей империи собственными почитать, их остерегать и им всеми силами по возможности поспешествовать».

Как уже говорилось, встретились они только в 1787 году в местечке Канев, куда король Станислав Август приехал приветствовать императрицу Екатерину, когда она ехала в Крым. Понятовский был принят на галерее ее величества, принят пышно, но императрица была очень сдержанна.

Что касается частной жизни польского короля, то смело можно сказать — он любил Екатерину всю жизнь. Семьи у него так и не было, но детьми он обзавелся. Соблюдая обет безбрачия, он имел трех сыновей — Михаила, Казимира и Станислава — и двух дочерей: Констанцию и Изабеллу. Матерью детей была Эльжбета Грабовская. Ходили слухи, что после смерти мужа Эльжбета тайно обвенчалась с королем, но за точность не ручаюсь.

Правление Понятовского было трагическим и привело к тому, что Польша как самостоятельное государство на 123 года исчезло с карты Европы. А началось все на первый взгляд невинно. Польша — католическая страна, но значительную часть жителей составляли так называемые диссиденты: православные, протестанты, униаты. Религиозная проблема в Польше была очень тяжелой, диссиденты угнетались и притеснялись. Екатерина хотела стать православной и стала ею. Она решила помочь угнетенным и потребовала у Понятовского уравнивать в правах католиков и диссидентов, то есть ввести их в законодательные учреждения.

Понятовский попробовал возражать — виданное ли дело! Полякам это не понравится! Екатерина настаивала, в результате чего образовалась вооруженная конфедерация

в Подолии и Баре для открытой войны с королем. Для усиления своей позиции Екатерина загодя заключила союз с Пруссией и Австрией — они всегда были на чеку. Вслед за конфедератами выступили гайдамаки, началась отчаянная резня. Русские войска в Польше воевали и с конфедератами, и с гайдамаками. Подолия находилась на границе с Турцией. Турция придралась к нарушению Россией ее границ и при поддержке Франции потребовала от России невмешательства в польские дела и объявила войну. Так и хочется воскликнуть: Господи, а нам это надо?

Война с Турцией ознаменовалась блестящей, как пишут историки, победой русского оружия. Последовал первый раздел Польши, при котором больше всех поживились Австрия и Пруссия. Потом последовал второй раздел Польши, за ним третий. Когда-то Польша была равновелика Руси. В Речь Посполитую, как гордо называли себя поляки, входили и Белая Русь, и Малая Русь, и Литва, но московские великие князь, одержимые идеей собирательства исконно русских земель под одной крышей, вели с Польшей неустанную борьбу, и военную, и дипломатическую, постепенно отбирая у Польши русские земли. При Екатерине эта война была выиграна окончательно.

Но тут есть такая тонкость. Помогая юной Фике занять место подле русского трона, Фридрих II рассчитывал, что со временем Екатерина отработает Пруссии эту услугу. Сама Екатерина этого и не подозревала, и никогда не думала об этом. Она искренне и верно служила России, но, протолкнув на польский трон своего любовника, человека порядочного, мягкого и верного ей во всем, Екатерина помогла Пруссии в результате войн и интриг вдвое увеличить свою территорию. Ключевский написал: «Разум народной жизни требовал спасти Западную Русь от ополчавания.

И только кабинетная политика могла выдать Польшу на онемечивание».

Понятовский отрекся от трона и жил в Гродно, отношение к нему было скверным, он был одинок и заброшен. В 1797 году Павел I позвал его в Петербург. Понятовский с готовностью откликнулся, наверное, ему хотелось увидеть места, где он был счастлив когда-то. Императору был предоставлен для проживания Мраморный дворец, где он и скончался 12 февраля 1798 года. Он был похоронен в Петербурге. Польша отказалась принять его прах, и только в 1995 году он был с подобающими почестями перезахоронен в Варшаве.

Переворот 28 июня 1762 года

Очень много в наше время развелось популяризаторов русской истории. При этом все хлебает из одной супницы: сочинения классиков, как-то: Соловьев, Ключевский, Костомаров и прочие, мемуары, энциклопедии, а также сочинения коллег, которые друг у друга беззастенчиво переписывают. У меня на руках чужие пазлы, из которых я стараюсь сложить свой рисунок, а не получается. И не потому, что вся история России XVIII века исхожена и описана. Мешает уже твердый установившийся взгляд на события. Но что такое история? По сути дела, это твой собственный взгляд при работе с материалом.

Сегодняшняя точка зрения: Великая французская революция — благо для человечества, революция 1917 года — безусловное зло. Но ведь и в первом, и во втором случае присутствовала дикая жестокость, существовало огромное количество жертв, в закон вошли несправедливость и разгул масс. Но был приобретен опыт, а это главное. Все как-то забыли, что прижившийся в мире слоган — «Свобода равенство и братство» — имел другое окончание — «или смерть». Наполеон — национальный герой и любимец публики. А чем он лучше Фридриха II, которого в мире и в самой Германии отнюдь не почитают. Он главный милитарист XVIII века.

Императоры Петр III и Павел I — трагические фигуры. Раскрашивать их черными красками — хороший тон. Но ни тот ни другой не были злодеями. Петр III был пьяница,

плохо, когда государь пьет, а садист на троне лучше? Он был недалекого ума, но при слабых государях заводятся умные министры. Канцлер Михаил Илларионович Воронцов был умным человеком. При Петре III на первое место выдвинулись в управлении государством два человека — генерал-прокурор Глебов и сенатор Волков.

За шестимесячное правление Петра III было много сделано. В первый месяц своего правления он упразднил Конференцию и «предоставил себе право мгновенно, основываясь единственно на одностороннем докладе, принимать решения». Этот деспотизм и положил начало новым законам.

Первое дело — массовая реабилитация. Из ссылок были возвращены Бирон, Миних, Лопухины и др. — он вызволил всех, кто еще был жив.

29 января был опубликован указ о веротерпимости и равенстве вероисповеданий. Петр III прекратил преследование раскольников, разрешив им жить по своим обычаям и старопечатным книгам. Запрещено было гонение на иноверцев по религиозным мотивам.

12 февраля был объявлен указ о ликвидации Тайной канцелярии. Дела по государственным преступлениям Петр вознамерился проводить сам и метод сочинил: «Надлежит кротостью исследования, а не кровопролитием прямую истину разделять от клеветы и коварства и смотреть, не найдутся ли способы свои милосердием злонравных привести к раскаянию». Мы и сейчас смело может назвать Петра идеалистом, время для «кротости исследование» еще не пришло.

18 февраля был обнародован манифест о вольности дворянства. Как бы потом ни гордилась Екатерина своей жалованной грамотой дворянству 1785 года, эта грамота целиком вытекала из манифеста Петра.

Как уж был сочинен этот закон — другое дело. По утверждению князя Щербатова (он, кстати скажу, был дедом Чаадаева), виной тому было неумное желание Петр III провести ночь с прелестницей, некоей К.К. Император побаивался своей главной фаворитки, Елизаветы Воронцовой, и наказал секретарю Волкову: мол, будет спрашивать, где я провел ночь, скажешь — «в исполнении известного им важного дела в рассуждении благоустройства государства». Государь пошел к своей обожаемой, а Волкова запер в пустой комнате с «дацкой собакой», то есть догом, а также с бумагой и перьями — намарай что хочешь! Волков и «намарал» закон о вольности дворянства. Выдумка или быль — точно не скажем, но Щербатов в своей книге «О повреждении нравов в России» пишет, что узнал о сем происшествии со слов самого Волкова.

21 марта вышел указ Сената о секуляризации (отторжения в пользу государства) монастырских и церковных земель. Управление этими землями передавалось в Коллегию экономии. Монастырские земли отдали крестьянам с оброком в один рубль.

Выстраивая картину государственного переворота 1762 года, очевидцы об этом как-то не пишут, а поносят Петра III почем зря. И здесь они тоже правы, императора было за что ругать. За свои шесть месяцев он успел наделать массу глупостей.

О вступлении Екатерина на трон написано множество книг. К ним относится и очень популярный в то время труд Рюльера под заглавием «Истории и анекдоты революции в России в 1762 году». Слово «анекдот» имело в XVIII веке другой, отличный от нашего смысл. Анекдот — это не придуманный сюжет, а реальная история, которую стоит рассказать. Рюльер был секретарем барона Бретейля, француз-

ского посла в Петербурге, в его обязанности входил сбор информации. Говоря нашим языком, он был разведчиком, а текст его — шпионским отчетом, который он со временем обработал и превратил в очень популярную во Франции книгу. Этим сочинением зачитывался не только Париж, но и вся Европа. В России при Екатерине «Истории и анекдоты» были запрещены. Труд Рюльера был опубликован в России только в 1907 году, но перевод книги явно сделан куда раньше: это видно по языку — сочному, выпуклому и точному (самиздат XVIII века). В свое сочинение Рюльер без разбору накидал массу всякой информации — сплетни, догадки, смелые предположения. Догадки эти очень устойчивы. Изучаешь историческую событийную канву и удивляешься — как, например, попал в серьезную историческую литературу слух, что Дашкова была то ли дочерью Никиты Ивановича Панина, то ли его любовницей. Или смелое утверждение, что отцом Екатерины был Бецкий, якобы состоявший в любовниках матушки Иоганны Елизаветы. Или скажем, из каких документов известно, что Петр, уже будучи императором, вызвал в Петербург Сергея Салтыкова, намереваясь вырвать у того признание, что Павел его сын? Это якобы дало Петру возможность лишить Павла трона. Оказывается, все оттуда, от Рюльера анекдот. Как профессиональный разведчик, он и должен был выслушивать все слухи и заносить их в свой отчет.

Не откажу себе в удовольствии воспользоваться записками Рюльера. Тексты его — изюм в моем пресном повествовании. «Я был свидетелем революции, низложившей с российского престола внука Петра Великого, чтобы возвести на оный чужеземку. Я видел, как сия государыня, убежав тайно из дворца, в тот же день овладела жизнью и царством своего мужа». О Екатерине: «Приятный и благородный стан, гордая

поступь, прелестные черты лица и осанка, повелительный взгляд — все возвещало в ней великий характер».

А вот о Петре: «Беспредельная страсть к военной службе не оставляла его всю жизнь; любимое занятие состояло в экзерциции, и чтобы доставить ему удовольствие, не раздражая российских полков, ему предоставили несчастных голштинских солдат, которых он был государем. Его наружность, от природы смешная, делалась таковою еще более в искаженном прусском наряде; штиблеты стягивал он всегда столь крепко, что не мог сгибать колени и принужден был садиться и ходить с вытянутыми ногами. Большая, необыкновенной фигуры шляпа прикрывала малое и злобное лицо». Таков образ человека, объявившего войну русской гвардии.

Пытаясь дать оценку трагической гибели Петра III, историки в один голос говорят, что главным врагом его был он сам. Это совершенная истина. Петр не любил Россию, он был голштинцем с головы до ног: «В шуму праздников и даже в самом коротком обхождении с русскими он явно обнаруживал к ним свое презрение беспрестанными насмешками. Чудное соединение справедливости и закоренелого зла, величия и глупости видимо было при дворе его». Особая голштинская армия. Дашкова про нее говорила: «Сволочи, состоящие из сыновей немецких сапожников», — смотрела на русских гвардейцев свысока.

Семилетняя война шла к концу, и Россия ее явно выиграла. 24 апреля 1762 года Петр заключил мир с Фридрихом II. Отказавшись ото всех завоеванных русской армией земель, отказавшись даже от Восточной Пруссии, которую Фридрих сам предлагал, Петр заключил с ним союз, дабы воссоединиться с прусскими войсками и воевать с Австрией, нашим извечным союзником. Петр боготворил Фридриха II. Однажды во время парадного обеда он, как перед иконой, встал

на колени перед его портретом. По примеру пруссаков он решил укрепить дисциплину в русской армии, и потому шла бесконечная муштра. Он решил, что не плохо бы и высоким сановникам вспомнить азы военной культуры, а потому люди самого высокого ранга должны были облачаться в прусские мундиры и под командой офицеров маршировать на плацу. Самой высокой целью Петра было встретиться с Фридрихом II. Еще во время войны Петр принял чин полковника его армии. «Мой любезный брат, — говорил он, — вместе, мы завоюем весь мир». Рюльер: «Все опасались, чтобы герой, имеющий такую власть над исступленным своим почитателем, не потребовал от него при первом случае новой армии из сотни тысяч русских, и целая Европа внимательно наблюдая сие происшествие, опасалась революции».

Русская армия негодовала, и не только офицеры, среди солдат тоже было «брожение, которое могло дать повод к возмущению». Иностранные послы в своих отчетах были единодушны — грубое и безрассудное поведение государя всех шокировало. Церковь не могла ему простить закон о секуляризации и открыто его осуждала. Кто-то пустил слух, что священникам, по примеру Запада, скоро будут брить бороды, а то и вовсе заставят принять лютеранство. И наконец, Петр объявил, что будет воевать с Данией, чтобы вернуть Голштинии отнятый когда-то Шлезвиг. Армия должна была готовиться к войне.

В письме Понятовскому от 2 августа 1762 года Екатерина пишет: «Уже шесть месяцев, как замышлялось мое восшествие на престол». Это что значит? Как только Петр был объявлен императором, окружение Екатерины начало стараться отнять у него корону? Кто были эти люди, примерно известно: Разумовский Кирилл Григорьевич, Панин Никита Иванович — это светская власть, гвардию пред-

ставляли братья Орловы, Пассек, список можно продлить. Всех участников переворота можно вычислить по огромным подаркам, которые они получили после переворота. Подробности этих фантастических планов, как, где и кем они обговаривались, какие сроки намечали, неизвестны. Многие историки сходятся во мнении, что все произошло случайно, как бы само собой, и все сходятся во мнении, что зародышем заговора, его ядром, стала любовь Екатерины и Григория Орлова. Екатерина сама пишет: «Узел секрета находился в руках троих братьев Орловых».

Далее в письме Понятовскому она пишет: «Петр III потерял ту малую долю рассудка, какую имел. Он во всем шел напролом; он хотел сломить гвардию, он вел ее в поход для этого; он заменил бы ее голштинскими войсками, которые должны были оставаться в городе. Он хотел переменить веру, жениться на Елизавете Воронцовой, а меня заключить в тюрьму. В день празднования мира, сказав мне публично оскорбительные вещи за столом, он приказал вечером арестовать меня. Мой дядя, принц Георг, заставил отменить этот приказ».

С этого дня я стала прислушиваться к предложениям, которые мне делались со времени смерти императора».

Все шесть месяцев правления Петра положение Екатерины было не только трудным, но и унижительным. Петр словно забыл, что у него есть жена. Он позаботился, что в Манифесте о восшествии его на трон о Екатерине и Павле не было сказано ни слова, хотя, по обычаю, в тексте присяги приближенные и министры клянутся в верности его императорскому величеству, его супруге, а также наследнику и наследнице, если таковая имеется. Появилась новая формулировка: быть верным «по высочайшей его (императора) воле избираемым и назначаемым наследником». Значит,

Павел уже не наследник? И что ждет Екатерину при таком поведении супруга?

Французский посол Бретейль доносит в Париж: «Император удвоил свое внимание к девице Воронцовой. Императрица в ужасном состоянии, к ней относятся с презрением. Она нетерпеливо сносит обращение с ней императора и высокомерие девицы Воронцовой. Не могу даже себе представить, чтобы Екатерина, смелость и отвага которой мне хорошо известны, не прибегла ли рано или поздно к какой-нибудь крайней мере. Я знаю друзей, которые стараются успокоить ее, но которые решатся на все, если она потребует».

Екатерина была сильным и умным человеком. К трудностям ей было не привыкать. Она понимала, что сейчас, как никогда, важно общественное мнение. Муж безумствовал, а она жила затворницей, молилась истово, общалась с представителями церкви. Те жаловались на притеснения, она им глубоко сочувствовала. Дружила с юной и восторженной Екатериной Дашковой. И тайная любовь была, до которой теперь никому не было дела. 22 апреля 1762 года у нее родился сын, Алексей Григорьевич Бобринский. О нем со временем поговорим подробнее.

«День празднования мира», о котором пишет Екатерина Понятовскому, состоялся 9 июня по случаю обмена грамотами о мире между Россией и Пруссией. Праздновали три дня. В первый день был дан праздничный обед на четыреста кувертов. Присутствовали все иностранные послы. Император предложил три тоста: за здоровье императорской фамилии, за здоровье прусского короля и в честь заключения мира. Первый тост по этикету произносила императрица, что она и сделала — сидя. К ней подошел Гудович (фаворит Петра) и, разумеется, по поручению хозяина спросил, почему их ве-

личество не встали, произнося тост. Екатерина ответила, что, поскольку императорская фамилия состоит из императора, ее самой и их сына, она сочла это необязательным.

Гудович передал ответ императору, тот взъярился, обозвал Екатерину дурой — как можно забыть, что к императорской фамилии относятся еще голштинские князья? «Передайте это императрице», — приказал он Гудовичу, но не уверенный, что фаворит донесет до супруги его полного текста, он, глядя на Екатерину, крикнул в голос: «Дура!» Екатерина расплакалась. После обеда Петр в запальчивости приказал принцу Георгу арестовать Екатерину, но тот замял дело. А на утро все послы, аккредитованные в Петербурге, строчили письма своим государям. Петр Екатерину ненавидел, но ведь и она отвечала ему тем же.

Плана свержения Петра было три. О первом написала сама Екатерина: «Схватить его (Петра) в его комнате и арестовать, как принцессу Анну (Анну Леопольдовну Брауншвейгскую) и ее детей». Второй план носил совершенно фантастический характер. Вспомнили старый прецедент, случившийся при покушении на Петра Великого. Внук, то есть Петр III, во всем старался подражать деду и не раз хвастал, что любит и умеет тушить пожары. Заговорщики предлагали поджечь крыло нового дворца. Суета, крики, вопли, а тут является Петр III. (Пишу и сама этому не верю: как могло такое прийти в головы умным людям — какая-то беллетристика!) Далее — в дыму и пламени окружить Петра, дать ему хорошо по голове, а труп — в реку. Третий план свержения императора предложил Панин, и этот план был куда действеннее. В конце концов, он и сработал, когда власть уже была в руках Екатерины.

Для удачи в таких делах всегда нужны деньги. Известный русский историк Брикнер, ссылаясь на французские источ-

ники, пишет: «... Екатерина за несколько недель до дворцового переворота обратилась к французскому посланнику Бретейлю с просьбой ссудить ей некоторую сумму денег, но Бретейль отказал ей в этом и таким образом не воспользовался весьма благоприятным случаем для устройства выгодных отношений Франции и России. Прибавляют к этому рассказу, что Екатерина, оскорбленная отказом Бретейля, обратилась через одного агента Одара к какому-то английскому купцу, который тотчас же достал денег 100 000 рублей и этим содействовал устройству благоприятных отношений Англии с Россией в последующее за государственным переворотом время».

Рюльер тоже не оставляет без внимания эту тему. По его утверждению, Григорий Орлов черпал деньги из артиллерийской казны, к которой имел доступ по службе. Но мало этого, братья Орловы и друг их Бибииков во имя заговора «в чаянии нового счастья или смерти, продали все свое наследство и рассыпались по всем питейным домам». Зачем? Чтобы мутить народ. «Во всеобщем волнении умов нетрудно было дать им одинаковое направление; во всех полках рассеивали они негодование и мятеж, внушали сострадание к императрице и желание жить под ее законами. Чтобы уверить ее в первом опыте, они склонили целые роты гвардейского Измайловского полка и крестным целованием приняли у них присягу. На всякий случай хотели удостовериться даже и в их полковнике, зная, что по характеру своему он не способен ни изменить заговор, ни сделаться его защитником».

Полковником Измайловского полка был Кирилл Григорьевич Разумовский, и его симпатии были целиком на стороне Екатерины. Григорий Орлов тайно встретился с Разумовским, и тот сообщил, что «при первой надобности представится к услугам государыни».

Никита Иванович Панин, воспитатель цесаревича Павла, был человеком западной выучки. На роль воспитателя наследника определила его императрица Елизавета, для чего вызвала его из Швеции, где он исполнял роль посланника России. Панин любил своего ученика, он был уверен, что переворот делается в пользу Павла, которому было уже двенадцать лет. До совершеннолетия, по мысли Панина, роль регентши будет исполнять мать, которая затем на законных основаниях передаст трон сыну.

Надобно рассказать об активной участнице заговора Екатерине Романовне Дашковой, в девичестве Воронцовой. Петр III был ее крестным отцом, фаворитка Елизавета Воронцова родной сестрой, канцлеру она приходилась племянницей, а муж вел свой род от Рюриковичей. К этому послужному списку надобно добавить, что Екатерина Романовна была яркой и значительной фигурой, позже она объездила всю Европу, потом стала президентом Академии наук, составляла словари, подарила русскому языку букву «ё» и, наконец, оставила замечательные «Записки» — бесценный документ всем, изучающим русскую историю. В своих «Записках» совершенно искренне пишет, что ее роль в воцарении Екатерины была чуть ли не главной, но, если говорить точно, эта восемнадцатилетняя девочка просто оказалась в нужный час в нужном месте.

Злые языки утверждают, что Дашков тоже побывал в любовниках Екатерины. Даже если это и так, то эта его роль совершенно скрыта от глаз потомков. Первая встреча двух Екатерин произошла в Москве в доме князя Дашкова. Екатерина Романовна была еще только обручена со своим будущим супругом, ей было пятнадцать лет. Великая княгиня нашла разговор с девочкой очень интересным, они читали одни и те же книги, одинаково смотрели на жизнь.

По приезде в Петербург Дашкова вошла в свет, она любила Екатерину всем сердцем, но великий князь Петр ревновал свою крестницу к жене и часто выказывал неудовольствие за ее стремление общаться с великой княгиней. Накануне смерти императрицы Елизаветы Дашкова, вся в простуде, сплошной подвиг и возвышенность, тайно пришла к Екатерине, чтобы заверить великую княгиню в своей абсолютной преданности. Небезынтересно передать хотя бы частично их разговор, так возвышенно изъяснялись в XVIII веке.

— Что привело вас ко мне в столь поздний час, дорогая княгиня и заставило вас рисковать вашим здоровьем, столь драгоценным для меня и вашего супруга?

— Ваше высочество, — ответила я, — я не могла дальше противиться потребности узнать, какими средствами можно рассеять грозовые тучи, которые собираются над вашей головой. Ради Бога, доверьтесь мне; я заслуживаю вашего доверия и надеюсь стать еще более достойной его. Чем вы думаете обеспечить свою безопасность?... Скажите мне, что мне делать.

Великая княгиня залилась слезами; она прижала меня к своему сердцу и сказала:

— Я не смею выразить, насколько я благодарна вам, моя дорогая княгиня. Поверьте мне, что я доверяю вам безгранично и говорю чистейшую правду; у меня нет никакого плана, я не могу ничего предпринять, и я хочу и должна мужественно вынести все, что меня ожидает; единственная моя надежда на Бога; предаю себя в его руки.

— В таком случае за вас должны действовать ваши друзья. — ответила я, — и я не останусь позади других в рвении и жертвах».

Спустя небольшой срок, в начале декабря, произошел неприятный инцидент. Во время вахтпарада императору

показалось, что рота гвардейцев, которой командовал князь Дашков, не развернулась должным образом. Император сделал замечание, князь вежливо возразил, Петр настаивал. Кончилось дело тем, что князь разозлился и повысил голос, чем не только разозлил, но и напугал Петра. Родственники князя, опасаясь последствий, раздобыли ему место в русском посольстве в Константинополе, и он спешно оставил Петербург.

Этим объясняется, что сам Дашков никакого участия в заговоре не принимал, но жена старалась за двоих. Она знала однополчацев мужа и начала вести активную агитацию в пользу Екатерины. Она же познакомила императрицу с неким Одаром, который сыграл свою роль в перевороте (помог найти деньги). При этом она придумывала свой план помощи государыне, для чего изучала книги о революциях в различных частях света. С Екатериной она редко виделась, но переписывалась очень аккуратно.

Состоялся у нее ответственный разговор и с Паниным. «Так как для нас было очень важно, — пишет Дашкова, — чтобы человек его характера принадлежал нашей партии, я несколько раз решалась заговорить с ним о вероятности низложения Петра III». Но Панин уходил от ответственного разговора. Он стоял «за соблюдение законности и за содействие Сената». Видимо, он находил неуместным обсуждать столь серьезные темы с восемнадцатилетней девочкой. Но случай для откровенностей вскоре представился. Петр III наградил Елизавету Воронцову орденом Святой Екатерины, которым обычно награждали только особ императорской фамилии. Дело шло к развязке. Дашкова увиделась с Паниным и открыла карты, назвала ему участников заговора, сообщила, что все готовы к действию, но Екатерина ничего не знает об этом. Вот здесь Панин по-

настоящему испугался и за саму Дашкову, и за заговорщиков. Панина можно понять, в то время он еще не мог оценить характер этой молодой женщины.

Дашкова также решила вовлечь в заговор графа Кирилла Разумовского, но сомневалась в успехе, поскольку, по ее мнению, граф был обласкан Петром III, непомерно богат и ленив. Она придумала обходной маневр, уговаривая гвардейцев Рославлева, Ласунского, Бредихтина и прочих каждый день бывать у графа и как бы исподволь заводить разговор о странном правлении императора, о слухах, которые будоражат город, о возможном перевороте, а когда план созреет окончательно, поставить графа перед фактом, назвав имена заговорщиков. Само собой получалось, что Разумовский в их числе. Дашкова пишет, что ее план удался на славу. Ей было невдомек, что у Кирилла Григорьевича был свой канал связи.

Позднее Панин сообщил о подробностях переворота датскому послуASSEBURGU. В своем рассказе Панин приписывает главную роль себе. Он якобы посвятил в тайну и Разумовского, и Волконского, и отправил в Петергоф за государыней карету, и вообще все нити заговора держал в своих руках. Очень может быть, что так и было.

Новгородский архиепископ тоже был посвящен в планы заговорщиков и относился к ним положительно. Между тем двор уехал в Ораниенбаум, Екатерина с небольшим штатом жила отдельно в Петергофе. В столице было неспокойно. Гвардия ждала отправки в Данию, а с ней отъезда за границу Петра. Екатерина писала Дашковой из Петергофа, чтобы все «держали себя смирно, так как минута действия не будет упущена». Кем не будет упущена, кто распорядится? Все словно ждали сигнала, но никто не брал на себя ответственности.

Распорядился случай. За все время работы заговорщиков не было ни одного предательства, тайна была сохранена, и вдруг 27 июня по городу стремительно разносится слух, что арестован гвардеец Измайловского полка Пассек. Дашкова узнала об этом от Григория Орлова, который пришел к ней домой, чтобы сообщить ужасную вещь. В это время у Дашковой был Панин. Он воспринял известие спокойно — мало ли за что арестовали Пассека, может быть за упущение по службе. Но Дашкова понимала всю опасность происшедшего. Она тут же уговорила Орлова немедленно узнать истинную причину ареста. Если дело политическое, то это сигнал к действию. В противном случае арест грозит раскрытием заговора, пойдут новые аресты. А это крах!

Орлов узнал причину — да, арест Пассека носил политический характер. Н.И. Павленко так описывает это событие: «26 июня капрал Преображенского полка спросил у поручика Измайлова, скоро ли свергнут императора. Измайлов донес о заданном вопросе секунд-майору Воейкову, а тот — полковнику Ушакову. В ходе открывшегося следствия было обнаружено недоброжелательное высказывание об императоре капитан-поручика Пассека. Вечером 27-го его взяли под арест».

Вот тут-то колесо и завертелось, надо было действовать без малейшего промедления. Кирилл Разумовский тут же распорядился печатать Манифест о восшествии на престол Екатерины, но для провозглашения императрицу необходимо было немедленно доставить в столицу из Петергофа. А это была не такая простая задача, как кажется. Ей могли помешать уехать, слух о заговоре мог достичь ушей императора, в конце концов, ее могло просто не оказаться на месте.

Но, как пишут в романах, на небе уже было все решено. В полночь этого же дня Алексей Орлов и Василий Биби-

ков уже скакали в Петергоф. Наивная Дашкова послала с Орловым записку: мол, ваше величеству, этому человеку можно доверять. Екатерина была на месте — в Монплезире. Екатерина пишет: «В мою комнату входит Алексей Орлов и говорит совершенно спокойным голосом: "Пора вставать, все готово, чтобы провозгласить вас". Я спросила о подробностях, он сказал: "Пассек арестован". Я не колебалась более». Про записку Дашковой Орлов впопыхах забыл. У него была другая задача. Надо было, не поднимая шума, разыскать хоть какую-нибудь карету.

Екатерина была спокойна, она умела быть собранной. Наскоро оделась, обшарпанная карета с парой лошадей уже стояла у крыльца. Вместе с императрицей поехала ее камер-фрейлина Шаргородская, Бибииков и камердинер Шкурин встали на запятках, Орлов примостился рядом с кучером. И понеслись вперед, что было сил.

В пути у Екатерины дрогнуло сердце, она увидела, как им навстречу во весь опор мчится карета. Можно было ожидать самого худшего. Но оказывается, это был Григорий Орлов. Не имея никаких известий, он помчался помогать брату спасти свою возлюбленную. Карета Григория была очень кстати, лошади старой колымаги уже выбились из сил.

Дальше события стали меняться с невероятной быстротой. Карета с Екатериной, как и было условлено, приехала в расположение Измайловского полка. Гвардейцы встретили ее криками «ура». Солдаты выбегали из казарм, целовали подол платья императрицы, целовали руки и ноги и называли ее избавительницей. Словом, общее ликование. И священник нашелся, чтобы принять присягу императрицы. Потом к восставшим присоединились Семеновский и Преображенский полки. Среди солдат и офицеров были и такие, которые остались верными присяге и Петру III, но их

быстро утихомирили. Майора Воейкова чуть не убили, он должен был спасаться бегством. Сопровождаемая армией Екатерина двинулась к Зимнему дворцу. Рядом с каретой императрицы с обнаженной шпагой ехал полковник Кирилл Григорьевич Разумовский. По дороге посетили Казанский собор, где новгородский епископ Дмитрий Сеченов встретил Екатерину, потом начался молебен с провозглашением самодержицей и императрицей всея Руси.

В Зимнем дворце уже заседал Сенат. Под руководством Екатерины были срочно сочинены и разосланы во флот и в армию реляции с объявлением о восшествии на престол Екатерины. Реляции были посланы адмиралу Талызину, чтобы он срочно отбыл в Кронштадт, генералу Петру Ивановичу Панину в Кёнигсберг, чтобы он сменил Румянцева, которого подозревали в верности Петру III, и т. д. Поход в Данию был отменен.

Когда Дашкова узнала, что Екатерина благополучно достигла Петербурга, она направилась в Зимний дворец. Вся площадь перед дворцом была запружена народом. «Я вышла из кареты и хотела пешком пройти через площадь, но я была узнана несколькими солдатами и офицерами, и народ понес меня через площадь высоко над головами». Наконец она добралась до Екатерины. «Мы бросились друг к другу в объятия: "Слава Богу! Слава Богу!" — могли мы только проговорить». Но Екатерине нужно было продолжать работу. Одними распоряжениями и реляциями дело не решишь. Екатерина решила сама двинуться во главе войска в Петергоф. Разговор с супругом мог состояться только при поддержке армии.

Накануне выступления в Петербург явился великий канцлер Воронцов Михаил Илларионович, а также полковники Семеновского и Преображенского полков — князь Никита

Трубецкой и граф Александр Шувалов. Все они были в свите императора, двое последних были посланы Петром в столицу, чтобы удержать свои полки в повиновении императору. Увидев, как обстоят дела, оба полковника тут же присягнули Екатерине. Канцлер Воронцов повел себя иначе. Он отказался присягать и попытался убедить Екатерину отказаться от опасной затеи: «Пресечь восстание немедленно, пока оно еще в самом начале, и воздержаться впредь, как подобает верной супруге, от любых опасных предприятий». Екатерина подвела его к окну, на площади ликовала толпа — поздно! «Будьте уверены, ваше величество, — сказал канцлер, — я никогда ни словом, ни делом не буду вредить вашему правлению, и для доказательства искренности моих слов прикажите одному из преданнейших ваших офицеров наблюдать за моим домом, но никогда при жизни императора я не нарушу данной ему присяги». Воронцов был посажен под домашний арест.

Дашкова пишет: «Мы должны были, наскоро пообещав, отправиться в Петергоф во главе войск. Императрица должна была надеть мундир одного из гвардейских полков; я сделала то же самое; ее величество взяла мундир у капитана Талызина, а я у поручика Пушкина, так как они были приблизительно одного с нами роста»

Армия двинулась в Петергоф в десять вечера. Белые ночи на исходе, но было еще светло. Во главе двенадцатитысячного войска скачут две красавицы в мужских мундирах. Шляпа Екатерины украшена лавровым венком, распущенные волосы по плечам. Дашкова в молодости была очень хорошенькая. О, светлый миг! Упоение победой и счастьем, что может быть чудеснее! (Голливуд, да и только.) В рескрипте Сенату Екатерина оставила следующее заявление: «Я теперь выхожу с войском, чтобы утвердить и обнадежить престол,

оставляя вам, яко верховному правительству, с полной доверенностью, под стражу: отечество, народ и сына моего».

А в Ораниенбауме события происходили следующим образом. Накануне предстоящего праздника — именин государя — свита находилась в полном составе: канцлер Воронцов с братом Романом (отцом Дашковой), вице-канцлер Голицин, фельдмаршал Миних, уже упомянутые полковники Семеновского и Преображенского полков, трое Нарышкины, гофмаршал Измайлов, Девьер, Гудович и так далее, все важнейшие особы государства. При них дамы — жены и дочери, в числе которых супруга Кирилла Григорьевича Разумовского.

28 июня, как обычно, в десять часов утра, император устроил смотр войск — парад голштинцев. Празднество назначалось на завтра, а сегодня в Петергофской церкви должна была состояться торжественная служба. Позавтракали неторопливо, а потом шестью экипажами двинулись в Петергоф. До прибытия государя и свиты туда был загодя послан гофмаршал Измайлов с приказом понаблюдать за Екатериной, мало ли что может выкинуть их величество. Петр не был уверен в жене, а может быть, уже предчувствия его мучили. Измайлов прибыл в Петергоф, но не увидел императрицу, она не выходила из Монплезира. Камеристка сообщила, что государыня поздно легла спать, а больше она ничего не знает. Время шло, Екатерина не появлялась, и Измайлов рискнул без приглашения проникнуть в ее покои. Дом был пуст.

Перепуганный гофмаршал скачет навстречу Петру и через Гудовича сообщает, что его супруги нет на месте: похоже на то, что она уехала. Петр не поверил. Он сам пошел в Монплеzir — никого, только на видном месте лежит приготовленное к торжеству бальное платье. Петр обежал

все комнаты, обшарил шкафы, даже заглянул под кровать. «Не говорил ли я вам, что она на все способна», — крикнул он, чуть не плача, и бросился на поиски в парк. Там он и повстречал посыльного от своего камердинера Брессона, который был в Петербурге. Брессон нашел верного человека, обрядил его в крестьянское платье и с запиской отправил в Петергоф. В записке сообщалось о перевороте, власть перешла в руки Екатерины.

Вот здесь Петр совершенно пал духом. Тогда-то он и направил канцлера Трубецкого и Шувалова в Петербург. В три часа прискакал из столицы верный голштинiec и рассказал подробности происшедшего в городе. Волков тут же сел писать от имени государя указы. В одном из указов он сообщал народу, что наследник не его сын, а потому он был строг с императрицей. На голову Петра сыпались советы, один другого фантастичнее. Петр решил защищаться до последнего солдата, для чего приказал призвать из Ораниенбаума свое голштинское войско — 1300 человек, но старый опытный воин Миних нашел эту идею бессмысленной. Кронштадт рядом, надо искать помощи у флота.

В Кронштадт поплыл Девьер. На острове еще ничего не знали о перевороте. Девьер нашел нужным не будоражить солдат, он сделал вид, что ничего не произошло, и отправил в Петергоф донесение, что в Кронштадте ждут императора. Донесение было получено в десять часов вечера, как раз в тот момент, когда Екатерина вышла с войском из Петербурга.

От пережитых волнений Петр еле держался на ногах, несколько раз терял сознание, пил, конечно, чтобы поддержать силы. Петр решил плыть в Кронштадт. Вся свита вместе с ним погрузилась на фрегат и галеру. В Кронштадт они приплыли глубокой ночью. Их никто не встречал в гавани, более

того, с берега раздался приказ немедленно удалиться. «Как удалиться? Это я, ваш император!» С берега ответили, что у них нет больше императора, а есть императрица, и если суда не уйдут, по ним будет открыт огонь.

Петр опоздал. Пока он судил и рядил со своими приближенными, в Кронштадт прибыл с новыми полномочиями адмирал Талызин. Он тут же посадил Девьера под арест, после чего собрал гарнизон на плацу, и солдаты тут же принесли присягу Екатерине.

На фрегате и галере был полный разброд, мужчины ругались, женщины плакали. Миних дал новый совет императору: плыть в Ревель, там пересесть на военный корабль и уплыть в Пруссию к своей армии. «Вы примете начальство над войском, — твердил Миних, — поведете его в Россию, и я ручаюсь вашему величеству, что в шесть недель Петербург и Россия будут у ваших ног». Но свита, а с ними и Петр нашли этот план слишком смелым, а потому невыполнимым. Рюльер пишет: «... придворные и молодые дамы вошли вместе с Минихом, чтобы изустно слышать, какое еще оставалось средство к спасению; они говорили, что у гребцов не хватит сил, чтобы везти в Ревель. "Так что же, — возразил Миних, — мы все будем им помогать". Весь двор содрогнулся от такого предложения». Свита не хотела садиться за весла. Большинство советовали плыть обратно в Ораниенбаум, что Петр и сделал. А что дальше? Переговоры с императрицей, другого пути нет.

Слуги со слезами встретили своего императора. Он узнал, что армия Екатерины уже близко, и вдруг приказал седлать лошадь — можно переодеться и ускакать в Польшу. Но и это наивное желание не было исполнено. Слуги кричали: «Батюшка наш! Она прикажет умертвить тебя!», а Воронцова, плача, сердилась: «Зачем пугаете своего государя».

Между тем армия Екатерины задержалась на несколько часов под Петербургом в Красном кабаке, очень популярном у гвардейцев месте. Надо было дать армии хоть небольшую передышку. Да и обе Екатерины, Большая и Маленькая, очень нуждались в отдыхе. Дашкова пишет: «В этом скверном домике, представляющем из себя плохонький кабак, была всего одна кровать. Ее величество решила, что мы отдохнем с ней вдвоем не раздеваясь. Постель не отличалась чистотой, так что взяв большой плащ у капитана Кара, мы разослали его на кровати и легли».

В пять утра уже все были на ногах. В Сергиевой пустыни императрицу встретил вице-канцлер князь А.М. Голицын с письмом от супруга. Петр писал, что раскаивается, признает свою вину перед женой и предлагает разделить власть с ним. Понимая, что это чистая формальность, Голицын тут же принял присягу Екатерине. Потом в армию приехал гофмаршал Измайлов и привез второе письмо от свергнутого мужа. В письме Петр отказывался от прав на трон, просил только отпустить его вместе с Елизаветой Воронцовой и Гудовичем в Голштинию и назначить небольшой пансион для приличного существования.

Екатерина понимала, что о Голштинии не может быть и речи. Петр за границей — это вечная угроза войны, вечный шантаж. Даже если сам Петр не решится воевать, найдутся сильные люди, которые сделают его своим знаменем в кровопролитных битвах за «законного государя». Измайлов понял замешательство императрицы и сказал: «После отречения вполне свободного я вам привезу его и таким образом спасу отечество от междоусобной войны». Екатерина согласилась.

Петр подписал отречение. Оно начиналось так: «В краткое время правительства моего самодержавного Российского

государства самым делом узнал я тягость и бремя, силам моим несогласное, чтоб мне не токмо самодержавно, но и каким бы то ни было образом правительство владеть Российским государством...». То есть он соглашался, что никто его власти не лишал, а он сам понял невозможность быть царем и потому добровольно отдал власть. Далее: «...непринужденно через сие объявляю не только всему Российскому государству, но и целому свету торжественно, что я от правительства Российским государством на весь мой век отрицаюсь...» Его век был недолог.

29 июня, в пять часов утра, гусарский отряд под командой Алексея Орлова занял Петергоф. Вскоре подошли другие полки. В одиннадцать утра прискакали верхами обе Екатерины — императрица и Дашкова. А уже через час в Петергоф Григорий Орлов и Измайлов привезли отрекшегося императора. При нем были Гудович и Елизавета Воронцова. Их отвели в дворцовый флигель, там с ними имел разговор Н.И. Панин. Встреча оставила тяжелое впечатление у Никиты Ивановича: «Я считаю несчастьем всей моей жизни, что принужден был видеть его тогда; я нашел его утопающим в слезах». Петр ловил руку Панина, чтобы ее поцеловать, умолял не разлучать его с Воронцовой. Сама фаворитка, стоя на коленях, молила о том же».

Их разлучили. Воронцову отправили под арест в дом к отцу, а свергнутого императора увезли в Ропшу, небольшой дворец в двадцати семи километрах от Петергофа. Все было кончено.

Конечно, переворот носил военный характер. Солдаты чувствовали себя хозяевами положения. Большую роль в изъявлении поголовной верности императрице сыграл преждевременный слух о смерти Петра III. Современники утверждали, что слух этот распространялся намеренно.

Все тут же поверили, что Петр упал с лошади и разбился насмерть. В этом случае присяга Екатерине была вполне законной. У солдат кипели страсти. Свобода! Ожила утихшая было ненависть к иностранцам. Дом принца Георга был разграблен, сам он чудом избежал смерти. Все иностранцы опасались выходить на улицу. Екатерина решила усмирить общее возбуждение огромным празднеством.

Державин рассказывал: «День (30 июня) был самый красивый, жаркий. Кабаки, погреба и трактиры для солдат растворены: пошел пир на весь мир; солдаты и солдатки в неистовом восторге и радости носили ушатами вино, водку, пиво, мед, шампанское и всякие другие дорогие вина и лили все вместе без всякого разбору в кадки и бочонки, что у кого случилось. В полночь на другой день Измайловский полк с пьянства обуяв от гордости и мечтательного своего превозношения, что императрица в него приехала и прежде других им препровождаема была в Зимний дворец, собравшись без сведения командующих, приступив к Летнему дворцу, требовал, чтобы императрица к нему вышла и уверила его персонально, что она здорова». Представьте, ночь, все спят, а рядом все запружено-пьяной кричащей солдатней! Императрица должна была выйти к народу, потому что народу кто-то сообщил, что императрицу похитил король прусский Фридрих!

Солдат увещевали придворные, и Шувалов, и Разумовский, и Орловы, но те продолжали буяннить. Что делать? Пошли будить государыню. На следующее утро был издан специальный манифест, в котором солдат благодарили за усердие, но напоминали о воинской дисциплине. Если и дальше они будут верить «рассеиваемым злонамеренных людей мятежным слухам, которыми хотят возмутить их и общее спокойствие», то за непослушание они своими на-

чальниками наказаны будут. «С того самого дня, — далее пишет Державин, — приумножены были пикеты, которые во многом числе с заряженными пушками и с зажженными фитилями по всем местам, площадям и перекресткам расставлены были».

Теперь нужно было наградить людей, которые помогли Екатерине занять трон, и сделать это надо было мудро и щедро, чтобы не было обид и соперничества. Награды выглядели как повышение по службе, как раздача новых придворных чинов и жалование пожизненных пенсий, и, конечно, деньги, и, конечно, дарованные усадьбы с душками, то есть с крепостными крестьянами. На народное гулянье и подарки Екатерина потратила огромные суммы.

Императрица вернула из ссылки Бестужева. Противники переворота и люди, близкие к Петру III, если и были наказаны, то очень мягко. Это был уже новый стиль правления. Пряник в руках казался Екатерине более действенным средством, чем жестокая расправа. Арестованный канцлер Воронцов и племянница его Елизавета очень скоро обрели свободу. Никого бы не удивило, если бы императрица отправила бывшую фаворитку в монастырь, это было вполне в духе эпохи. Но Екатерина даже не стала сама заниматься этим вопросом. Вот записка к Елагину: «Перфильевич, сказывал ли ты кому из Лизаветиных родственников, чтоб она во дворец не размахнулась, а то боюсь к общему соблазну завтра прилетит». Елагин навел порядок. Елизавете Воронцовой было велено жить в своей подмосковной деревне и не показываться в столицах. Вскоре она вышла замуж за бригадира Полянского и была вольна выбирать себе местожительство. Миних тоже не был наказан. Старый боевой генерал получил назначение в Ревель.

Кратковременному аресту подверглись люди, близкие к Петру, но вскоре они уехали из столицы. Гудович вышел в отставку и уехал в свое имение, Волкова, как человека толкового и делового, назначили губернатором в Оренбург.

В самые первые дни правления Екатерины перед ней стоял вопрос: что делать с самим свергнутым императором? Понятное дело, за границу его отпускать нельзя, значит, надо держать под арестом. Где? В Шлиссельбургской крепости, разумеется, подальше от Петербурга. Беда только, что там уже сидит свергнутый законный император, многострадальный Иван Антонович — племянник Анны I, которую в русской исторической традиции называют Анной Иоанновной. Подданные в данный момент мало интересовали Екатерину, пока шло общее ликование, их ничем нельзя шокировать, но что скажут на Западе?

Чтобы два свергнутых императора не сидели в соседних камерах, Ивана решили перевести в Кексгольм. За двадцать с лишком лет тюрьмы он не раз менял «местожительство». Петру решили подготовить лучшие покои, туда уже привезли некоторые его вещи, а потом дело застопорилось. Все понимали, что лучшим исходом для всех была бы смерть Петра. Он вообще был слаб здоровьем, а от последних тревожений ожили старые болезни. У него перестал работать желудок, его мучили головные боли и обмороки. Хорошо бы, конечно, естественная смерть, но ведь можно и помочь. Но Екатерина была категорически против подобных действий.

Последнее послание Петра к жене датировано 30 июня: «Еще я прошу, не приказывайте офицерам оставаться в той же комнате, так как мне невозможно обойтись с моей нуждой». Он также выражал желание, чтобы к нему приехал его врач Людерс. Но врач заупрямился. Он понимал: только

покажись он в Ропше, и его ждет роль узника при больном. Однако лекарства Петру он все же назначил.

Екатерина сама распорядилась, чтобы больному доставили врача, обер-камердинера Тимплера, арапа Нарцисса, скрипку и любимую собаку. 2 июля пришло письмо от Алексея Орлова: «Петр очень занемог, и схватила его нечаянная колика, и я опасен, чтобы он сегодняшнюю ночь не умер, а больше опасаюсь, чтоб не ожил». Если Орлов рискует писать такое императрице, значит, у них по этому вопросу полное понимание.

Людерс все же поехал в Ропшу, а вместе с ним хирург, а 6 июля Екатерина получила последнее письмо из Ропши — от Алексей Орлова. Тон письма странный, словно его писал не совсем трезвый человек. «Матушка, милосердная государыня, как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу, но как перед Богом скажу истину. Матушка, готов идти на смерть, но сам не знаю, как беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете, но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на государя! Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором Борятинским; не успели их разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты. Помилуй меня, хоть ради брата. Повинную тебе принес — и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил: прогневили тебя и погубили души навек». Эту записку увидели только после смерти Екатерины, она пролежала в шкатулке тридцать четыре года.

Никто из виновных в смерти Петра не был наказан. Остался еще документ, это отчет секретаря датского посольства Шумахера. По его версии, убийца вовсе не Борятинский. В отчете также упоминается и камер-лакей Петра Маслов,

которого забрали от императора и отправили неизвестно куда. «Сразу же после увоза слуги, один принявший веру русскую швед из бывших лейб-компанейцев — Шванович, человек очень крупный и сильный, с помощью некоторых других людей жестоко задушил императора ружейным ремнем». Тот же Шумахер утверждает, что Петр умер не 6 июля, а 4-го. Но можно ли секретарю верить? И откуда в датском посольстве такие сведения? Н.И. Павленко предполагает, что хирург в Ропше понадобился не для лечения, а для вскрытия тела. О вскрытии Екатерина потом писала, но документы не сохранились.

Дашкова: «Я нашла императрицу в совершенном отчаянии; видно было, под влиянием каких тяжких дум она находилась. Вот что она сказала мне: "Эта смерть наводит на меня невыразимый ужас; этот удар меня сокрушает". О смерти императора народ оповестили 7-го июля Манифестом "В седьмой день после принятия нашего престола все-российского получили мы известие, что бывший император Петр III умер обыкновенным, прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим и впал в преежестокую колику"». Далее идет перечисление всяческой оказанной императору врачебной помощи, «не презирая долгу нашего христианского и заповеди святой». «Но, к крайнему нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего вечера получили мы другое, что он волей Всевышнего скончался» — и так далее, много подходящих случаю бессмысленных слов.

8 июля тело покойного доставили в Петербург и поместили в Александро-Невской лавре. По свидетельству одного из современников, «вид тела был крайне жалкий и вызывал страх и ужас, так как лицо было черным и опухшим, но достаточно узнаваемым». Люди приходили проститься с императором, офицер командовал: «Поклониться и сразу

идти в другие двери». Излишне внимательно рассматривать покойного не разрешалось. Похоронили Петра в Благовещенской церкви рядом с телом правительницы Анны Леопольдовны, матери несчастного Ивана Антоновича. По усиленным просьбам Сената Екатерина в похоронных торжествах не участвовала.

Петру было тридцать три года. Екатерина не верила, что муж отдаст трон без боя, а он сразу сдался. Его романтические мечтания рухнули. Бедный Петр, он совершенно не был создан для управления государством, тем более таким огромным и сложным, как Россия. Он и размеров ее не представлял и все пытался соотнести ее с Голштинией. По природе своей он был частным человеком. Доверчивый и бесконечно наивный, он имел другой талант, за который всегда был порицаем. Я говорю о склонности к актерству. Его звали шутком, а он был прирожденным комиком. Передавая кичливых старух и важных придворных, он неизменно вызывал смех. Или, скажем, стал бы кукольником, держал театр марионеток, зарабатывал бы скромные деньги, пользовался заслуженной славой и прожил безбедную жизнь. Вот такие гримасы судьбы!

Н.И. Павленко в своей книге пишет: «Так начиналось 34-летнее царствование Екатерины Великой. Оно ознаменовалось многими замечательными деяниями, оставившими заметный след в истории страны. Но восшествие на трон не украшает имя императрицы». И я с ним совершенно согласна.

Императрица в Григорий Григорьевич Орлов (1734–1783)

История «революции» 1762 года — это уже рассказ о Григории Орлове, рассказ о его смелости, удали, находчивости и верности императрице. Еще надо сказать, что он был красавец, дуэлянт, масон и любимец дам. Рюльер о нем пишет: «Григорий Григорьевич Орлов, мужчина стран северных, не весьма знатного происхождения, дворянин, если угодно, потому что имел несколько крепостных крестьян и братьев, служивших солдатами в полках гвардейских, был избран адъютантом к начальнику артиллерии Петру Ивановичу Шувалову, роскошнейшему из вельмож русских».

Здесь Рюльер не точен. «Северным мужчиной» Орлов назван потому, что родился в Новгородской губернии (имеется в виду Великий Новгород). И происхождения он был знатного, но не очень богат, это правда. Орловы — графский род, основанный Владимиром Лукьяновичем Орловым. Правнук его, Григорий Иванович Орлов, был отцом нашего героя. Григорий Иванович за честную службу получил чин генерал-майора и в 1742 году был назначен губернатором в Новгородскую губернию. Первая жена Григория Ивановича умерла, и в возрасте пятидесяти трех лет он женился на юной

Лукерье Ивановне Зиновьевой. От этого брака родилось девять сыновей (могуч был Григорий Иванович!), четверо из них умерли, пятеро — Иван, Григорий, Алексей, Федор и Владимир — пошли в жизнь. Все пятеро были огромного роста, красивы, нрав имели веселый и разухабистый, их знал весь Петербург. Как пишут о них старые хроники, все они получили домашнее воспитание, а доброе влияние отца воспитало в них отвагу и душевную твердость.

Григорий Орлов родился 6 октября 1734 года. По обычаю своего времени, в пятнадцать лет он был послан в Петербург, где поступил в Сухопутный кадетский корпус. Он окончил его вполне успешно и был направлен офицером в один из армейских пехотных полков.

Началась Семилетняя война. Во всех баталиях он проявил отчаянную храбрость, но особенно прославился в битве при Цорндорфе. Это была кровопролитная битва. Фридрих II был совершенно уверен в победе, но, как обычно, накануне сражения заново написал завещание. Он боялся только неожиданностей, неизбежных в войне с Россией. Численностью армия русских превосходила его армию, но он выигрывал сражения и при большем перевесе сил противника, поскольку на его стороне были скорость, умение, дисциплина, смелость и сам Бог!

Как пишут историки, ни Фермор (главнокомандующий русской армией), ни Фридрих II не могли приписать себе победу при Цорндорфе, но не хотели признать и поражение. Однако Фермор, желая сохранить армию, первым увел ее с поля боя, поэтому формально Фридрих победил, но его потери в людях были столь велики, что он не смог преследовать русских и отступил. В этой битве Григорий Орлов был трижды ранен, но не вышел из боя. Он сам взял в плен любимого флигель-адъютанта Фридриха графа Шверина.

Пленного адъютанта отправили в Кёнигсберг, уже взятый русскими войсками. Сопровождали его Григорий Орлов и поручик Зиновьев (двоюродный брат Орлова). Охрана была чистой видимостью, Шверину была предоставлена полная свобода. Пленный и охранники подружились. Болотов в своей автобиографической книге «Жизнь и приключения Андрея Болотова...» пишет: «Сии три молодца были тогда у нас первые и наилучшие танцовщики на балах и как красотою своею, так и щегольством и хорошим поведением своим привлекали на себя всех зрение. Ласковое и в особенности приятное обхождение их приобрело им от всех нас искреннее почтение и любовь; но никто так не отличался, как господин Орлов. Он и тогда имел во всем характере своем столь много хорошего и привлекательного, что нельзя было никому его не любить».

В 1759 году Орлов вернулся в Петербург и получил, как уже говорилось, место адъютанта генерал-фельдмаршала графа Петра Ивановича Шувалова. Обязанности эти были не сложными: в торжественные дни присутствовать в свите, в обычные — сидеть в прихожей, ждать распоряжений, а потом верхами или в карете ехать исполнять поручение начальства. Видимо, у Орлова было много свободного времени, потому что он завел роман с пассией Шувалова княгиней Куракиной. Рюльер пишет: «Княгиня Куракина, одна из отличных природных щеголих, темноволосая и белолицая, живая и остроумная красавица, известна была в свете как любовница генерала, а на самом деле его адъютанта. Генерал был столь рассеян, что не ревновал; но к несчастью, он застал его. Адъютант был выгнан и, верно, был бы сослан навсегда в Сибирь, если бы невидимая рука не спасла его от гибели».

Относительно Сибири Рюльер, конечно, преувеличивает, но карьеру молодому человеку Шувалов мог испортить на-

всегда. А «невидимая рука» принадлежала великой княгине Екатерине. Подробности их встречи неизвестны, известно только, что это произошло летом 1761 года в Петергофе. Весной 1762 года Екатерина родила мальчика. Отцовство Орлова подтверждено самой Екатериной в письме от 2 апреля 1781 года.

Скажем несколько слов о графе Бобринском Алексее Григорьевиче. Сразу после рождения мальчик был отдан Шкурину, гардеробмейстеру Екатерины. Он воспитывался в его семействе вместе с сыновьями Шкурина до 1774 года, а затем был отдан на воспитание И.И. Бецкому. Свою фамилию мальчик получил по названию села Спасского, или Бобрики, Епифанского уезда Тульской губернии. Земли эти и усадьба были куплены Екатериной для сына еще в 1763 году. Мальчик окончил с золотой медалью меньшей величины Сухопутный кадетский корпус, получил чин и назначение в армию. Бобринский стал родоначальником графского рода, прожил безбедную жизнь и умер в 1813 году.

Вернемся к его отцу. В 1762 году Екатерина через третьи руки рекомендовала Григория Орлова на должность казначея (пальмейстера) в артиллерийском ведомстве. Должность эту Орлову удалось получить, потому что недоброжелатель его П.И. Шувалов умер. Казначейство Орлова сыграло положительную роль в перевороте. Екатерина всю жизнь была благодарна Григорию и всем его братьям, она считала, что их роль была главной.

Но далеко не все придерживались этого мнения. Вот, скажем, Дашкова. Еще в Петергофе 30 июня, после бесконечных хлопот, она вернулась во дворец, чтобы спросить у Екатерины, примет ли она ее. «Каково было мое удивление, — пишет она далее, — когда в одной из комнат я увидела Григория Орлова, лежащего на канапе (он ушиб себе ногу)

и вскрывавшего толстые пакеты, присланные, очевидно, из совета; я их узнала, так как видела много подобных пакетов у моего дяди в царствование императрицы Елизаветы. Я спросила его, что он делает.

— Императрица повелела мне открыть их, — ответил он.

— Сомневаюсь, — заметила я, — эти пакеты могли бы оставаться нераспечатанными еще несколько дней, пока императрица не назначила бы соответствующих чиновников; ни вы, ни я не годимся для этого».

Дашкова в негодовании ушла к солдатам исполнять свой долг, потому что те, «изнывая от жажды и усталости», взломали погреб, выкатили бочки и теперь киверами черпали дорогое венгерское вино. Дашковой удалось уговорить солдат прекратить безобразие, то есть закатить бочки на место, за это она отдала им всю имеющуюся у нее наличность. После этого она опять пошла к императрице.

«Я увидела, что в той же комнате, где Григорий Орлов лежал на канаве, был накрыт стол на три куверта. Я прошла, не подавая вида, что это заметила. Вскоре ее величеству доложили, что обед подан; она пригласила и меня, и я, к своему огорчению увидела, что стол был накрыт у того самого канаве. Моя грусть или неудовольствие (скорее и то, и другое, так как я искренне любила императрицу), очевидно отразились на моем лице, потому что государыня спросила, что со мной.

— Я сильно устала и не спала вот уже пятнадцать дней, — ответила я.

Затем она меня попросила поддержать ее против Орлова, который, как она говорила, настаивал на увольнении от службы.

— Подумайте, какую я бы выказала неблагодарность, если бы согласилась исполнить его желание.

С той минуты я поняла, что Орлов был ее любовником, и с грустью предвидела, что она не сумеет этого скрыть».

Наивная девочка, двор давно знал о связи императрицы, но Дашкова, которая наметчала себе, как Екатерина и она, друг и советчик, поведут Россию к светлому будущему, поняла вдруг, что место рядом с императрицей занято. Она не видела и не понимала роль Орловых в перевороте, для нее Григорий был выскочка, человек «попавший в случай», и она возненавидела его на всю жизнь.

Угар первых дней «революции» прошел. В письмах к Понятовскому Екатерина не лукавила. У нее действительно было очень сложное и трудное положение. Легкость, с какой Екатерине достался трон, вселяла в людей уверенность, что игра еще не кончена. Во дворце шла активная подковерная борьба. В голове у каждого вельможи был свой план будущего правления. Непокойна была и гвардия. Войны не было, гвардейцы несли охрану дворца, представляли на парадных церемониях, занимались экзерцициями на плацу, а также волочились за дамами и очень весело проводили время. После переворота многие из них сочли себя обиженными, их обошли в наградах. И огромную зависть и недоброжелательство вызывал все тот же Григорий Орлов.

При дворе образовались отдельные кланы или партии, которые были заняты бесконечными пересудами и интригами. Вопросов действительно было много. Никита Иванович Панин держал в голове план относительно регентства Екатерины при сыне Павле, и в этом у него были сторонники. Говорили, что Панин даже составил соответствующую записку и представил ее Екатерине, но она на это не согласилась. Будто бы шли разговоры и даже были даны обещания, что Павел получит трон при совершеннолети, но никаких документов на этот счет нет.

У вернувшегося из ссылки Бестужева были свои виды на будущее правление. Он был не просто стар, но дряхл, однако немощ телесная не убавила тщеславия и амбиций. Он хотел быть нужным государству, хотел вновь стать канцлером и хотел услужить императрице. Всем понятно, время зыбкое, а здесь немка на троне, и занимает она его незаконно. Какая замечательная тема для размышлений! Выход простой — выдать Екатерину замуж за русского. Самая подходящая кандидатура — шлиссельбургский заточенец Иван Антонович, или Иванушка, как любовно и сострадательно звали его в гвардии. Он хоть и свергнутый государь, но законный. Беда только, что за двадцать лет тюремной жизни он как бы умом тронулся. Говорили, правда, что грамоте знает и хочет в монастырь. Достаточно было на него посмотреть, чтобы сразу его отвергнуть.

Вторая кандидатура — Григорий Орлов. Плохо, что недостаточно знатен, слишком самостоятелен, и вообще, мало ли что можно от него ожидать. Мысль о непременном замужестве императрицы твердо засела в голове Бестужева.

Сама Екатерина не думала о браке, она принялась за работу. Это не придумка, а был, в самый первый день своего появления в Сенате императрица вынула пять рублей и послала в Академию наук купить атлас империи. Надо было знать, какой страной управляешь. Страна была огромна. Считать казну не имело смысла. Казна была пуста. Все до дна выскребли на подарки участникам переворота. Выслушала отчеты. Тюрьмы переполнены ворами и убийцами, крестьяне бедствуют, суды не заботятся о соблюдении законов, всюду взятки и лихоимство. Такой виделось императрице ее государство. До коронации она посетила Сенат шестнадцать раз.

С коронацией она решила не откладывать, покойный супруг так и не успел короноваться. 1 сентября 1762 года императрица, а с ней весь двор направились в Москву. Там Екатерина остановилась в пригороде, в усадьбе Разумовского Петровское. Здесь собрались члены Синода, духовенство, генералитет, знатные особы обоего пола, чтобы поднести всеподданнейшие поздравления. 13 августа состоялся торжественный въезд в Москву. «По улицам было убрано ельником, наподобие садовых шпалер, обрезанных разными фигурами; для смотрения народу обыватели каждый перед своим домом имел построенные преизрядные галереи, по которым снаружи, а также в домах, из окон и по стенам свешены были ковры и другие разные материи». Москва хорошо подготовилась к коронации. Были сооружены четыре триумфальные арки, в Успенском соборе сооружены помосты и балдахины, загодя в Петербурге были изготовлены большая и малые короны. В честь коронации была выбита специальная медаль.

Екатерина была очень довольна пышной коронацией и приемом москвичей, но уже через месяц или около того начались неприятности. Возник «заговор» о смене власти в пользу «Иванушки». Собственно, никакого заговора как такового не было, была одна болтовня, но и за нее в России наказывали очень строго. Иванушка, или Иван VI (по отцу Брауншвейгский), был в младенчестве свергнут императрицей Елизаветой. Случилось это 25 ноября 1741 года. Когда Елизавета с гвардейцами заняла Зимний дворец, она прошла в спальню, взяла младенца на руки и сказала: «Бедное дитя, ты ни в чем не виноват, твои родители виноваты». И сослала всю Брауншвейгскую фамилию под стражу вначале в Рененбург, потом в Холмогоры. В заточении у Анны Леопольдовны и принца Антона родилось еще четверо детей. Ивана отделили от семьи и содержали отдельно. История

свергнутой царской семьи волновала многих, но подробностей никто не знал. Ни старший Иван, ни его неполноценные братья не были пригодны для трона.

Крамольное дело началось так: к Григорию Орлову явился капитан Московского драгунского полка Побединский и сообщил о затеваемом заговоре в пользу Ивана Антоновича. Орлов, естественно, спросил, откуда это известно. Побединский назвал некоторую цепочку лиц, которая закончилась капитан-поручиком Измайловского полка Иваном Гурьевым. Орлов тут же предложил Побединскому и всем его товарищам из цепочки смело «внедряться» в дело заговорщиками для разведывания подробностей. Как проделывал это, говоря нашим телевизионным языком, «крот» Побединский, история умалчивает. Переходим сразу к подробностям сыска.

Было допрошено много офицеров и были выяснены главные герои этого заговора. Ими были Петр Хрущев и трое братьев — Петр, Иван и Семен Гурьевы. Хрущев, призывая офицеров присоединиться к заговору, говорил: «Что трусишь? Нас в партии около 1000 человек» — и смело похвалялся известными фамилиями Ивана Шувалова и князя Ивана Голицына. В ходе следствия были названы и другие партии, которые хотели свергнуть императрицу, даже Никита Иванович Панин был упомянут. Понятно, почему заговорщики придумали заглазно назвать имя Ивана Ивановича Шувалова, клан Шуваловых был главным при Елизавете, да и сейчас он был очень силен. И по мысли Гурьевых и Хрущева, этим вельможам было чем быть довольным.

На деле оказалась, что все это не более, чем сплетни, Петр Хрущев на очной ставке с Гурьевым показал, что о князе Трубецком и Шувалове «слышал по одной эхе». Во время

следствия императрица запретила применять пытки, это похвально, но приговор Сената был очень строг — отсечь головы. Екатерина заменила смертную казнь ссылкой на Камчатку и в Якутск.

Двор оставался в Москве до конца года и начало 1763-го прихватил. В Москве императрица много работала. Необходимо было провести преобразование главного органа управления. Главным лицом в преобразовании Сената был, конечно, Панин. Предваряя все обсуждения, он написал некую бумагу, которую и доложил в Сенате. Это была записка о фаворитах. Речь шла о правлении Елизаветы, при котором Шуваловы сильно досадили Панину, он и Бирона вспомнил, но общий тон записки был таков, что всякий угадал бы в нем намек на возросшее влияние Григория Орлова. «Ее величество вспамятовала, — писал Панин про Елизавету, — что у ее отца государя был домовый кабинет, из которого кроме партикулярных приказаний, ордеров и писем, ничего не выходило, приказала у себя такой учредить. Тогдашние случайные и припадошные люди воспользовались сим домашним местом для своих прихотей и собственных видов и поставили средством оного всегда злоключительный общему благу интервал между государя и правительства. Они, временщики и куртизаны, сделали в нем, яко в безгласном и никакого образа не имеющем месте, гнездо всем своим прихотям...» — и так далее, доклад был длинный. Оговорясь сразу, слово «припадошный» в данном тексте не описка. Словарь Даля дает пояснение — это люди, припадавшие к кому-либо, например к государыне, то есть фавориты и временщики.

С.М. Соловьев пишет: «Можно представить, какое впечатление на Екатерину должен был произвести этот доклад». Но, видимо, она просто не отнесла его на свой счет, и когда

14 февраля 1763 года была создана комиссия (названная так вместо Императорского совета) из восьми человек, то туда был включен и Григорий Орлов. Каждый член комиссии имел четкие обязанности: Панин — секретарь внутреннего департамента, Воронцов — иностранного, Захар Чернышев — военного и т. д. Обязанности Орлова не были обозначены. Екатерина просто хотела приспособить своего возлюбленного и «припадочного» к государственным делам.

В задачу комиссии входило рассмотреть Манифест Петра III «О вольности дворянства» и дополнить его новыми статьями, если в этом будет нужда. Через полтора месяца комиссия представила проект нового документа о вольности дворян, Екатерина нашла его дерзким и отменила до лучших времен.

Императрице нужна была поддержка церкви, поэтому она отменила принятый Петром III закон о секуляризации монастырских земель, распустила Коллегию экономии и указом вернула отобранные на бумаге у монастырей земли. Но казна была пуста, денег взять было неоткуда, и вскоре Коллегия экономии была восстановлена. Вотчины монастырей были отданы под ее власть. Многие служители церкви находили этот закон неправильным, но молчали. Однако были и бунтари. Ростовский архиерей Арсений Мацеевич открыто и дерзко выступил против секуляризации, за что поплатился в конце концов и саном, и свободой.

Потом комиссия стала реконструировать Сенат, и тоже неудачно. Екатерине не нужен был сильный Сенат, она хотела править единолично. Кончилось дело тем, что комиссию распустили, Сенат перетасовали и поделили его на шесть департаментов.

Весной 1763 года Екатерина объезжала свои нижеволжские владения. Посетила Ярославль, Кострому, затем Ростов.

Здесь она несколько задержалась. Это была вотчина тогда еще не опального Арсения Мацеевича. Ростов имел особое значение, он был местом поклонения мощам новоявленного чудотворца святого Дмитрия-митрополита. Предстояло торжественно переложить мощи святого в раку, и Екатерине очень хотелось присутствовать при этом событии. В глазах народа она должна выглядеть истинно православной.

В Ростове и застала ее весть еще об одном, не скажешь, «заговоре», это было ясно высказанное недовольство офицеров гвардии, и потому испугало больше, чем пустая болтовня армейских офицеров, о которых она ранее слыхом не слыхала. Ей были недовольны единомышленники, те, которые посадили ее на трон. Крамольные разговоры велись против Орловых, и Екатерина взяла следствие под свой надзор.

Назывались три фамилии смутьянов — Рославлев, Ласунский и Хитрово. Эти люди активно содействовали перевороту, каждый получил вознаграждение — по 8000 душ крестьян, деньги и придворные звания камергеров. Но награжденным всегда кажется, что их-то как раз и обошли. Вместе старались на пользу Отечества, а награда у Григория Орлова другая. Он уже генерал-майор и действительный камергер, а также награжден орденом Александра Невского. Мало того, все Орловы возведены в графское достоинство.

Но не только зависть дала повод к недовольству гвардейцев, а упорный слух о венчании Григория Орлова и императрицы. Это было уже дело не личное, а государственное. Гвардейцы были убеждены, что это непорядок, нарушение всех традиций, а значит, плохо для России в целом. Ласунский говорил Хитрово: «Орловы раздражали нас своей гордостью и своим поступком: мы было чаяли, что наша общая служба государыне укрепит нашу дружбу, а ныне видим, что они разврат».

Ход делу дало донесение камер-юнкера князя Несвижского, который после отпуска вернулся из деревни, встретился с Хитрово, а тот ему и наговорил с три короба такого, что об этом надо было известить начальство. Хитрово сказал:

«— А у нас много новых вестей, только дурных. Первая новость — государыня поехала в Воскресенский монастырь для того, чтоб старый черт Бестужев удобнее мог в ее отсутствие производить начатое дело. Он написал прошение к государыне, чтоб вышла замуж за Григория Орлова и к этому прошению духовенство и несколько сенаторов подписались, а как дошло до Панина и Разумовского, то Панин спросил государыню, с ее ли позволения это делается, и получил в ответ, что нет».

Далее Хитрово уверенно заявил, что Панин в последнем усомнился, зная, что государыня готова к замужеству, и решил в том ей помешать. Для этого Панин якобы призвал к себе важных сановников и гвардейцев, и они обсуждали это дело как нехорошее и Отечеству вредное.

«— Это ничего бы, — продолжал Хитрово, — потому что Григорий Орлов глуп, но больше всего делает его брат Алексей, он великий плут и всему делу причиной».

Тот же Хитрово дал Несвижскому совет: мол, ты ездь к Орловым и за всем досматривай, «а мы на собрании своем положим просить государыню, что если она намерена выйти замуж, то у Иванушки есть два брата, а если не согласится за них, то, схватя Орловых, всех отлучить... она сама нам будет благодарна, что мы нарушителя покоя от нее оторвем». Болтал Хитрово также о том, что якобы слышал от Алексея Орлова, что императрица дала Панину подписку, чтоб быть ей не государыней, а правительницей при сыне Павле, и она на то согласилась, но гвардейцы, а также Рославлев и

Ласунский крикнули ее императрицей. Ну, а кончил свои излияния Хитрово тем, что всех Орловых надо убить.

Этот отчет Несвижского пошел в следственное дело. Болтуны были арестованы. Начались допросы. Выяснилось, что никакого «собрания с обсуждениями» не было и в помине. Хитрово рассказал, что в разговорах слышал от зятя своего Василия Брылкина, а зять в свою очередь от родного своего брата Ивана Брылкина, что к нему приезжал сам Бестужев за подписью под некоей бумагой, чтоб просить государыню выйти замуж за кого угодно и дать стране наследника, потому что цесаревич Павел слаб здоровьем и еще в оспе не лежал. И говорил Бестужев, что под той бумагой уже многие подписались, и сановники, и духовенство. Рославлев на допросах тоже поминал подписку, но сказал, что она уничтожена.

Следствием руководил сенатор Суворов. Екатерина писала ему: «Нельзя, чтоб Хитрово вздумал, будто я обещала Панину быть правительницей». Еще императрицу интересовало, судачат ли в городе или еще ничего не знают? В конце концов, Хитрово во всем сознался и повинился, признавая и двух сообщников своих виновными. В результате следствия выяснилось, что против самой государыни ничего плохого не замышлялось.

По указанию Екатерины дело замяли. Она была замечательным политиком и знала, что не надо дуть на тлеющий костер. Названные Хитрово фамилии, а среди них Панин, Теплов, Глебов, Дашкова, Пассек и т. д., были оставлены без внимания, их вообще не допрашивали. Обвиняемые отделались легкими наказаниями: Хитрово сослан в свою усадьбу в Орловский уезд, Ласунский уволен в отставку, но не просто так, а генерал-поручиком, год спустя с тем же чином ушел в отставку и Рославлев.

Следствие велось тайно, скрытно, тем не менее в столицах появилась масса слухов. Семейные дела царского дома всегда интересовали население, из боязни наказания о них говорили шепотом. Теперь же судачили вслух — выйдет государыня замуж или нет, а если выйдет, то за кого. Болтали, конечно, о странной смерти императора, и о наследнике. Тогда-то и появился очень интересный документ — «Манифест о молчании». Свобода свободой, а лишнего не болтай. С «Манифестом» ходили по обеим столицам с барабанным боем и читали громко: «Воля наша есть, чтоб все и каждый из наших верноподданных единственно прилежал своему званию и должности, удаляясь от всяких придерзких и непристойных разглашений. Но противу всякого чаяния, к крайнему нашему прискорбию и неудовольствию, слышим, что являются такие развращенных нравов и мыслей люди, кои не о добре общем и спокойствии помышляют, но как сами заражены странными рассуждениями о делах, совсем до них не принадлежащих, не имея о том прямого сведения, так стараются заражать и других слабоумных... Если сие наше матернее увещание и попечение не подействует в сердцах развращенных и не обратит путь истинного блаженства, то ведал бы всяк из таковых невеждей, что мы тогда уже поступим по всей строгости законов и неминуемо преступники почувствуют всю тяжесть нашего гнева».

Ну хорошо, на роток, положим, накинута платок, и развращенные вступили «на путь истинного блаженства», но вопрос о браке государыни не исчез с повестки дня. Григорий Орлов искренне любил Екатерину и, наверное, хотел стать ее мужем. Он, может быть, и не имел великого ума, но был человеком порядочным, в меру тщеславным, не слишком корыстолюбивым. Неизвестно, насколько он был настойчив в своих желаниях. Другое дело Алексей Орлов. Этот имел

натуру страстную, широкую, он был куда более хитрый, чем его старший брат, и, конечно, рвался к власти. А Екатерина размышляла. Ее отношение с Григорием и прочими Орловыми — разные вещи, но и с кланом ей ссориться не хотелось. Братья Орловы имели огромный вес в гвардии, и очень нежелательно, чтобы они перешли в противоположный лагерь и организовали свою партию.

Панин был категорически против этого брака. Григорий Орлов жил во дворце рядом с покоем императрицы, Панин жил в том же дворце рядом с покоем цесаревича Павла. Царедворцы часто виделись и вряд ли испытывали от этого радостное чувство. Екатерина знала об этом, но они оба ей были нужны. Панин, блестящий дипломат, фактически заведовал Коллегией иностранных дел и был самым ярким человеком в правительстве, он был доверенным лицом императрицы в самых деликатных тайных делах, которые всегда толково исполнял. Правда, он вел себя слишком независимо, но Екатерина пока была вынуждена это терпеть. Известна смелая фраза Панина: «Императрица русская вольна делать, что ей хочется, но госпожа Орлова царствовать не будет», в смысле — не сможет. Говорят, что он высказал это суждение в лицо императрице. Панину не давало покоя еще одно соображение. У Екатерины и Григория есть сын. Это сейчас он бастард, а вступи они в брак, он тоже обретет права на трон. Скорее всего, до этого дело не дойдет, но уж партия создана будет, а это опять интриги и смута.

Екатерина отлично понимала все «за» и «против» этого дела и решила отказаться от брака. Лучше самой быть хозяйкой в своем доме — России. Она будет править единолично, а в помощники возьмет толковых людей. Зачем ей муж?

В своей интриге Орловы ссылались на прецедент — пусть тайно, но ведь обвенчалась же покойная Елизавета с Алексе-

ем Разумовским, а чем Григорий Орлов хуже? Существует устойчивая легенда о визите канцлера Михаила Воронцова к Алексею Разумовскому. Ее пересказывает всяк по-своему, вот одна из версий. Екатерина приказала заготовить два манифеста. В первом было написано, что она вступает в брак с Григорием Орловым. Во второй бумаге сообщалось о присвоении Алексею Разумовскому титула императорского высочества, поскольку он хоть и тайно, но обвенчан с Елизаветой.

Со вторым манифестом Воронцов и направился в Аничков дворец к Разумовскому. Тот был уже стар, он давно отошел от дел, но был в курсе последних событий. Воронцов предъявил Разумовскому манифест Екатерины и попросил дать бумаги, удостоверяющие его брак с императрицей Елизаветой. Алексей Григорьевич все понял. Он достал из шкатулки заветную бумагу, поцеловал ее и бросил ее в огонь. После чего он спокойно сказал: «Я не был ничем более, как верным рабом ее величества, покойной царицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодеяниями превыше заслуг моих... Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов». Воронцов вернулся во дворец и доложил Екатерине о результате своей поездки. Нет бумаги, нет прецедента. Екатерина сказала: «Мы друг друга понимаем. Тайного брака не существовало. Шепот о сем всегда был для меня неприятен. Почтенный старик предупредил меня, но я ожидала этого...»

Последний дворянский заговор против Екатерины был связан с именем Иванушки. Известие «о дивах, происшедших в Шлиссельбурге» Екатерина узнала в Риге, во время поездки по Прибалтике. Донесение пришло от Панина 9 июля 1764 года. Армейский подпоручик Мирович решил освободить из тюрьмы двадцатичетырехлетнего Ивана

Антоновича и провозгласить его императором. Мирович напросился караульным офицером в Шлиссельбургскую крепость. В назначенный день он прочитал солдатам заранее подготовленный манифест о смене власти и предпринял с ними попытку освободить Ивана. «Безымянного колодника» сторожили два офицера — Чекин и Власьев. Они имели на руках тайную инструкцию Панина: мол, арестанта никому, ни при каких обстоятельствах не отдавать, документам, если будут предъявлять, не верить, «почитать все за подлог и предательскую руку», а если будут освобождать пленника силой, то тут же того пленника убить. Чекин и Власьев тайный приказ выполнили в точности, а Мирович был схвачен, отвезен в Петербург и предстал перед судом.

В результате следствия выяснилось, что никаких политических мотивов за действиями Мировича не стояло, им руководила личная обида. Но Екатерина не верила, что молодой подпоручик сам, один, решился на такой безумный шаг. Кроме того, она боялась волнений в городе. Но в Петербурге было тихо. В процессе следствия выяснилось, что у Мировича был один сообщник — поручик Великолуцкого полка Ушаков, но поручик утонул при невыясненных обстоятельствах. Мирович во всем покался, взяв всю вину на себя.

На этот раз дело кончилось казнью. Подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Мирович был казнен на Петербургском острове, на Обжорном рынке, при огромном скоплении народа. На Руси уже тридцать лет не казнили смертью, плетьюми били, через строй прогоняли — такое было, но чтоб головы рубить... Державин писал, какое впечатление на всех произвело это действо: «Народ, стоявший на высотах домов и на мосту, не обывкший видеть смертной казни и ждавший почему-то милосердия государыни, когда

увидел голову в руках палача, единогласно ахнул и так содрогнулся, что от сильного движения мост поколебался и перила обвалились».

Казнь Мировича произвела в Европе много шума. Дашкова пишет: «За границей же, искренне или притворно, приписывали всю эту историю ужасной интриге императрицы, которая будто бы обещаниями склонила Мировича на его поступок, а потом предала его. В мое первое путешествие за границу мне стоило большого труда оправдать императрицу в этом двойном предательстве. Все иностранные кабинеты, завидуя значению, какое приобрела Россия в царствование просвещенной и деятельной государыни, пользовались всяким самым ничтожным поводом для возведения клеветы на императрицу».

Дома тоже пожимали плечами, помня присказку: «Ищи того, кому это выгодно». С убийством Ивана был удален последний законный претендент на трон. Никаких обвиняющих документов нет. Но и на Бориса Годунова тоже нет документов, а его уверенно считают убийцей царевича Дмитрия. Некоторые историки и по сию пору видят в деле Мировича узор интриги. Пытаются даже приплести к этому делу братьев Орловых, но уж Григорий никак не мог иметь к этому отношение. Во время поездки императрицы по Прибалтике он находился при ней неотлучно. Соловьев пишет, что в Нарве, где происходила торжественная встреча Екатерины, «на немецкие речи эстляндского рыцарства и нарвского бургомистра именем императрицы отвечал порусски граф Григорий Григорьевич Орлов».

Пишу про Нарву, потому что это еще одна подробность, один кусочек мозаики, из которой приходится строить образ Орлова. О Григории Григорьевиче трудно сочинить внятный рассказ. Смотришь на его портреты — красавец,

лицо прекрасное, сила, рост, а в отзывах современников он как-то неприметен: ни одного скандала или сколько-нибудь громкого события, в работе честен, исполнительен, неяркок. Современники отзываються о нем или хорошо, или никак, одна Дашкова всю жизнь испытывала к нему устойчивую неприязнь. Она пишет, что императрица попросила Панина обрисовать ей портрет Мировича. И тот обрисовал портрет злодея, «составлявший точный снимок с Григория Орлова, самонадеянного вследствие своего невежества и предприимчивого вследствие того, что не умел измерить глубину и обширность замыслов, которые он думал легко исполнить с помощью своего скудного ума».

В этом высказывании слышится какой-то опасный намек, ну, и, конечно, неуважение и ненависть. Что касается невежества, то, безусловно, Екатерина Дашкова была куда образованнее фаворита, но и здесь есть что возразить. Живя рядом с Екатериной, Григорий Орлов пристрастился к чтению, он был в курсе всех театральных дел, занимался самообразованием, каким-то боком заинтересовался науками, начинающий драматург Фонвизин преподнес ему свой первый опус — «Альзира», перевод Вольтера. И Орлов «Альзиру» читал, потому что известно — одобрил.

Орлов был хорошо знаком с Ломоносовым и очень чтил его и как ученого, и как поэта. Именно Орлов уговорил Екатерину посетить «ученую келью статского советника и профессора господина Ломоносова». О визите императрицы даже написали в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 15 июня 1764 года, их императорское величество «изволили смотреть производимые им (Ломоносовым) работы мозаичного художника для монумента вечнославной памяти государя императора Петра Великого, также новоизобретенные им новofизические инструменты и некоторые физические

и химические опыты, чем подать благоволила новое высочайшее уверение о истинном люблении и попечении своем о науках и художествах в отечестве».

После смерти Ломоносова Орлов приобрел у вдовы его бумаги и велел своему секретарю Казицкому привести наследство великого человека в порядок. Архив Ломоносова хранился у Орлова в доме «в особом покое».

Орлов также принимал живое участие в судьбе архитектора Баженова, когда тот находился в трудном положении. Баженов только что вернулся из-за границы, где учился. Российская академия художеств, несмотря на его большие успехи, приняла его холодно. Тот в конце концов обиделся, разругался и ушел из академии, оставшись без средств и без заказов. Тогда Григорий Орлов взял его к себе на службу. Как уже говорилось, Орлов занимался делами артиллерии и фортификации, поэтому он испросил у императрицы для своего подопечного военный чин. Так архитектор стал по совместительству капитаном артиллерии.

В это время Екатерина мечтала о строительстве новых городов, о возрождении старых, она, что называется, болела архитектурой. Именно Орлов предложил императрице привести в порядок Московский Кремль. Застройка внутри Кремля в то время находилась в ужасном запустении. Старые храмы обветшали, а главное, они совершенно не соответствовали вкусам и моде того времени.

Баженов был уже своим человеком у Орлова. Он разработал фантастический проект реконструкции Кремля. Остался макет будущего строения, даже в карликовом виде он производит сильное впечатление. Баженов замыслил построить Кремль одним исполинским дворцом, старые соборы внутри этого объекта играли бы чисто декоративную роль. Со времен Петра Великого считалось, что древняя

русская архитектура нам больше не нужна. Проект Баженова был хорош, но, сознаемся, это счастье наше, что он не был осуществлен. Помешали война с турками, чума и отсутствие денег. Мы не можем благодарить Орлова за идею перестройки Кремля, но благодарны уже за то, что она была вовремя остановлена.

А что касается скудного ума, то, видимо, Григорий Григорьевич был, как говорят сейчас, человек «простой», или простосердечный. В отличие от принятой при дворе нормы, он не любил интриговать, не умел притворяться. В этом искусстве его госпожа далеко обошла своего фаворита. Недаром Пушкин называл Екатерину образцовой лицемеркой. И ведь не возразишь! Она была творческим человеком, умна безмерно, отлично понимала людей, но даже Державина, который одно время ходил у нее в секретарях, она находила неумным работником. Неумным, потому что хитрости не на грош, все борется за справедливость, обижает людей и получает шишки — речь идет о губернаторстве Державина. Не интрига сделала Орлова фаворитом Екатерины, а любовь. Он не старался делать карьеру, потому что карьере ему делала она сама, но если нужна была его помощь, он принимался за работу безотлагательно и старался делать ее хорошо. Оговоримся — если не мешал темперамент, Орлов был вспыльчивым человеком, забиякой, а во хмелю и скандалистом. Как было принято при дворе, он принимал участие во всех дворцовых забавах, а это пиры, маскарады, карты и женщины. Видимо, увлечение женщинами было более-менее умеренным, Екатерина не потерпела бы открытой связи. Во всяком случае, имен его дам я назвать не могу.

Как уже говорилось, Григорий Орлов был масоном. Несколько слов об этой таинственной организации. Масоны, или вольные каменщики, возникли «на базе» средневековой

гильдии каменщиков, строителей готических соборов. Эти гильдии имели много профессиональных секретов, поэтому прием в гильдию был обставлен тайным ритуалом. В начале XVIII века (а может быть, и раньше) клубная английская знать организовала свое тайное общество, используя ритуалы и символику старинных гильдий. Отсюда мастеров, циркуль, откос, фартуки и прочее. Общество было строго секретным, задача его — объединение во имя делания добра, а также обретения смысла жизни и поиск некоей тайны, которую знал Адам и даже, кажется, передал ее людям, но они ее по ходу истории разбазарили и забыли. Именно строгая таинственность масонов раздражала и беспокоила обывателя: поди пойми, чем они там заняты за высоким забором.

Русское петербургское масонство (о Москве особый разговор) было данью моде, попыткой объединиться с Западом. Последнее со временем и привело в России к запрету масонства. Находящееся за границей главное начальство вольных каменщиков поддавалось соблазну влиять через масонов на русские политические дела.

Главой петербургских масонов — Великим Провинциальным мастером — был Иван Перфильевич Елагин, член дворцовой канцелярии, историк, поэт, управляющий театрами и друг императрицы. Главное времяпрепровождение масонов в своих ложах было занято обязательными обедами, песнопениями, сбором денег в пользу бедных и ритуальной игрой во время приема в ложу новых членов. Екатерина запретила масонство, Александр I его вновь разрешил. Министр полиции в отчете писал: «Система их ничего осудительного в себе не заключает, бумаги их состоят из одних обрядов и церемониалов, ученья в них мало, а предмету никакого, в чем сами начальники согласуются». Там же, кстати,

отмечено: «В похвалу сих братств сказать должно, что они делают много благодеяний, посещают тюрьмы, помогают бедным и прочее...»

Ничего нет удивительного, что Григорий Орлов стал масоном. Это говорит только, что он был человеком думающим, смысл бытия его тоже интересовал, масонские «мальчишники», где собирались, пели и говорили о высоком, видимо, вполне соответствовали его романтической душе.

При всем при том, по сведениям самой Екатерины, Григорий Григорьевич был подвержен меланхолии, говоря нашим языком — депрессиям. «Наш гатчинский помещик хандрит», — пишет Екатерина. Орлов действительно часто скрывался от шумного света в Гатчине. Когда-то здесь была мыза, которую Петр I вместе с окрестными деревнями подарил сестре — Наталье Алексеевне. После смерти царевны гатчинское поселение, мыза и земли при нем были выкуплены казной, а после вступления на трон Екатерина подарила усадьбу вместе с Ропшей, охотничьими угодьями и сорока пятью тысячами душ государственных крестьян Григорию Орлову. Очень модный в те времена архитектор Ринальди построил там великолепный замок. Орлов любил Гатчину, он благоустроил парк по английскому образцу, украсил его беломраморной колонной, увенчанной орлом, колонну подарила ему Екатерина, а на берегу Серебряного озера построил грот. Н. Синдаловский пишет: «Чисто декоративное парковое сооружение на самом деле представляет собой выход из подземной галереи, которую соорудил Григорий Орлов между дворцом и озером, будто бы для того, чтобы не оказаться застигнутым врасплох в случае неожиданной опасности». Если это не легенда, то стоит поразмыслить, чего боялся царский любимец? Зная характер императрицы, он не мог ждать опасности с ее стороны. Но Екатерина

сама всю жизнь боялась потерять трон, наверное, чувство это передалось и ее любимцу.

После смерти Орлова императрица выкупила Гатчину у его наследников и подарила сыну Павлу Петровичу, чтоб жил он подальше от Петербурга.

«Гатчинский помещик хандрит» — это, значит, у него плохое настроение, белый свет ему не мил и развеселить его ничем нельзя. Сейчас депрессию лечат, но это длительный терапевтический процесс. Через много лет, когда вдруг один из придворных сошел с ума, Екатерина пожаловалась секретарю: «О, я знаю, что это такое! В свое время я с этим сильно намучилась». Она имела в виду Григория Орлова.

Но все это потом, а пока наш герой молод и полон сил. Предоставим слово самой императрице. Вот что она пишет некоей госпоже Бельке, подруге матери, с которой она переписывалась всю жизнь. Письмо написано накануне заключения мира с турками. «Мои ангелы мира, думаю, находятся теперь лицом к лицу с этими дрянными турецкими бородачами. Григорий Орлов, который без преувеличения самый красивый человек своего времени, должен казаться действительно ангелом перед этим мужичьем; у него свита блестящая и отборная; и мой посол не презирает великолепия и блеска. Я готова, однако, биться об заклад, что он наружностью своею уничтожает всех окружающих. Это удивительный человек; природа была к нему необыкновенно щедра относительно наружности, ума, сердца, души. Во всем этом у него нет ничего приобретенного, все природное, и, что очень важно, все хорошо; но госпожа натура также его и избаловала, потому что прилежно чем-нибудь заняться для него труднее всего, и до тридцати лет ничего не могло его к этому принудить. А между тем удивительно, сколько он знает; и его природная острота простирается так далеко, что слыша о каком-нибудь

предмете в первый раз, он в минуту подмечает сильную и слабую его сторону и далеко оставляет за собой того, кто сообщил ему об этом предмете». Это письмо написано в апреле 1772 года накануне отъезда Орлова в Фокшаны, но об этом я расскажу позднее. Согласимся с императрицей: сколько бы мы ни искали в Григории Григорьевиче положительных черт, как бы ни расписывали его заслуги, надо сознаться, что он был бездельником, но это никогда не считалось в России большим грехом.

Первое государственное дело, которое императрица поручила Григорию Орлову, касалось переселения иностранцев на территорию России. Дело в том, что заводские (и не только заводские) крестьяне бунтовали из-за тяжелых условий труда и скотской жизни, их приходилось усмирять, используя для этого даже пушки. В Сенате был поставлен вопрос: «А нельзя ли заменить приписанных к заводам крестьян вольнонаемными рабочими?» Все согласились — хорошо бы, но где их взять? Размеры государства огромны, но плохо населены. По переписи в России живет около 40 миллионов человек, из них на Сибирь если приходится один миллион, то хорошо, а может, и того меньше. А ведь в перенаселенной Европе много народу, который просит позволения переселиться в Россию.

Императрица загорелась этой идеей, и в декабре 1762 года был издан манифест о переселении в Россию иностранцев, а 22 июля 1763 года была учреждена «Канцелярия опекунства иностранных» и президентом ее был назначен генерал-адъютант и действительный камергер Григорий Орлов. Теперь речь шла не столько о заводских крестьянах, сколько о создании в России иностранных колоний и в западных землях — надо увеличивать численность народа в России!

Орлов с энтузиазмом взялся за дело. Все хотелось обновить, улучшить, уже приходили в голову мысли о реформах в своих собственных прибалтийских землях. Он отправил вербовщиков за границу. Приехав в Россию, иностранные переселенцы должны были явиться в канцелярию Орлова и заявить, куда они хотят записаться — в купцы, мещане, в цеховые или селиться на свободных и выгодных для хлебопашества землях. Переселенцам давалось денежное вспоможение, им предоставлялось право соблюдать свою веру, но ни в коем случае не склонять к своему вероисповеданию живущих в России христиан. Был предложен проект «О поселении в Оренбургской губернии на пустой земле иностранных народов».

Но были у идеи переселения иностранцев и противники — зачем в России иноверцы? В манифесте о переселении иностранцев был особый пункт: «Ее императорское величество надеется со временем чрез то умножить славу Божию и Его православную греческую веру и благополучие здешней империи». Но не было никаких надежд, что иностранцы поменяют свою веру на православную, а потому сам собой возник вопрос: а хорошо бы вернуть на родину беглых, а также стараться удержать беглецов от побегов? Тут вспомнили про раскольников, которые перешли границу и поселились в лесах. Проект обрастал подробностями, дел в государстве и без него было много, и он со временем совершенно заглох. Можно, конечно, винить в закрытии проекта неповоротливость чиновничьего аппарата, но и Орлова следует обвинить в нерадивости. Пока императрица горела этим делом, он был очень активен. Но она не могла заниматься только переселенцами, у нее и без них было полно работы. Без присмотра государева ока наш герой сразу остыл. Отсюда мораль — не поручай кавалергардам,

красавцам и богатырям канцелярской работы, они ее на-верняка угробят.

Но другом и советчиком Екатерины он был хорошим, этого у него не отнимешь. Кончились опасные игры заговорщиков, жизнь вошла в спокойную колею, но дел у императрицы было невпроворот. На повестке дня были также дела польские. 6 октября 1763 года Екатерина получила известие о смерти короля Августа III. Пришла пора исполнять обещание, данное Понятовскому, — посадить его на трон. Еще один кусочек мозаики: известно, что Григорий Орлов был против его кандидатуры. Может быть, в нем говорила ревность к прежнему любовнику, пусть так, во всяком случае, в этом вопросе он был прозорливей, чем императрица.

Перечислим кратко, что было сделано Екатериной в первые годы своего правления. 7 сентября 1764 года с помощью денег, подкупов и при поддержке русских войск королем Польши был выбран Станислав Август Понятовский. Екатерина написала Панину: «Поздравляю вас с королем, которого мы делали». Вернувшийся из ссылки Бирон стал герцогом Курляндии, что было чрезвычайно выгодно России. 10 декабря 1764 года было отменено гетманство (ранее гетманом был Кирилл Григорьевич Разумовский). Со временем была создана Малороссийская коллегия. В 1764 году учрежден Смольный институт, закрытое учебное заведение для девочек. Инициатором создания института был Бецкий.

В 1765 году была создана комиссия по урегулированию межевых дел. Это был старый и больной вопрос. С устройством межевания земель помещики наконец определили границы своих владений и больше не могли покушаться на казенные земли. Про передачу монастырских земель в Коллегию экономии мы уже говорили. В 1765 году было учреждено «Вольное экономическое общество» — к поощре-

нию в России земледелия и домостроительства. Вначале при посредничестве Орлова, которого всегда совершенно искренне интересовало улучшение быта крестьян, общество называлось Патриотическим, потом Экономическим, и наконец Вольным экономическим. В работе этого общества Орлов принимал активное участие, взяв на себя при его организации денежные расходы. Одно время он был председателем общества. Позднее, в Комиссии по составлению нового Уложения (1767 год), он также интересовался крестьянским вопросом.

И наконец, в 1765 году из Ирландии завезли в Россию «земляное яблоко» — картофель, который быстро стал распространяться, а в быт стал входить самовар.

В 1765 году Екатерина решила отметить трехлетнюю годовщину своего вступления на трон и устроить широкий праздник под названием «Воинская конная игра "Карусель"». Плохая погода в июне отодвинула воинскую игру на год. Вроде бы четырехлетие какого-либо важного события не отмечают, но императрице хотелось угодить гвардии и развлечь народ. «Карусель» — это широкое торжественно представление на площади, театрализованное ристалище, а проще говоря — маскарад и спортивные состязания. Предприятие было роскошным, великолепным — умели правители веселиться в старые времена.

Перед Зимним дворцом на лугу по проекту архитектора Ринальди построили огромный деревянный амфитеатр на манер греческого. Центральная, богато украшенная ложа предназначалась для царской фамилии, рядом ложи попросту для знати и судей, ну а потом скамейки для чиновников, дворян и обывателей. Все подробности праздника были подробно описаны в камер-фурьерском журнале, а также в газете. Народу на представление собралось великое множе-

ство, самые ретивые занимали места с раннего утра (представление было назначено на пять часов пополудни), тем, кому мест не хватило, следили за представлением из окон, Зимний дворец тоже был оккупирован зрителями, даже на крыше сидели.

В представлении участвовало четыре кадрили, соответствующим образом наряженные. Римскую кадрили возглавлял Григорий Орлов (после этого его и прозвали Римлянином). Во главе российской (или славянской кадрили) стоял генерал Салтыков. Кадрилью времен Александра Македонского, называемую индийской, командовал генерал Репнин. Алексей Орлов возглавлял кадрили турецкую и был обряжен сарацином. В игре участвовали и женщины, публика их нарекла амазонками.

Праздник начался с парада. Команды Репнина и Алексея Орлова проследовали по Малой Морской и вошли в амфитеатр через Южные ворота. Григорий Орлов и генерал Салтыков проскакали со своим ряженым воинством по Миллионной улице и вошли на арену через Северные ворота. Главным судьей игры был генерал-фельдмаршал Миних. При другом правительстве сидеть бы ему сейчас где-нибудь в избе на краю империи, а при Екатерине он опять в чести. Она простила ему чрезмерную верность Петру III.

Обер-церемониймейстер секунд-майор Измайловского полка князь Голицын дал сигнал трубачам возвестить о начале карусели. Парад открыли дамы на колесницах, за ними прошли кавалеры верхами. Все ярко, пестро, торжественно! Народ приветствовал всех криками и аплодисментами. Потом начались состязания. В подражание рыцарским турнирам бились и мечами и пиками, еще стреляли в цель из пистолетов, метали дротики. И дамы вслед за мужчинами стреляли, кололи, метали — все «копили очки». В ложах

сидели помощники судей и записывали каждый успех и промах участников.

Нужно сказать отдельное слово про костюмы «кадрильщиц и кадрилищиц». «Санкт-Петербургские ведомости», писали, что публику потрясло убранство и великолепие участников, но еще больший восторг они испытали, «когда все увидели в таком же ополчении и с такими же кавалерскими доспехами дам благородных в броне военной на колесницах, по древнему обыкновению каждого народа устроенных, которые богатством и аллегорическими фигурами, а притом и хитростью художников воображали зрителям дух победоносия. Одевание кавалеров богато блистало драгоценными камнями, но на дамских уборах сокровища явились несчетные: словом, публика увидела брильянтов и других родов камней на цену многих миллионов».

Удивления достойно — участвовать в спортивном состязании в бриллиантах. Мало того что тяжело и неудобно, но ведь не побоялись потерять драгоценности-то! Но таковы вкусы XVIII столетия. Бриллианты еще со времен Анны Иоанновны стали самым расхожим украшением, да и товаром тоже. Про платье говорили — все «облито брильянтами», из них делали пуговицы, пряжки на туфли, пригоршнями сверкающих камешков расплачивались в карточных играх.

Можно продолжить описание карусели, хроника сообщила много подробностей этого действа, но опустим их и подведем итог. После разбора и подсчета произведенных на поле подвигов судьям было ясно, что лучшими были братья Орловы. Но кому присудить победу — старшему или младшему. У младшего Алексея «больше очков», но Григорий безусловно красивее, театральнее, кроме того, надо помнить об императрице. Совещались долго, но не договорились, отложили решение на следующий день. Оба

героя опять выступили перед публикой. В конце концов, лавровый венок победителя был преподнесен Римлянину — Григорию Орлову. Правда, Алексея Орлова тоже не обидели и призом, и вниманием, ведь все понимали неизбежность выбора победителя.

Большую часть дня Екатерина проводила за рабочим столом с пером в руке. В январе 1765 года она начала писать свой знаменитый «Наказ». Замечу к слову, что, конечно, она была графоманкой — вполне простительный грех. Кроме указов и манифестов, она писала «Записки», пьесы, эссе, критические работы («Антидод»), занималась журналистикой, но больше всего любила писать письма. Она переписывалась со всей Европой, наиболее уважаемыми ее адресатами были Вольтер и Дидро — апостолы века Просвещения. Одна из идей просвещенного абсолютизма — преобразовать общество без революции и крови — ей особенно нравилась. Для этого нужно, чтобы на троне находился просвещенный монарх (всего-то!), и тогда все произойдет как бы само собой. С точки зрения Вольтера, Екатерина идеально подходила на эту роль. Северная Семирамида — так он ее называл.

«Наказ» представлял собой компиляцию из книг весьма уважаемых авторов: Монтескье, Баккария и прочих. Орлов очень положительно относился к этой работе. Помогать императрице он не пытался, но каждая часть была внимательно прочитана и обсуждена. В 1767 году труд был окончен, и Екатерина выпустила Манифест о созыве депутатов в Комиссию для сочинения проекта нового Уложения (до этого жили по законам, составленным еще Алексеем Михайловичем и дополненным указами Петра I). Депутаты собрались от всех сословий, это было что-то новенькое для России.

По всем церквям три воскресенья подряд читали Манифест о созыве депутатов. Им назначалось жалованье. Звание

депутата было поднято на небывалую высоту. Депутаты на всю жизнь освобождались от смертной казни, «какое бы преступление не совершили», личная их безопасность охранялась «удвоенной карой», им давались особые значки, которые дворяне могли внести в свой герб для гордости потомков. Вот так выглядел зародыш нашего свободомыслия.

30 июля 1767 года Екатерина открыла Комиссию торжественным приемом в Москве в Грановитой палате. Здесь был прочитан ее «Наказ». Он был выслушан с восхищением, многие плакали. Дальше пошла работа, и она была очень трудной. Вначале Орлов очень активно участвовал в заседаниях. И.А. Заичкин пишет: «Когда дворянские депутаты в Комиссии по Уложению стали критически обсуждать слишком либеральные предложения императрицы, тогда только она поняла господствующие крепостнические представления помещиков, ибо, по ее собственному признанию, "слишком высоко оценила тех, которые меня окружали"».

Орлов же, участвуя в Комиссии, не только поддерживал крестьянские ходатайства, но даже выступал защитником самих крестьян. В дальнейших заседаниях комиссии он не участвовал, причина неизвестна.

Причина неизвестна, но можно предположить, что он быстро остыл к самой идее создания гуманистических и либеральных законов. Даже либерал и западник Панин относился к «Наказу» Екатерины с сомнением. «Таковыми правилами можно разрушить стену», — говорил он, разумея под стенами саму империю. Со временем «Наказ» Екатерины стал запрещенной литературой. Его выдавали только ограниченному числу лиц для служебного пользования.

Вот один из примеров споров при работе комиссии. «Наказ» Екатерины отнес к среднему (городскому) сословию

художников, ученых не из дворян и духовенство. Синод тут же возразил — духовенство особое сословие на Руси и должно быть приравнено в правах к благородным. Духовенству объяснили, что их приравнивают к ученым — чем плохо, но ученые в свою очередь обиделись, что их ставят наравне с купцами и, стало быть, они подлежат подушной подати и рекрутским наборам. И таких споров было тысячи. Понятно, что Орлову наскучило со всем этим разбираться. Он не был создан для кропотливой работы.

В декабре 1767 года комиссия была переведена в Петербург, но в связи с турецкой войной прекратила работу. Остались только частные комиссии, которые работали много лет.

Началу войны предшествовало очень важное событие, которое нам сейчас кажется весьма обыденным и вообще не стоящим упоминания. А это был праздник, и не только праздник, но и подвиг — Екатерина и наследник в назидание всему населению России привили оспу. Вслед за императрицей привил себе оспу и Григорий Орлов. Эта болезнь была страшным бичом не только для России, но и для всей Европы. Смертность была огромной, а способа лечения не знали. И наконец нашли охранительное средство — брать яд от больного и вносить его здоровому человеку. Медики были категорически против этого безумия, церковь их поддержала. А как уговорить население решиться на прививку? Екатерина писала Фридриху II (который, кстати, был категорически против нового изобретения какого-то «шарлатана»): «С детства меня приучили к ужасу перед оспой, в возрасте более зрелом мне стоило больших усилий уменьшить этот ужас, в каждом ничтожном болезненном припадке я уже видела оспу. Весной прошлого года, когда эта болезнь свирепствовала здесь, я бегала из дома в дом, целые

пять месяцев была изгнана из города, не желая подвергать опасности ни себя, ни сына. Я была так поражена гнусностью подобного положения, что считала слабостью не выйти из него. Мне советовали привить оспу сыну. Я отвечала, что было бы позорно не начать с самой себя, и как ввести оспопрививание не подавши примера? Я стала изучать предмет, решившись избрать сторону наименее опасную. Оставаться всю жизнь в действительной опасности с тысячами людей или предпочесть меньшую опасность очень непродолжительную и спасти множество народа? Я думала, что, избрав последнее, я избрала самое верное».

Это был действительно праздник для народа. 22 ноября депутаты Комиссии нового Уложения собрались в Казанском соборе, чтобы огласить сенатский указ: считать 21 сентября торжественным днем в память о привитии себе оспы императрицей. «Семилетнему младенцу Александру Маркоку», от которого взяли для императрицы «оспенную материю», было пожаловано дворянство с фамилией Оспенный, врач Димсдаль пожалован бароном и ежегодной пенсией. Все были обрадованы, приятно удивлены, настроение было замечательное. Наверное, эту радость предков можно сравнить с нашим удивлением и восторгом в день полета Гагарина.

И вдруг в разгар всеобщего ликования Екатерина узнает, что русский резидент в Турции Обрезков арестован и посажен в крепость. Это могло означать одно — объявление войны. Как уже говорилось, Турция не могла простить России слишком бесцеремонного вмешательства в польские дела, у нее с Польшей были свои отношения.

Россия совсем не была готова к этой войне, хотя намерения относительно турок были очень серьезные. Перед Россией стояла своя давняя задача решить вопросы польский

и турецкий. На юге еще Петр хотел продвинуть границу до естественного предела — Черного моря, на западе мы хотели вернуть в свое лоно Белую Русь. В Польше притесняли православных, а Турция во всю торговала русскими рабами.

Как-то в письме, конечно в шутку, Вольтер написал Екатерине, что ее война с Турцией может привести к тому, что Стамбул вернет себе старое название и Константинополь станет столицей Российской империи. Кто знает, подсказка ли Вольтера или собственное тщеславие заставила Екатерину отнестись к идее завоевания Турции с полной серьезностью. Ее планы вообще отличались гигантоманией, сама она с юмором называла их «воздушными замками», но продолжала строить эти замки — кирпичик к кирпичику. А почему нет? На войне с мусульманским миром был помещан несчастный Лжедмитрий, воевать за Крым ходил князь Голицын, Петр брал Азов, Миних воевал с Турцией много лет, мечтая сокрушить ее окончательно. Екатерина решила, что именно на нее история возложила тяжкий груз — разбить Порту и вернуть Константинополь православия. Григорий Орлов был с ней в этом согласен.

А Панин категорически против. У Панина был свой, тоже гигантский, проект под названием «Северный аккорд», по которому северные государства, сообразуясь с общими задачами, должны объединиться против южных. Северному союзу тоже не суждено было осуществиться, у каждого государства как на юге, так и на севере были свои задачи. Я все это пишу, чтобы объяснить интересный разговор между Орловым и Паниным, который возник на собрании во дворце, на котором присутствовали самые важные люди государства. Вначале Екатерина предложила собрать для обсуждения военных дел конференцию, как при Елизавете. Панин как мог

отбояривался от этой идеи, потому что конференция могла стать постоянно работающим органом. Кроме того, во главе конференции надо было, чтоб угодить императрице, поставить Григория Орлова, а он этого смертельно боялся. Так что на первый раз для обсуждения военных дел обошлись простым собранием.

Императрица определила цель собрания — выяснить, «какой образ войны вести, и где быть сборному месту», и «какие взять предосторожности в рассуждении прочих границ империи», то есть не ввяжутся ли в эту войну другие государства, например Швеция. Панин заверил, что нет, не ввяжутся. Решили также, что войну надо вести наступательную. И тут Орлов неожиданно сказал:

— Когда начинать войну, надлежит иметь цель, ради которой она затевается, а если цели нет, то не лучше ли изыскать способ к избежанию этой войны.

Панина смутило это замечание, тем более что он понимал, Орлов высказывает мысли императрицы, поэтому он ушел от прямого ответа.

— Желательно, — сказал он, — чтобы война кончилась быстро. Для этого надобно собрать все силы, активно наступать на неприятеля и тем «привести его в порабощение».

Орлов заметил на это, что вдруг решительного дела сделать нельзя.

— Надобно стараться, — настаивал Панин, — войско неприятельское изнурять и тем принудить, дабы оно такое же действие произвело в столице к миру, как оно требовало войны.

Панин был дипломатом, он никогда не воевал. Положили разделить армию на три части, а в конце заседания Орлов предложил послать в Средиземное море несколько русских судов и сделать диверсию неприятелю.

Через день Екатерина сама поставила на обсуждение вопрос Орлова.

— К какому концу войну вести? — спросила она собрание. — В случае нашего успеха какие выгоды полезнее положить?

Обговорили и этот вопрос: мол, получить свободу мореплавания по Черному морю и учредить там порт и гавань. Возглавлять наступательное войско назначили князя Голицына, во главе оборонительного графа Румянцева. Орлов не успокоился, опять поднял вопрос о смысле войны. Оказывается, он имел в виду оказание помощи единоверцам грекам, находящимся под гнетом турок. В Морее, как известно, много греков, много удобных гаваней и мало турок.

Теперь вскользь брошенные накануне слова обрели реальный смысл. Екатерина обложила картами и стала составлять план действий — уж мы покажем туркам! Алексей Орлов в это время находился на излечении в Италии. Предложение Григория Орлова тут же стало реальностью. В июле 1768 года из Кронштадта в обход Европы двинулось 15 балтийских кораблей под командой адмирала Спиридова. Идея была такая — Алексей Орлов поднимет в Морее восстание греков, их поддержит русская армия, и греческий православный мир будет освобожден от мусульман.

Хорошо сочинять планы в тиши кабинета, на деле все получается иначе. До Ливорно из пятнадцати наших кораблей дошло только восемь. Восстание в Морее действительно поднялось, но русские не смогли как следует помочь десантом. Турки подавили восстание со страшной жестокостью. Но Алексей Орлов на них отыгрался. Он взял на себя командование эскадрой и 26 июля 1770 года в бухте Чесма в Хиосском проливе уничтожил турецкий флот, вдвое пре-

восходящий русский. Турецкие корабли попросту сожгли, а пушки довершили дело.

На суше война русских тоже шла успешно. Во главе армии встал талантливый полководец генерал П.А. Румянцев. С ним русские разбили турок под Хотинном, заняли всю Молдавию и Валахию. Взяты были также Азов и Таганрог. В 1771 году был взят Крым. Дело шло к заключению мира, в котором принимал участие Григорий Орлов. Но прежде нужно рассказать о другой трудной работе, может быть единственной, которую он сделал достойно и довел до конца.

В конце 1770 года на Москву обрушилось страшное бедствие — чума. Страшной этой болезни не было в России со времен Симеона Гордого (1352 год). Чума пришла с боевых полей — из Турции: через Малороссию, боком прошла через Брянск и подошла вплотную к Московской губернии. Для защиты Москвы на южных границах губернии поставили заставы и карантин, но сделано все было плохо, ненадежно, и уже 17 декабря 1770 года в Лефортове, в малом госпитале, были зафиксированы первые смерти — из 16 больных 14 человек скончалось. Пока медики не произносили страшное слово «чума», диагноз был — моровая язва. Госпиталь был оцеплен, предосторожности приняты, и в январе 1771 года московский градоначальник П.С. Салтыков писал в Петербург: «Ныне она болезнь утихает, холодное время тому способствует...»

Наступила весна. Болезнь вовсе не стихла, а только начинала входить в силу. Салтыков еще в феврале писал государыне, что хорошо бы больных вывезти из Москвы в ближайшие монастыри, что в пятнадцати и двадцати верстах, с ними послать лекарей, там на свежем воздухе больные скорее поправятся. Екатерина отказалась от этого плана: зачем распространять болезнь по окрестностям — и сделала

московскому Совету следующие указания: 1) установить карантин для всех выезжающих из Москвы верстах в тридцати по большим и проселочным дорогам; 2) Москву, если возможность есть, запретить и не впускать никого без дозволения г-на Салтыкова; 3) обозы со съестными припасами останавливать в семи верстах от Москвы: сюда московским жителям приходиться и покупать, что надобно; 4) на этих местах полиция между продавцами и покупателями должна разложить большие огни, сделать надолбы и наблюдать, чтоб московские жители до приезжих не дотрагивались и не смешивались вместе, а чтоб деньги обмакивать в уксус... и так далее.

В ста километрах от Петербурга тоже велено было устроить карантин, где приезжих и их вещи окуривали бы, а письма и прочие бумаги обмакивали в уксус, в те времена в уксус верили как в панацею от всех чумных бед. В Москве же главной защитой от моровой язвы считали обгорелое дерево, дым якобы очищает воздух. Костры не тушили и ночью. Жгли не только дерево и уголь, но и навоз, дым от него почитался самой надежной защитой.

21 марта Совет в Петербурге постановил, что «по старости г. Салтыкова охранение Москвы от заразы надобно поручить кому-нибудь другому». Борьба с чумой было поручено генерал-поручику сенатору Еропкину.

А «прилипчивая болезнь», как теперь условно называли чуму, уже вошла в силу. В Москве было много мануфактур, рабочие жили скученно, в антисанитарных условиях. Мертвые тела вывозились за пределы города и там сжигались. Делали это специальные люди — мортусы. Чаще всего должность эту исполняли колодники. Вид их был ужасен. Они носили воцанные плащи и маски, мертвые тела они тащили к повозкам крючьями, иногда на подводу складывали

до двадцати мертвых тел. Смертность была огромная. Страхов, профессор Московского университета, описал потом эти страшные дни, которых он был очевидцем. Был он тогда еще мальчиком, гимназистом, и должен был каждый день носить отцу своему записки от брата-письмоводителя. Брат работал в это время при смотрителе, которому было велено наблюдать за точным исполнением карантинных мер, а смотритель тот знал, сколько народу накануне умерло. Эти сведения и были отражены в записках. Страхов рассказывает: «... бегу от братца с бумажкой в руке, по валу, а люди-то из разных домов выползают и ждут меня и, лишь завидят, бывало, и кричат: "Дитя, дитя, сколько?" А я-то лечу, привскакивая, и кричу им, например: "Шестьсот, шестьсот". И добрые люди, бывало, крестятся и твердят: "Слава Богу!", потому что накануне эта цифра была семьсот или того больше».

Несмотря на запрет, все, кто мог, уехал из Москвы, город оставила знать, их дворня, богатые купцы. Паника охватила население. Сенатор Еропкин действовал разумно: ужесточил меры борьбы с болезнью, теперь заболевших неукоснительно помещали в лазарет, семью его отправляли в карантин, чумные вещи уничтожались, и прочее, но у русского народа давно укоренилась привычка — ни в чем не доверять правительству. Карантинов народ боялся больше, чем самой моровой язвы, а потому больных скрывали, чумные пожитки продавали, процветало воровство — благо было чем поживиться. Взятки давали и их брали, не отправляя людей в карантин. Куда там надо обмакивать деньги-то? В уксус? Были бы деньги, а уж мы найдем, во что их «обмакнуть». Мертвых из чумных домов выбрасывали прямо на улицу, чтоб не узнали, из какого дома мертвый. За этим стояло желание несчастных людей сохранить жилье и имущество.

Моровая язва гуляла по городу, иногда за день умирало 900 с лишком людей. Комиссия при Сенате была малолюдной, всего-то четыре человека, но и этот скудный ряд стал редеть. Граф Иван Воронцов просто уехал в свою деревню, Скотинин сделал то же самое, сославшись на то, что у него люди заболели и он больше не может посещать заседания. Наступил день, когда Еропкин остался в комиссии вдвоем с Салтыковым. И тут старый главнокомандующий дрогнул. Какой толк от его присутствия в Москве, если он никому и ничем не в силах помочь. Он тоже хотел уехать на свежий воздух, подальше от страшных миазмов. 12 сентября Салтыков написал Екатерине слезное письмо с объяснениями и, не дождавшись ответа, оставил Москву. А уже 15 сентября в старой столице произошел русский бунт, «бессмысленный и беспощадный».

Вот его предыстория. В 1767 году на место умершего митрополита Тимофея был назначен митрополит Амвросий. Тимофей был человеком добрым, во всем москвичам потворствовал, Амвросий же отличался решительным характером. Он решил навести порядок в своей епархии, действуя при этом разумно, но круто. Москва, в основном низшие слои населения, относилась к новому митрополиту настороженно. Белое нищее духовенство тоже почитало себя обиженным.

И вот в разгар болезни некоему фабричному привиделся сон. Ему явилась Богородица и объявила: «Так как тридцать лет у ее образа никто не только не отпел молебна, но и свечи не поставил, то за это Христос хотел наслать на Москву каменный дождь, но Она упросила заменить каменный дождь трехмесячным мором». Потом писали, что поп церкви Всех Святых, что на Кулишах, сам вместе с фабричным сочинил это чудо, но не это важно. А важно то, что у Варварских ворот у образа Боголюбской Богоматери начались бесперывные

молебны и всенощные. Икона находилась высоко, чтобы до нее добраться поставили лестницу и зажгли восковые свечи. Тут же соорудили аналой и поставили кованые сундуки для сбора денег «на всемирную свечу». Народ повалил к Варварским воротом сплошным потоком. Больные мешались со здоровыми, все бросали деньги в сундук, потом по лестнице поднимались к иконе и прикладывались к светлому образу. Вот где чуме было раздолье!

Понятно, что и Еропкин, и Амвросий пришли в ужас. Митрополит решил немедленно прекратить «сие позорище». Первой мыслью было увести от ворот священников, чтобы разобраться с их самочинством в консистории, потому что явление Богородицы они выдумали, а от молебнов имеют себе большой прибыток. Икону надобно перенести (из-за лестницы там не пройти, не проехать), а сундуки с деньгами отдать в воспитательный дом. Но священники категорически отказались идти в консисторию. Тогда решено было сундуки с деньгами опечатать консисторской печатью, дабы их не расхитили фабричные. Последнее распоряжение и привело к бунту. Нервы у людей были напряжены до предела.

15 сентября разнесся по городу набатный бой. Обер-полицейскому Бахметеву сообщили, что у Варварских ворот собралось великое множество народа и большая их часть вооружена дубьем. Набат прозвучал потому, что шестеро солдат с архиерейским подьячим пришли «для вынуждения из ящиков денег», а караул, стоящий у сундуков, эти деньги стал не давать. Началась драка. Бахметев бросился за подмогой на Стоженку, где жил Еропкин. Дорогу ему пересекла огромная толпа, во главе которой бежал человек в «синем балахоне» и вопил: «Ребята, поспешайте постоять за Мать Пресвятую Богородицу и не допустите ограбить Божию Матерь». Каким-то чудом Бахметеву удалось схватить «синий

балахон» и посадить его в будку. Но встреча с Еропкиным никак не обнадежила обер-полицмейстера.

— Делайте, что считаете нужным, — сказал Еропкин. — Я вам ничем помочь не могу. Людей у меня нет.

Бахметев поехал назад к схваченному «синему балахону», но увидел, что будка пуста, пойманного горлопана и след простыл, а на земле лежат изувеченные тела стражников. Еропкин, губернатор Юшков и обер-полицейский стали собирать силы, а между тем огромная толпа уже ворвалась в Кремль, в Чудов монастырь. Искали митрополита Амвросия, не нашли, а потому все пограбили, изломали, исковеркали, ворвались в винный погреб купца Птицына, началась повальная пьянка.

Амвросия успели предупредить, что к Кремлю движется толпа, и он успел укрыться в Донском монастыре. Но какова была злоба на митрополита, если кто-то узнал и донес разбушевавшейся толпе о месте его пребывания! Митрополит понимал всю меру опасности и потому попросил у Еропкина документ, по которому бы его выпустили из города. Еропкин тут же послал к Амвросию офицера конной гвардии. Офицер сказал, чтобы митрополит переоделся в партикулярное платье, и договорился, что будет ждать его в конце сада князя Трубецкого, а оттуда проводит в село Хорошево к в Воскресенский монастырь. Амвросий уже шел к кибитке, когда услышал яростные крики, брань, тяжелые удары, словно бревнами колотили, — разъяренная толпа ломала монастырские ворота. Он опоздал.

Митрополит понимал, что его ждет смерть, но решил отодвинуть этот миг, а может, еще надеялся на спасение. Он пошел в большой храм, приобщился и, когда толпа ворвалась в церковь, спрятался на хорах, сзади иконостаса. Но обезумевший народ нашел его, священника выволокли

из церкви и стали бить. «Били в восемь колев целые два часа, так что, по словам очевидца, ни виду, ни подобия не осталось». Вот какие ужасы случаются на Руси! Произошло это 16 сентября 1771 года.

Еропкин понимал, что бунт сам собой не кончится, а потому стал собирать отряд для отражения будущих нападений. Военной силы в Москве был только Великолуцкий полк — 350 солдат, из которых 300 стояли в оцеплении в 30 километрах от Москвы. К остаткам войска присоединили гвардейцев, приехавших из Петербурга, собралось все-то 130 человек. И с этим немногочисленным отрядом Еропкин двинулся в Кремль, чтобы выкурить оттуда мятежников. Вошли через Боровицкие ворота, в солдат сразу полетели камни. Вначале народ увещевали, это не помогало. У солдат были две пушки, это решило дело. Много народу перебили, не менее ста человек погибло, 249 были взяты в плен, остальные бунтовщики разбежались. Сам Еропкин, избитый камнями и раненный, — словом, еле живой, слег в постель.

Но уже на следующий день огромная толпа осадила Спасские ворота. Народ требовал освобождения захваченных накануне людей, уничтожение карантинных, увольнения от работы лекарей — «разумные» требования в чумном городе, что и говорить. По счастью, уведомленный о бунте Салтыков успел собрать воедино Великолуцкий полк и привел его в Москву. 300 солдат заняли Красную площадь, призывая народ разойтись. «В противном случае все перебиты будете!» — кричал народу Бахметев. На этот раз толпа послушалась, и вскоре площадь опустела.

Можно представить настроение Екатерины, когда она узнала о происшедшем в Москве. Это была словно малая репетиция тех страшных событий, которые произойдут на востоке России, и имя этим событиям — Пугачев.

Уже 21 сентября вышел манифест об отправлении в Москву графа Григория Орлова. Императрица обращалась к народу: «Видя прежалостное состояние народа города Москвы и что великое число народа мрет от прилипчивой болезни, мы б сами поспешно туда прибыть за долг звания нашего почли, если б сей наш поход по теперешним военным обстоятельствам самым делом за собой не повлек знатного расстройства в важных делах империи нашей. И тако, не могши делить опасности обывателей, заблагорассудили мы туда отправить особу, от нас поверенную, с властью такой, чтоб по усмотрению на месте нужда и надобности мог сделать все те распоряжения к спасению жизни и к достаточному прокормлению жизни». Далее шло перечисление все регалий графа Орлова — генерал-фельдцейхмейстер и генерал-адъютант, перечисление его полномочий и приказ к беспрекословному подчинению, поскольку посланный едет прекратить «погибель рода человеческого». Манифестом императрица говорила и двору своему, и чумному городу, что понимает великую важность происходящего, не может поехать в Москву сама, но зато посылает в старую столицу, может быть, не самого яркого полководца или начальника, но зато самого дорогого для нее человека. Смотрите, чем она жертвует, чума ведь может унести каждого.

Надо отдать должное Григорию Орлову. Он ни минуты не усомнился в том, что должен ехать в Москву, более того, он принял назначение с энтузиазмом. Ему давно наскучило быть не у дел при дворе. Он был солдат и отчаянной смелости человек. Шла война, и уж он сумел бы показать себя на поле брани, но императрица не отпускала его от себя. А тут вот выпал случай развернуться в полную силу. В Петербурге все еще остерегались произносить слова «чума», хоть и гибло в Москве великое множество народа и пока конца этому не

было. Перед отъездом Орлов сказал лорду Каткарту, английскому посланнику: «Все равно, чума или не чума, во всяком случае завтра я выезжаю; я давно с нетерпением ждал случая оказать значительную услугу императрице и отечеству; эти случаи редко выпадают на долю частных лиц и никогда не обходятся без риска; надеюсь, что в настоящую минуту я нашел такой случай, и никакая опасность не заставит меня от него отказаться».

28 сентября Орлов был уже в Москве, его сопровождала свита и воинские части. Сразу по приезде было дано много разумных распоряжений, но главным в деятельности Орлова было, как сейчас говорят, «волевое решение». Необходимо было навести в городе порядок и дисциплину, а для этого следовало найти и примерно наказать зачинщиков бунта. Для разбора дела бунтовщиков была создана следственная комиссия из духовных и светских лиц.

Еропкин до приезда Орлова много успел сделать, он тоже приказывал не промышлять воровством в чумных домах и сжигать их немедленно, но это не всегда исполнялось. А ведь было около трех тысяч таких домов, где вся семья вымерла и дверь нараспашку, заходи, кто хочет. Теперь по всей Москве пылали очистительные пожары.

Еще в Петербурге Орлов говорил, что главная беда чумного города — это панический страх перед болезнью. В Москве он вел себя совершенно бесстрашно: вовсе не прятался от чумы, по городу, храмам и лазаретам ходил открыто, с людьми разговаривал без надрыва, спокойно и вежливо, но в распоряжениях его чувствовалась твердость. Измученные люди поняли, что приказы его надо исполнять неукоснительно, что наконец-то будет наведен порядок.

Свой дворец на Вознесенской улице Орлов отдал под лазарет. Всем, кто работал по борьбе с чумой, он увеличил

жалование, лекарям — втрое. Для детей-сирот, потерявших в чуму родителей, был учрежден приют под ведомством вице-президента Мануфактур-коллегии Сукина. Орлов приказал покупать у ремесленников их изделия, чтобы у тех были деньги на пропитание, а безработным также придумал работу — исправлять Тульскую, Коломенскую, и Калужскую дороги, рыть канал для подпитки реки Неглинки, — главное, чтоб люди еще и от голода не помирали.

Москва сильно опустела, некому было наводить порядок и убирать трупы. Орлов предложил набирать в мортусы из всех каторжан, брать и убийц, и уголовников, этим людям за их страшный труд была обещана свобода. Он также объявил, что если люди крепостного состояния пойдут работать в лазареты, карантин и прочие «заразительные работы», то они получают вольную. И что ж, нашлись такие люди.

Следственная комиссия предоставила Сенату свои материалы. Народу было арестовано много, были найдены и убийцы митрополита Амвросия, но зачинщики смуты, те, с которых все началось, обнаружены не были. А ведь перед бунтом по Москве был пущен слух: мол, как ударят в набатный колокол, бросай все и беги к Кремлю. Народ и побежал. На следствии арестованные как один говорили, что уж и не упомнят, кто ему про этот набат говорил.

На заседании Сената 4 ноября сенаторы требовали продолжать следствие, но Орлов их не поддержал. «Хотя по справедливости должно стараться в отыскании истины и доходить до самого источника» — так начал он свою речь, — но поскольку в Москве приключилась беда, «от коей род человеческий подвергается гибели, нет ни времени, ни способов достигнуть сего». А окончил он увещанием: «...но как всегда лучше виновного облегчить от наказания, нежели наказать невинного, то не соблаговолит ли собрание

сей суд производить и виновных осуждать единственно уже по имеющимся в деле окрестностям (обстоятельствам) и доказательствам». Сенат согласился с Орловым, а куда ему было деваться?

В результате убийцы митрополита Амвросия были повешены на месте преступления, то есть у ворот Донского монастыря. На Красной площади были повешены еще двое бунтовщиков — по жребию, то есть выбор шел из группы осужденных. Шестьдесят человек были биты кнутом и с вырванными ноздрями отправлены на каторгу.

Чума шла на убыль. Тут и холода подоспели. Сохранилось донесение Орлова в Петербург, сделанное в разгар чумы, в котором он очень точно определяет пороки старой столицы и дает совет, как их исправить. «Весьма полезно, — пишет он, — если б большие фабриканты добровольно согласились перенести фабрики в уездные города, ибо Москва отнюдь не способна для фабрик». Очень дельное замечание, этот вопрос не решен до сих пор. «Попов надо стараться завести в Москве получше, а чтоб иметь получше, надо содержание им дать побольше». Об этом и покойный митрополит старался. Многодетные, неграмотные нищие священники и способствовали возникновению в Москве страшного бунта. «Также московские военные гвардейские команды, отставные гарнизоны до того развратны, что способу поправить их не будет, разве перевести их совсем» — в смысле разогнать и взять новых, потому что за порядком не смотрят, все торгуют, дисциплины никакой. Как-то удивительно современно звучит это письмо императрице, написанное 250 лет назад.

25 ноября Григорий Орлов вернулся в Петербург и был встречен как герой. По нормам инфекционного времени перед въездом в столицу он должен был задержаться в Торжке в карантине, но Екатерина отменила это правило.

Она даже выслала за Орловым экипаж, чтобы не было лишней задержки в пути, ей хотелось поскорее обнять своего милого. На этот раз она им искренне гордилась.

В честь освобождения Орловым Москвы от чумы на Монетном дворе была отлита памятная медаль, на которой Орлов был изображен рядом с Курцием. Напомню читателю старую легенду, я сама ее обновила для себя, заглянув в энциклопедию. Римский юноша Курций в 326 году до н. э. совершил подвиг. В середине Форума вдруг появилась трещина неизмеримой глубины, которую невозможно было заполнить. Прорицатель сказал, что город в величайшей опасности, трещина должна быть заполнена лишь «лучшим благом Рима». Тогда Курций со словами: «Нет лучшего блага в Риме, как оружие и храбрость!» — в полном вооружении сел на коня и бросился в трещину, которая за ним сомкнулась. Медаль украшала надпись: «И таковых сынов Россия имеет». Первоначально слово «сынов» было отлито в единственном числе — «такового сына», но Орлов по скромности попросил императрицу перечеканить медаль. Мол, «таковых сынов» у России много. На радостях Екатерина заложила на берегу Невы Мраморный дворец, он был объявлен «Зданием благодарности» и предназначался в дар Григорию Орлову, но он там никогда не жил.

Война с турками шла к завершению. Екатерина несколько остыла от своих «воздушных замков» и теперь стремилась к заключению мира. В это время и развернулась при дворе интрига — очередная борьба за власть. Во главу угла встали отношения фаворита и Никиты Ивановича Панина. Орлов в роли победителя очень мешал Панину, это касалось и внешней политики, и дел внутренних, особенно внутренних.

На дворе был 1772 год, наследник Павел достигал совершеннолетия. Панин все еще лелеял мысль, что если

Екатерина не отдаст трон сыну, то хотя бы сделает его соправителем. Наверное, Панин рассчитывал на какую-то личную выгоду, но главным было другое — он искренне любил своего воспитанника и считал, что допуск Павла к трону не только справедлив, но и полезен Отечеству. И для Панина это были не пустые слова. А здесь Орлов все время путается под ногами и не отходит от императрицы. А за Григорием Орловым стоят братья, а за братьями стоит гвардия — капризная и обидчивая. Мало ли что она выкинет в случае неудовольствия. Услать бы любимчика Орлова куда-нибудь подальше, смотришь, и замену ему можно будет найти.

Итак, императрица хотела мира, мира хотел и главнокомандующий Румянцев, он жаловался на нехватку солдат, отсутствие пополнения, плохое снабжение, лошадей мало, фуража нет, ну, как обычно, хоть и воевали успешно, но устали люди. Австрия тоже успела повоевать, потерпела поражение, замирилась с турками. Те дали при замирении большую субсидию, а потому надеялись, что Австрия начнет войну с Россией, то есть со своими фактическими союзниками. Англия грозила России войной в случае, если мы не откажемся от Очакова. Сами турки тянули время. Они не были доведены войной до крайности, а потому не торопились с замирением.

России нужен был мир на выгодных условиях. Мы согласны были вернуть туркам уже завоеванную нами Валахию и Молдавию, но требовали свободного плавания и торговли по Черному морю, денежной компенсации, уступку города Азова с уездами. Камнем преткновения было наше условие: «Чтоб все татарские орды, обитающие на Крымском полуострове и вне его признаны были вольным и независимыми». Сами «крымские орды» на этом не настаивали, но кто их слушал. У Екатерины были свои виды на Крым.

Неизвестно, кем была выдвинута идея направить Григория Орлова для мирных переговоров с турками. Не исключено, что к этому приложил руку сам Панин. Долго договаривались, где проводить мирный конгресс — Бухарест не подходит, там будет слишком много интриг, против Измаила выступали турки, там, вишь, слишком сыро и комаров много. Остановились на маленьком городке Фокшаны. Заседание наметили на июнь 1772 года. Уполномоченными с русской стороны были граф Г.Г. Орлов и освобожденный из стамбульского плена А.М. Обрезков.

Вооруженный инструкцией Екатерины Орлов выехал из Царского Села 25 апреля 1772 года и направился с посольством на юг. Он ехал полный надежд. Успехи брата Алексея вдохновляли на смелые поступки. Пусть он не воевал на поле брани, не скакал впереди полка, но дипломатия не менее важная вещь на войне. После успеха в Москве в чумной баталии он надеялся и в Фокшанах одержать победу.

Орлов прибыл в Яссы, где размещался главный штаб русской армии и стал ждать развития событий. Вскоре его энтузиазм несколько поугас. Прошел май, наступил июнь, а турецкие послы все еще находились в Стамбуле — ждали изменения обстоятельств в свою пользу. Не дождались, и в конце июля прибыли в Фокшаны. С ними приехали представители Австрии и Пруссии. Орлов сразу заявил, что хотел бы вести переговоры без этих двух государств, посредники ему не нужны. Его заявление попросту не было услышано.

С турецкой стороны выступали Осман-эфенди и Язенджи-заде. Переговоры шли туго. Как и предполагалось, самым трудным был вопрос о Крыме. «Независимость татар по нашему закону вещь непозволительная, — твердили турки. — Мы имеем приказание кончить этот вопрос деньгами». Орлов продолжал настаивать на своем, помня инструкцию

*Великая княгиня Екатерина Алексеевна.
Неизвестный художник*

*Император Петр III.
Художник Ф.С. Рокотов*

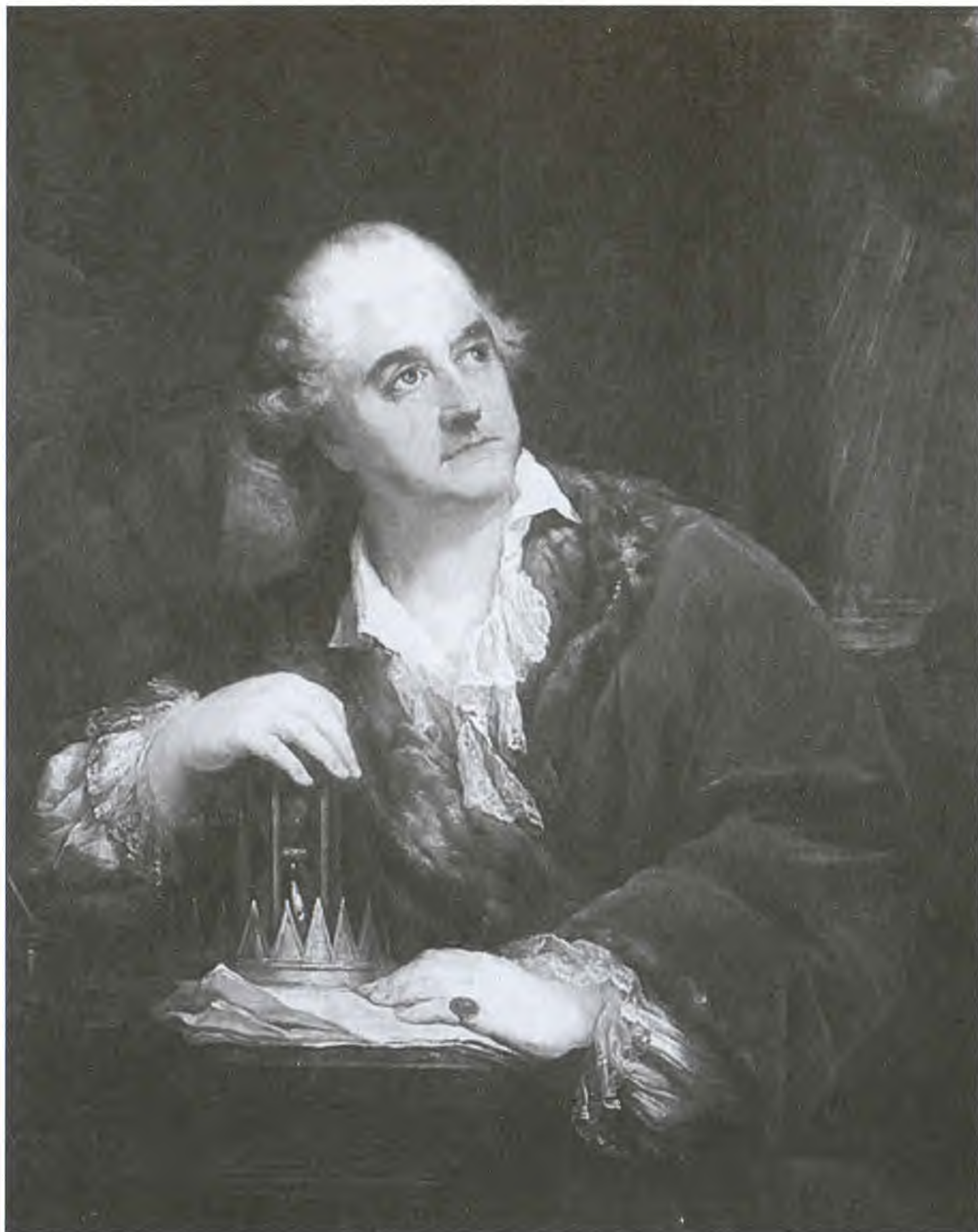

С.В. Салтыков принадлежал к одной из самых старых и знатных семей России. Портрет неизвестного художника

*Павел I. Портрет неизвестного художника.
Некоторые считали отцом императора не Петра III,
а С.В. Салтыкова*

*Станислав Понятовский — романтический герой.
Художник М. Баччарелли*

*Г.Г. Орлов — красавец, дуэлянт, масон и любимец дам.
Художник К.-Л.-И. Христинек*

*Алексей Орлов не ходил в любовниках Екатерины,
он вместе с братом посадил ее на трон.
Художник К.-Л.-И. Христинек*

*П.В. Завадовский. Если бы в XVIII веке
уже придумали слово «интеллигент», то оно вполне было бы
по размеру этому человеку.
Портрет неизвестного художника*

*А.Д. Завадский. Сама Екатерина пишет о нем,
что никого не любила так, как этого молодого человека.
Гравюра XVIII в.*

*Генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин
во главе Кавалергардского отряда. Художник М.М. Иванов*

*Генерал-фельдмаршал князь Г.А. Потемкин-Таврический.
Портрет неизвестного художника*

*Императрица Екатерина II.
Художник П.С. Дрождин*

*А.М. Дмитриев-Мамонов. Этот фаворит от всех прочих
отличается тем, что сам по доброй воле бросил
сомнительную дворцовую должность.
Художник М. Шибанов*

*П.А. Зубов. «Цыганенок», как звала его Екатерина.
С картины И.Б. Лампи-старшего*

*Юный граф Алексей Григорьевич Бобринский.
Сын Екатерины II и графа Г.Г. Орлова.
Художник К.-Л.-И. Христинек*

*Елизавета Григорьевна Темкина, дочь Екатерины II и Г.А. Потемкина.
Художник В.Л. Боровиковский*

*Екатерина II.
Художник В.Л. Боровиковский*

Екатерины. Прусский министр не мешал переговорам, австрийский же только и делал, что вставлял палки в колеса — он был на стороне Турции.

Надо еще учесть, что Румянцев и Григорий Орлов принадлежали, как говорили при дворе, к разным партиям. Орлов-Чесменский и Румянцев-Задунайский никак не могли поделить общую победу. Алексей Орлов неоднократно упрекал Румянцева в медлительности, нерешительности, а Румянцев невзлюбил победителя при Чесме уже за то, что он был братом фаворита. А уж сам Григорий Орлов был для Румянцева человек «случайный», как бы пустое место. Откуда-то возникла устойчивая легенда, что Орлов ехал в Фокшаны, чтобы оттеснить Румянцева, встать самому во главе армии и двинуться на Стамбул, то бишь Константинополь. Во всяком случае, Румянцев в эту легенду верил, а потому боялся Орлова и никак не помогал ему в мирных переговорах.

Две конференции прошли в пустых разговорах, дело ни на йоту не сдвинулось с мертвой точки. Орлов написал в Петербург, прося указаний. Никакого ответа. Тогда он прервал переговоры и уехал в Яссы, дабы ждать там дальнейших распоряжений. Горячий был человек, что и говорить, а дипломатия — вещь деликатная.

3 сентября пришло письмо от императрицы: «Ее величество одобряет решение Орлова и оставляет на его волю, если он еще в армии находится, продолжить вверенную ему негоцию по ее возобновлению и употребить себя, между тем, по его званию в армии под предводительством маршала Румянцева». В этом письме угадывается почерк Панина, он был горячим сторонником Румянцева. Но Орлов не продолжил «вверенную ему негоцию», он вдруг все бросил и уже 21 августа поскакал в Петербург.

Все исследователи в один голос пишут (и я с ними согласна), что главным побуждением к столь странному поступку были дошедшие сведения, что императрица в его отсутствие, а оно длилось почти четыре месяца, «перенесла свое расположение на другой предмет». Во дворце рядом с государыней словно ниоткуда появился конногвардейский поручик Васильчиков. Это был серьезный удар, который, с точки зрения Орлова, ни с турками, ни со всей этой дипломатической возней не шел ни в какое сравнение.

Панин писал Обрезкову, который теперь один должен был присутствовать на очередном конгрессе с турками: «Сердечно сожалею, мой любезный друг, о настоящем вашем положении, видя из последних донесений ваших, что новозародившееся бешенство и колобродство первого товарища вашего (читай — Орлова) испортили все дело». Далее он уверяет Обрезкова, что императрица относится к нему по-прежнему хорошо и все понимает, а сам Панин надеется, «что вам не будет больше нужды его (Орлова) мечтательные мысли столь уважать, как прежде, ибо его случай совсем миновался». Были, были «мечтательные мысли» — это воздушные замки Екатерины о спасении христианского мира с помощью русского оружия. Орлов всегда был рупором императрицы, и защищал эти идеи со всем страстностью, недаром в каком-то разговоре Орлов грозил Румянцеву виселицей, да ведь чего не выкрикнешь в запальчивости! А здесь и мысли предала, и со двора выгнала.

И не будем забывать, что «колобродство» было подстроено, а бешенство организовано — слова Панина отдают чистым иезуитством. Бытует мнение, что Панин способствовал возвышению нового фаворита, чуть ли не за ручку привел под очи императрицы красавчика Васильчикова. Но такое поведение совсем не в духе сибарита и умницы Панина.

Другое дело, Васильчиков в роли «припадочного человека» был не только не опасен, но мог стать полезен, и Панин, как говорится, «держал руку» нового фаворита. Главное, что фавор Григория Орлова ушел за горизонт.

Хорошо, Орлов уже не мальчик, 38 лет, он не должен вести себя как получивший отставку подросток. Но и для зрелого мужчины его поступок объясним. Он более десяти лет состоял, как теперь говорят, в гражданском браке с женщиной, которая его предала. А он любил эту женщину.

Мирные переговоры с турками были отложены, война продолжалась. Надо отдать должное Екатерине, она не взвалила за это вину на плечи бывшего возлюбленного, но видеть его не пожелала. На подступах к Царскому Селу Орлова встретил курьер с письмом от государыни. Как мы видим, его приезда ждали. «Вам нужно выдержать карантин, — писала Екатерина, — я предлагаю выбрать для временного проживания ваш замок Гатчину». После чумной Москвы карантин не понадобился, а после Фокшан, откуда чума давно ушла, он был необходим.

Что делать — поехал в Гатчину, чтобы глушить тоску пьянством и писать письма Екатерине, умоляя о встрече. В этом ему было отказано. На этот раз хандра Орлова была особенной тяжелой и затяжной. Братья опасались за его раскусок. Иван Орлов, старший из братьев, рискнул написать императрице письмо. Она ответила вежливо, по-деловому, заверила, что все Орловы будут у нее по-прежнему в чести, а что касается Григория, вот ее слова: «Когда люди, кои имеют духа бодрого в трудном положении, тогда ищут они оного облегчить; я чистосердечно скажу, что ничего для меня труднее нету, как видеть людей, кои страждут от печали». Ну не имел Орлов «духа бодрого в трудном положении»! Сама Екатерина имела совсем другой характер и предложила

вполне понятное ей самой утешение: «Я повидалась входить в состояние людей; наипаче я за долг почитаю входить в состояние таковых людей, коим много имею благодарности, и для того со всей искренностью я здесь скажу, что я думаю, дабы вывести по состоянию дело обоюдно участвующих из душевного беспокойства и возвратить им состояние сноснейшее».

«Сноснейшее» состояние, с точки зрения Екатерины, можно было обрести с помощью новых льгот, то есть подарков. Она буквально задарила Григория Орлова и его братьев. Бывшему «гражданскому мужу» сверх его обычного ежегодного содержания в 150 000 рублей назначалась еще добавка в 10 000 рублей для строительства нового дома. Он может поселиться в Москве, и вообще где только пожелает, главное, чтоб он не просил о свидании в течение года, ему разрешалось жить в любом из подмосковных дворцов Екатерины, пользоваться ее каретами и прислугой. Конечно, в число подарков входили и «душки», их никогда не бывает в достатке. Что еще? Сервизы, конечно. Серебряный сервиз — праздничный, потом второй — на каждый день.

Жадность и скарденность никогда не были присущи Орлову. Он потерял любовь и уважение государыни, а значит, саму жизнь. А теперь вывернем все наизнанку. Помните книгу Вересаева о Пушкине? — Цитатник, где каждая последующая цитата опровергает предыдущую. Я понимаю, смешно ставить Орлова рядом с Пушкиным, но жизнь и гения, и фаворита, и самого скромного человека полна противоречий.

В книге К. Валишевского «Роман одной императрицы» читаю следующее: «В начале своего царствования Екатерина пострадала от своей неосторожности, которая ей стоила

больших неприятностей. В 1762 году офицер по имени Хвостов, уполномоченный составить инвентарь гардероба покойной императрицы Елизаветы, был арестован под подозрением в расхищении на сумму 200 000 рублей. Видели одну женщину, украшенную драгоценностями, принадлежащими покойной государыне; ее признали за одну из бесчисленных любовниц фаворита Григория Орлова, который, по всей вероятности, делился любовью красавицы с Хвостовым; этот же последний, по донесениям Беранже, французского дипломата, был с некоторых пор в связи с новой царицей, если еще не раньше пользовался ее милостями». Видите, как все переплелось. Как говорится, за что купил, за то и продал. Но насколько можно этому верить?

Тот же Беранже три года спустя, в 1765-м, пишет о Григории Орлове в Париж: «Этот русский открыто нарушает законы любви по отношению к императрице; у него в городе есть любовницы, которые не только не навлекают на себя негодование императрицы за свою угодливость Орлову, но повидимому, пользуются ее расположением. Сенатор Муравьев, накрывший с ним ее жену, едва не сделал скандала, прося развода. Царица умиротворила его, подарив ему земли в Ливонии».

Французский посланник Дюран высказывается об Орлове еще жестче: «Природа сделала его не более, как русским мужиком, таким он и остался до конца. Он развлекается всяким вздором; душа у него такова же, каковы у него вкусы. Любви он отдается так же, как еде, и одинаково удовлетворяется калмычкой или финкой, так и самой хорошенькой придворной дамой. Это прямо бурлак».

Не любили французы Григория Орлова, а между тем англичане относились к нему гораздо лучше. Письма в Париж и Лондон — это всего лишь дипломатические отчеты.

Если ты поладил с Орловым, он уже хорош. А с Францией в те времена у нас были сложные отношения.

Князь Щербатов, автор книги «О повреждении нравов», на фоне всех последующих фаворитов относится к Григорию Орлову вполне терпимо. Граф никому не льстил, не подхалимничал, находил достойных сотрудников, говорил Екатерине «пусть горькую, но правду», не был, как иные, помешан на роскоши, одна беда — без меры любострастен.

Историк Шлоссер в русском переводе: «Некоторая холодность Орлова к императрице за последние годы, поспешность, с которой он в последний раз уехал от нее, не только оскорбившая ее лично, но и долженствовавшая иметь влияние на политику, подавая туркам повод усматривать важность для России предстоящего мира, наконец, обнаружение многих измен — все это, вместе взятое, привело императрицу к тому, чтоб смотреть на Орлова, как на недостойного ее милостей...»

То есть в отсутствие Орлова кто-то «открыл императрице глаза». Но ведь мимолетные любовные связи вполне в духе эпохи, и если они были, то Екатерина наверняка о них знала. Знала и прощала. Отлистайте мой труд назад до письма к госпоже Бельке: «Мои ангелы мира, думаю, находятся теперь лицом к лицу с этими дрянными турецкими бородачами. Григорий Орлов, который без преувеличения самый красивый человек своего времени...» А ведь это писано накануне отъезда Орлова в Фокшаны. Что это? Императрица все еще сохраняла чувства к Орлову или лицемерила сама с собой, деля ложе с Васильчиковым? Тот, кто «открывал глаза» императрице, имел давнюю неприязнь к Орлову. Может быть, он заботился о государственной пользе, но и зависть тут играла не последнюю роль. Высоких сановников можно понять — кто, собственно, он такой, этот Орлов? Почему мы,

князя по крови, скачем рядом с каретой императрицы, а он сидит внутри этой кареты — любимый и обласканный? А почему раньше не «открывали ей глаза»? Да потому, что она не хотела их открывать. Причина их разрыва, по-моему, самая простая — разлюбила, и ничего с этим не поделаешь.

Только в конце декабря Орлов нашел в себе силы оставить Гатчину. Он приехал в Петербург и поселился у брата Ивана, а 25 декабря, на Рождество, явился во дворец и вел себя так, словно ничего не произошло, — со всеми был любезен, шутил, перемолвился парой фраз с императрицей. По свидетельству графа Сольмса (прусский дипломат), они беседовали о картинах, очевидно недавно приобретенных. Орлов держался с Екатериной подчеркнуто почтительно. После бала он принялся делать визиты. Петербург недоумевал.

Видя, что Орлов победил свою хандру, Екатерина нашла ему работу, послала его в Ревель командовать Эстляндской дивизией. Конечно, это была ссылка, но почетная. На Балтийском море действительно было неспокойно. Швеция грозила войной.

Орлов исчез с дворцового ринга. Панин мог торжествовать, а вместе с ним и Павел, понуждаемый своим воспитателем к решительным действиям. Но Екатерина их переиграла. Как никогда нежная и внимательная с сыном, она предложила перенести торжество по поводу совершеннолетия наследника на год — до его женитьбы. Невеста была выбрана при полном согласии — семнадцатилетняя Вильгельмина, принцесса Гессен-Дармштадтская. После крещения она стала Натальей Алексеевной. Павел полюбил жену, но брак был неудачным. Как впоследствии выяснилось, она изменила мужу еще до свадьбы. Два года спустя Наталья Алексеевна умерла родами. Об ее измене Павлу сообщила Екатерина, не пожалела сына.

Но это все потом, а пока Панин действовал. Он не оставил идеи добыть Павлу власть. Есть сведения, что был состряпан заговор против императрицы. Но официальных документов относительно этого заговора нет, есть только мемуарные воспоминания современников.

Для Никиты Ивановича Панина наступили трудные времена. Он победил Орловых, и что с того? По заведенному правилу после женитьбы наследника воспитатель должен от него удалиться, то есть оставить дворец. Любимый секретарь Панина Денис Фонвизин (да, да, наш великий драматург) писал своей сестре Федосье: «Мы в очень плачевном положении. Все интриги и струны настроены, чтоб графа отдалить от великого князя, даже до того, что, под претекстом перестраивать покои во дворце, велено ему опорожнить те, где он жил. Я, грешный, получил повеление перебраться в канцелярский дом, а дела все отвезти в коллегию. Бог знает, где граф будет жить и на какой ноге...»

Панин мог позволить себе жить «на какой угодно ноге». Екатерина завалила его подарками. Он остался на прежней должности — шеф иностранного департамента, при этом он получил чин фельдмаршала, еще, конечно, деньги на постройку дома, и 9000 душ крестьян, большое жалованье, солидный пансион, и, конечно, сервиз, как же без сервиза. Пройдет время, и Панин скрестит шпаги с новым фаворитом, но это будет уже другой Григорий, блестящий политик и человек дела — Потемкин. В этой борьбе Панин проиграет, он подаст в отставку.

Вернемся к Григорию Орлову. В марте 1773 года Екатерина позвала его в Петербург. Во-первых, угроза со стороны Швеции миновала, а во-вторых, угроза со стороны наследника и Панина тоже ушла в песок. 20 мая императрица писала: «Князь Григорий Григорьевич! К удовольствию нашему,

видя, что состояние вашего здоровья поправилось, и желая к пользе империи употребить ваши природные, отменные дарования, ревность и усердие к нам и отечеству, и для того через сие объявляем вам, что наше желание есть, чтоб вы ныне вступили паки в отправление дел наших, вам порученных; впрочем, остаюсь, как всегда, к вам доброжелательная. Екатерина».

В 1772 году, еще до отставки, Екатерина возвела Григория Орлова в княжеское достоинство, теперь она вспомнила этот титул. Кроме того, императрица вернула ему все прежние должности, стало быть, действительно была доброжелательна, хотя последние слова — всего лишь чиновничий этикет.

26 ноября 1773 года в Царском Селе торжественно отмечали день тезоименитства государыни. Екатерина на празднике производила в высшие чины всех, отличившихся в боях морских и сухопутных, придворных лиц награждали орденами. Императрице тоже делали подарки. Подарок графа Орлова затмил всех. Слышали про алмаз «Орлов»? История этого камня фантастична. Именно его сделал главным героем своего романа «Лунный камень» английский романист Уилки Коллинз.

Камень этот оброс легендами. Вот одна из них. Лунный камень — огромный алмаз «неземной красоты» — украшал чело индуистского божества и был похищен солдатом-дезертиром. В Мадрасе солдат продал камень за 2 000 фунтов стерлингов капитану английского корабля. Далее алмаз переходил из рук в руки, и с каждой продажей цена его возрастала. В 1767 году армянский купец Саврос положил алмаз в амстердамский банк, а через пять лет продал его за 125 000 рублей (тогда рубль по отношению к фунтам стерлингов имел очень высокий курс) племяннику своей

жены — ювелиру Ивану Лазареву. У него-то Григорий Орлов и купил камень уже за 400 000 рублей и звание дворянина.

Не было посланника иностранных государств, который не сообщал бы с восторгом об этом алмазе своему государю. Подарок Орлова еще раз подчеркнул величие Екатерины. Конечно, возник шепоток, что экс-фаворит-де хочет вернуть былое величие, но сам Орлов понимал, что прошлое не вернуть. Подарок его был данью счастливым дням, прожитым рядом с Екатериной.

В 1784 году после смерти Орлова Екатерина повелела вставить алмаз в навершие царского скипетра — достойное место для такого камня. Сейчас алмаз «Орлов» хранится в Алмазном фонде Московского Кремля. Красивая история... В начале 1774 года Васильчиков получил отставку, его место занял Потемкин. Надеюсь, что это событие не сильно задело Орлова, он отбыл за границу.

Григорию Григорьевичу Орлову было суждено пережить еще одну любовь — счастливую, трудную и роковую. Его избранницей стала Екатерина Николаевна Зиновьева — фрейлина императрицы. Она была необыкновенно хороша собой, об этом говорит ее портрет работы Рокотова. Как не вспомнить стихи Заболоцкого. Правда, они относятся к другому портрету — Струйской, тоже написанному Рокотовым, но и здесь они очень уместны: «Ее глаза — как два тумана, полуулыбка, полуплач, ее глаза, как два обмана, покрытых мглою неудач». И высокий лоб, брови взлет, стройная шея и черные локоны на плечах.

Екатерина Зиновьева очень помогла Орлову в самое трудное его время, нашла слова утешения и нежности. Но они не могли обвенчаться. Беда была в том, что влюбленные были связаны родственными узами. Отец Екатерины Николаевны — Николай Иванович Зиновьев, бывший

комендант Петербурга, — был родным дядей Орлова. Католическая церковь разрешает браки на двоюродных, православная — ни в какую. И все-таки они обвенчались в 1776 году. Григорию Орлову было 46, Екатерине Николаевне 18 лет.

Что тут началось! Вездесущий князь Щербатов высказал общую точку зрения, припомнив все сплетни и слухи. Не мало не сумляшись, он написал, что Орлов в свое время растлил свою тринадцатилетнюю двоюродную сестру — фрейлину императрицы, а после отставки он вздумал на ней жениться, «но не прикрыл тем порок свой». Началась травля новобрачных. Совет рассудил жестко — развести Орлова с женой и отправить каждого в монастырь. Уже и бумагу соответствующую заготовили. Может быть, этим решением Совет хотел угодить императрице? Но Екатерина рассудила по-своему. Она категорически отказалась подписывать эту бумагу, сказав, что многим обязана Орлову, что желает ему счастья и в довершение всего назначила Екатерину Зиновьеву, в замужестве Орлову, своей статс-дамой.

До нас дошли наивные вирши Екатерины Николаевны, в них она обращается к мужу: «Чего еще душа желает? Чтоб ты всегда мне верен был, чтоб ты жену не разлюбил. Мне всякий край с тобою рай». Молодые уехали в Швейцарию, жили они и в Петербурге, а потом Екатерина Николаевна заболела чахоткой. В XVIII веке плохо умели лечить эту болезнь, но Григорий Григорьевич старался, как мог: мягкий климат Италии, лучшие врачи. Но все было напрасно.

Екатерина Николаевна умерла в Лозанне 16 июня 1781 года. Ей было 23 года. Смерть эта была последней каплей в жизненных перипетиях Орлова — возвышение, падение, потом с трудом обретенное семейное счастье и полный крах. На этот раз он так и не вышел из состояния

глубокой депрессии — рассудок его помутился. Его привезли в Петербург. В ноябре 1781 года Екатерина писала об Орлове в Париж Гримму: «Он кроток и тих, но слаб и мысли у него не вяжутся». Сыну Павлу она писала жестче: «... разум его до того ослаблен, что он не знает, что говорит и делает». И еще: «Уже два дня лежит и находится в ребячестве».

Врачи созвали консилиум. Но что толку? Братья отвезли Григория Григорьевича в Москву. Там он поселился в имении брата Алексея — Нескучном. 10 апреля, чувствуя приближение смерти, он исповедался и причастился, а 13 апреля 1783 года князь Григорий Орлов скончался.

Москва очень торжественно провожала своего героя, все помнили его борьбу со страшным мором. Поэт Майков написал тогда стихи. Фраза «Орловым от беды избавлена Москва» стала крылатой, или как говорят сейчас — культовой. Много знатных и незнатных людей приходили прощаться с князем Орловым. Четыре брата-великана вынесли из дома гроб. Иногда и похороны бывают красивыми. Конногвардейцы (для них Орлов по-прежнему был кумиром) не позволили поставить гроб на траурную погребальную повозку. Они понесли его на плечах до самого места захоронения — в Донской монастырь.

Екатерина искренне скорбела о потере старого друга. Гримму в июле 1783 года она написала: «Смерть Орлова свалила меня в постель». Братьям Орловым она собственноручно написала сразу после похорон. От 19 апреля 1783 года: «Все крайню сожалее о несчастной потере друга моего, плачу о нем обще с вами. Боле писать не могу, понеже горка весьма чувствую всю цену благодарности к нему и к вам». Да, Екатерина умела быть благодарной. Очень ценное качество!

И еще в письме к Гримму: «В нем (Орлове) я теряю друга и общественного человека, которому я бесконечно

обязана и который мне оказал существенные услуги. Меня утешают, и я сама говорю себе все, что можно сказать в подобных случаях, но ответом на все эти доводы служат мои рыдания, и страдаю жестоко с той минуты, как пришло это роковое известие. Гений князя Орлова был очень обширен; в отваге, по-моему, он не имел себе равного. В минуту самую решительную ему приходило в голову именно то, что могло окончательно направить дело в ту сторону, куда он хотел его обратить, и в случае нужды он проявлял силу красноречия, которой никто не мог противостоять, потому что умел колебать умы, а его ум не колебался никогда».

Историки и бытописатели с некоторой насмешкой относятся к подобной оценке Екатерины, вроде бы порядочный человек был фаворит Григорий Орлов, но уж никак не гений и никак не «великий человек», дипломат никакой и в общественной работе себя не показал. Но, как говорится, Екатерине Великой виднее. Она одна знает, как и кем ковалось ее величие. Кто знает, не «попади Орлов в случай», может быть, стал бы великим полководцем. Но вспомним заезженную фразу: история не терпит сослагательного наклонения.

К слову сказать, в этом же 1783 году умер Никита Иванович Панин, которому Екатерина тоже была за многое благодарна, и все-таки она делает выбор в пользу Орлова. Вот что она писала: «Граф же Панин был ленив по природе и обладал искусством придавать этой лености вид благоразумия и расчитанности. Он не был одарен ни такой добротой, ни такой свежестью души, как князь Орлов, но он больше жил между людьми и умел скрывать свои недостатки и свои пороки, а они были у него великие».

Со временем останки Григория Орлова были перевезены в семейную усыпальницу Орловых — село Отрадное Серпу-

ховского уезда. Но и там дух его не обрел покоя. В 1832 году единственная дочь Алексея Орлова — графиня Анна Алексеевна — перенесла останки Григория Григорьевича в Великий Новгород, в Юрьев монастырь, где он был похоронен рядом с братьями Алексеем и Федором.

Историки, по большей части, дают Григорию Орлову негативную оценку. Фаворитов осуждают уже за то, что они ими были, а этот — и вовсе «пирог ни с чем». Дидро, можно сказать, «друг» нашей государыни, пишет: «Граф Орлов, любовник ее, статный, красивый, веселый, развязный малый, любивший вино и охоту, циничный развратник, совершенно чуждый государственным делам...» По-моему, они все слишком серьезны и пристрастны. В судьбе Григория Григорьевича Орлова есть что-то откровенно сказочное. Отец в пятьдесят четыре года женился и родил пять богатырей. Все сыновья в той или иной степени «попали в случай». «Циничный развратник» — вполне в духе времени, но, с другой стороны, «победитель змия». Да, да, победил не на поле брани, когда берешь верх над себе равным, победил и не человека вовсе, а силы зла, исчадия ада, страшную тварь из фильма ужасов — чуму! А этот алмаз! А сама смерть! Сошел с ума от любви, а потом гроб его, словно спящую царевну, несли четверо братьев-богатырей. Меня это впечатляет. Покой праху его...

Алексей Григорьевич Орлов

(1734–1808)

Это уже не сказка. Это совсем другая история, реальная и жесткая. Алексей Орлов не ходил в любовниках Екатерины, он вместе с братом посадил ее на трон, при этом оказал ей такие услуги, которые другой и сделать бы не смог. В отличие от старшего брата, он имел государственный ум, нестигаемую волю, трезвую голову и умение доводить до конца начатое дело. Для него не было препятствий в достижении целей — ни моральных, ни физических. Чистый прагматизм и никаких мук совести, никакой хандры. При этом он имел исполинский рост, был красив, смел, словом, великолепен — настоящий богатырь. И прозвище у него было соответствующее — Меченый. Ему он обязан шраму на левой щеке. Шрам Алексей Орлов получил не на войне, а в драке после трактирной ссоры.

О происхождении этого шрама рассказал Пушкин в своих подготовительных записках к «Капитанской дочке». Братья Орловы «были до 1762 году бедные гвардейские офицеры, известные своей буйною и беспутною жизнью. Народ их знал за силачей — и никто в П.Б. с ними не осмеливался спорить, кроме Шванвича, такого же повесы и силача, как и они. Порознь он бы мог сладить с каждым из них, но вдвоем Орловы брали над ним верх. После многих драк они между собою положили, во избежание напрасных

побоев, следующее правило: один Орлов уступает Шванвичу и, где бы его ни встретил, повинуется ему беспрекословно. Двое же Орловых, встретя Шванвича, берут перед ним перёд, и Шванвич им повинуется. Таковое перемирие не могло долго существовать. Шванвич встретился однажды с Федором Орловым в трактире и, пользуясь своим правом, овладел бильярдом, вином и, с позволения сказать, девками. Он торжествовал, как вдруг, откуда ни возьмись, является тут же Алексей Орлов, и оба брата по силе договора отымают у Шванвича вино, бильярд и девок. Шванвич уже хмельной хотел воспротивиться. Тогда Орловы вытолкали его из дверей. Шванвич в бешенстве стал дожидаться их выхода, притаясь за воротами. Через несколько минут вышел Алексей Орлов, Шванвич обнажил палаш, разрубил ему щеку и ушел; удар пьяной руки не был смертелен. Однако ж Орлов упал. Шванвич долго скрывался, боясь встретиться с Орловыми. Через несколько времени произошел переворот, возведший Екатерину на престол, а Орловых на первую степень государства. Шванвич почитал себя погибшим. Орлов пришел к нему, обнял его и остался с ним приятелем. Сын Шванвича, находившийся в команде Чернышева, имел малодушие пристать к Пугачеву и глупость служить ему со всеусердием. Г.А. Орлов выпросил у государыни смягчение приговора». Как приятно цитировать Пушкина! Конечно, Григорий Орлов, по доброте душевной, похлопотал за Шванвича.

В сборнике биографий кавалергардов об Алексее Орлове, помимо пышных хвалебных фраз, написано, что он согрешил в устранении Петра III, прославил себя Чесмою и опозорил себя Таракановой. На этих трех китах и можно строить его биографию.

О его роди в «устранении» Петра уже написано, не стоит повторяться, расскажу только об истории той самой записки

к Екатерине об убийстве свергнутого императора: «Матушка милосердная государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось; не поверишь верному рабу своему...» Ну, вы помните, она полностью приведена в этой книге. Записка эта была найдена на пятый день после смерти Екатерины. Нашли ее канцлер Безбородко и внук Александр и тут же отдали Павлу. Император прочитал записку и, ни слова не говоря, вернул ее канцлеру.

Записку надлежало вернуть в шкатулку или присоединить к секретным документам, это не суть важно, а важно то, что на пятнадцать минут она попала в руки Ф.В. Ростопчина (будущего градоначальника Москвы в 1812—1814 годах). Трясущимися от волнения руками Ростопчин взял документ — почерк Алексея Орлова, он узнал его, текст фантастический. Ведь сколько лет при дворе сплетничали об убийстве императора. Ростопчин успел снять копию. На следующий день Павел востребовал скандальный документ и сжег его, копию Ростопчин переслал в Лондон нашему послу Семену Романовичу Воронцову. Архив Воронцовых — это собрание важнейших документов, незаменимая помощь историкам.

О Чесменском бое надо написать подробнее, это была действительно славная победа. В 1767 году после смерти фельдмаршала графа Бутурлина Алексей Орлов был назначен вместо него подполковником кавалергардского Преображенского полка (полковником была сама государыня). Это было значительное повышение по карьерной лестнице, но уже в 1769 году Орлов по болезни вынужден был уехать в Италию. Там он и получил приказ Екатерины возглавить русскую военно-морскую экспедицию в Греческий архипелаг. Это было смелое и дерзкое предприятие, русской эскадре во главе с адмиралом Спиридовым надо было пройти длинный путь от Кронштадта до северо-восточной части

Средиземного моря. Франция отнеслась к затее русских крайне отрицательно. Французов интересовал Египет, и им совсем не нужно было близкое присутствие русского флота. От прямого нападения французских кораблей нас спасло вмешательство Англии, которая заявила, что если русскому флоту не дадут войти в Средиземное море, то это расценят в Лондоне как враждебный акт, направленный против Великобритании. У англичан с французами были свои счета.

Но и без враждебных нападений нашей эскадре досталось в этом длинном пути, потрепали морские бури. Из 15 кораблей первой экспедиции до Ливорно дошло только восемь. Задача русской эскадры была напасть на Турцию с юга и тем оттянуть силы турок от главного театра действий на Дунае, где воевала армия Румянцева. Кроме этого, как ранее говорилось, хотели пробудить греков к восстанию против турок на Морейском полуострове. Русские должны были помочь десантом. Восстание это было проиграно, но силы турецкие наши моряки ослабили, под руководством Орлова они попросту сожгли турецкий флот.

Конечно, во главе флота стояли адмиралы Спиридов и Грейг, Орлов был «сухопутным командиром», но для объединения сил, для нанесения главного удара нужны были качества именно Алексея Орлова. Ему было 33 года, рано созрели полководцы в XVIII веке.

Весной 1779 года русская эскадра заняла греческий город Наварин. Во главе турецкого флота стоял капитан-паша Ибрагим Хосамеддин, но это было только формальное командование. Фактически руководил турецким флотом опытный моряк Гассан. Турецкие корабли вошли в пролив между островом Хиос и материком и здесь решили дать бой русским. Турецкий флот значительно превосходил наш по количеству судов и по количеству пушек. У них 1430 ору-

дий, у нас — 820. Орлов писал в отчете Екатерине, что когда увидел турецкий флот во всей его красе, то «ужаснулся» и все-таки решился напасть первым.

Бой начался 24 июня 1770 года, он продолжался около двух часов. Не буду подробно описывать, много там было героического, страшного, русским удалось повредить корабль капитан-паши. Под сокрушительным обстрелом русской артиллерии турецкий флот отступил и укрылся в Чесменской бухте. Турки вовсе не считали бой поражением, они по-прежнему превосходили силы русских.

Орлов решил продолжать баталию. «Наше дело должно быть решительное, чтобы оный флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь, в Архипелаге, не можем, и мы и к дальним победам иметь свободные руки; — и для того, по общему совету, положено и определяется: к наступающей ныне ночи приготовиться» — вот его слова.

Решено было сделать все, чтобы не дать турецкому флоту выйти из бухты, а для этого ударить по ним брандерами — суднами, начиненными горючими и взрывчатыми веществами. Битва началась ночью 25 июня. Как и предсказывал Орлов, все было сделано «не продолжая времени», русские попросту сожгли турецкий флот. У них остался только один корабль «Родос». Он был захвачен русскими моряками и потом вошел в состав русского флота.

По обычаю русского морского кодекса, русские оказали туркам посильную помощь, вылавливали их из воды, перевязывали раны. После выздоровления им была дарована императрицей свобода. Победа при Чесме была очень важна для России, ей радовались так же, как Гангутской битве при Петре Великом. Правда, Ключевский зло усмехается по поводу Чесменской победы: «...турецкий флот оказался еще хуже нашего», но что такое усмешка, как не перец к блюду.

Европа вспомнила, что Россия есть морская держава. После Чесмы русский флот овладел всем Архипелагом и русские суда блокировали Дарданеллы. Пусть ненадолго, но сбылась русская мечта обладать этим проливом.

За Чесменскую победу Алексей Орлов получил орден Святого Георгия I степени, 60 000 рублей «для поправления домашней экономии», шпагу, украшенную алмазами, и серебряный сервиз.

Вот трогательное письмо императрицы: «Граф Алексей Григорьевич. Как скоро услышала я, что у вас пропал перстень с моим портретом в Чесменскую баталию, тотчас заказала сделать другой, который при сем прилагаю, желаю вам носить оный на здоровье. ...Как вы весьма хорошо управляете моим флотом, то посылаю вам компас, вделанный в трость. Прощайте, любезный граф; я желаю вам счастья, и здоровья, и всякого благополучия и прошу Всевышнего, да сохранит он вас целым и невредимым. Впрочем, остаюсь, как всегда, к вам доброжелательна. Екатерина».

Еще надо добавить, что в честь победы при Чесме была выбита медаль с изображением героя, а сам он получил приставку к фамилии и стал прозываться Орлов-Чесменский.

Орлов вернулся на родину, пожил в Москве, в Петербурге, а потом вернулся в Италию. Русская эскадра расположилась в Ливорно. Теперь ему предстояло дело, которое кавалергардский бытописатель назвал «опозорившим его». Можно понять составителя биографии Орлова, жалко эту авантюристку, эту дурочку, которую наша историческая литература назвала княжной Таракановой. Сама она себя никогда так не называла. Тараканова — производное от Дараган, фамилия родственников императрицы Елизаветы, учившихся за границей.

Самозванство — удивительно популярная вещь на Руси. Вспомним астраханского царевича Августа — «сына» Ивана Грозного, царевича Лаврентия — «сына» сына Ивана Грозного, восемь «царевичей» — сыновей царя Федора, они как-то разом появились на Украине, в Москве — лжедмитриев, которых официальных было два, а неофициальных несть числа. «Чудом спасшихся Петров III», кроме Пугачева, тоже было несколько. Так что традиция «сыновей лейтенанта Шмидта» очень давняя.

Правда, вначале своей бурной карьеры наша героиня не называла себя дочерью императрицы Елизаветы. Тогда она звалась в Турции султаншей Али-Эмете, в Венеции графиней Пиннеберг, была она и госпожой Франк, и Шелль... — прервемся, имен было много. Но когда в России запахло жареным, Пугачев осадил Оренбург, а по степи гуляло его бунташное войско, грабя и убивая, она стала наследницей русского трона Елизаветой II и «сестрой Петра III», читай Пугачева, но при этом не знала русского языка и путала братьев Разумовских, называя своим отцом не Алексея, а Кирилла, который никогда не состоял в любовной связи с императрицей.

Тараканова была хороша собой, в меру образованна, свободно говорила по-французски и по-немецки, плохо по-итальянски и по-английски и обладала необычайной энергией. Она всегда жила в долг, неумная ее натура жаждала славы. Подвижная, как ртуть, она моталась по Европе со свитой поклонников, искала влиятельных людей и средств, чтобы помочь «своему брату», уверяя всех, что Пугачев в свою очередь будет ей помогать. Вся история княжны Таракановой окутана такой тайной, шита такими белыми нитками, что о ней трудно рассказать внятно. Одно точно, после первого раздела Польши князь Карл Радзивилл, глава

польских конфедератов, ухватился за идею самозванства и обещал Таракановой поддержку как поляков, так и турок. Сердце княжны жаждало бури, и она ее получила.

Авантюристка имела на руках три подложных документа: завещание Петра I, «тестомент» — завещание Екатерины I о престолонаследии и духовное завещание Елизаветы. Сведения о Таракановой появились в Петербурге в 1773 году. Екатерина бросила невозмутимо: «Нет никакой надобности обращать внимание на эту побродяжку», но это была наигранная невозмутимость. Тут же был написан секретный указ: любым способом доставить тайно «побродяжку» в Петербург. Миссия эта была возложена на графа Алексея Орлова.

Как уже говорилось, Орлов в это время находился в Ливорно и жил очень широко. В его обязанности входило решать все дипломатические и политические дела, деньги из России лились рекой. Гордый недавней победой он заказал итальянскому художнику написать картину Чесменского боя. Тогда об абстракционизме еще не помышляли, а реальный бой на картине требовал реального воспроизведения действия на море. В угоду художнику палили пушки, ломали мачты и рубили такелаж, а потом, чтобы художник понял, наконец, как все было на самом деле, Орлов приказал взорвать еще годный корабль и сжечь все, что от него осталось. Художник понял, что к чему, картина вышла отменная.

И вот в августе 1774 года Орлов получил письмо от той самой особы, о которой ему писала Екатерина. Письмо представляло собой манифест и было подписано Елизавета II. Можно объяснить, на что рассчитывала эта женщина. Месяц назад был заключен с турками Кучук-Кайнарджийский мир, это так, но война с Пугачевым еще продолжалась, и исход ее не был ясен. Кроме того, до Италии дошел слух об опале

Григория Орлова, за этим могла последовать опала всего клана бывшего фаворита. Была надежда, что Алексей Орлов согласится предать Екатерину, а с русским флотом он мог быть очень полезен.

Но Орлову подобное даже в голову не приходило. Он тут же отпрапортовал в Петербург о появления самозванки. В сентябре 1774 года он написал императрице: «Есть ли эдакая в свете или нет (дочь Елизаветы), я не знаю; а если есть и хочет не принадлежащего себе, то я б навязал камень ей на шею и в воду. Сие же письмо при том прилагаю, из которого ясно увидите желание...» И далее все так же жестко, по-деловому, Орлов излагает свой план: он уже послал к самозванке верного человека — переговорить и найти способ привезти ее в Ливорно, а потом заманить на корабль и увезти в Россию.

Письмо самозванки привело Екатерину в ярость. Она тут же ответила Орлову — не медлить, любым способом выманить из Рагузы «сию тварь, столь дерзко на себя всклепавшую имя и природу», а в случае неудачи «то и бомб несколько в город метать можно».

Бомбы не понадобились. Орлов решил действовать по-своему. Операция по доставке самозванки началась. Он познакомился с княжной Таракановой, предложил ей помощь русской эскадры, снял для нее роскошный дом в Пизе, заплатил все долги, окружил ее почетом и принялся играть в любовь. Вот здесь и встает главный вопрос — игра это была или граф Орлов на самом деле влюбился? Сколько на эту тему написано, сколько метров киноплетки истрачено! Каждый из авторов отвечает на этот вопрос по-своему, но сама княжна поверила Орлову безоглядно. Он был красавец почти двухметрового роста, победитель на море и глава русской эскадры — богатырь и рыцарь одновременно.

Дальше все было просто. Как и планировалось, княжну заманили на корабль, там ее с Орловым обручили или обвенчали — не суть важно, потому что обряд вел переодетый в платье священника матрос. После этого княжна была арестована. Она негодовала, звала «мужа», но ей было сказано, что граф Орлов тоже арестован. Зачем? Может, это был акт милосердия, предательство судьбы иной раз легче перенести, чем предательство возлюбленного.

Эскадра под командой адмирала Грейга взяла курс на Кронштадт, Орлов же сошел на сушу. Он предпочел добираться до родины сухопутным путем.

11 мая 1775 года русская эскадра прибыла в Кронштадт, а 25 мая княжна Тараканова и ее спутники — два поляка, Доманский и Чарномский, — были заключены в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Начались допросы, они велись по-французски. Следствие вел князь Голицын, человек мягкий и незлобивый, но его княжне удалость вывести из себя.

Двор в это время находился в Москве, он прибыл туда сразу после казни Пугачева, состоявшейся 10 января 1775 года. Кажется, Екатерине больше ничего не угрожало, и она могла быть милосердной, но не тут-то было. Императрица очень внимательно следила за ходом следствия, курьеры с депешами мотались между двумя столицами, как маятники. Княжна должна была внятно ответить на два основных вопроса: кто она такая и кто надомнил ее замыслить интригу с посягательством на трон русский? Следствие длилось семь месяцев, но ни на один из этих вопросов Тараканова не ответила. Княжна не молчала, она не закрывала рта, придумывая, как Шехерезада, все новые и новые истории: вспоминала детство, которое прошло в Персии... или в Сибири, или в Киле, — она путалась, рассказывала о своем

романе с польским посланником в Париже Огинским, или о князе Лимбургском, который «любил ее страстно и обещал жениться». Искренне уверяла, что она никогда не называла себя дочерью императрицы Елизаветы, все это происки ее врагов, а важные бумаги, при ней найденные, всего лишь копии, подброшенные ей недоброжелателями. Нет, она не претендовала на трон, в Персии она имеет несметные богатства... При этом все опросные листы она подписывала именем Елизавета, чем несказанно раздражала Екатерину.

Голицын был в отчаянии:

— Если вы жили в Персии, то знаете персидский язык. Извольте написать на нем что-нибудь.

Княжна с готовностью написала на листе бумаги непонятные письмена. Голицын призвал ученых мужей из Академии наук, те заявили, что знаки эти никакого отношения к персидскому языку и вообще к какому-либо языку не имеют.

— Что все это значит? — спросил арестованную Голицын.

— Это значит, что у вас в академии сидят неучи, — ответила Тараканова невозмутимо.

Княжна просила об одном — о личной встрече с императрицей и даже писала Екатерине письма. Она все объяснит самой государыне, она может быть полезной России! Ответ Екатерины Голицыну: «Дерзость ее письма ко мне превосходит, кажется, всякого чаяния, и я начинаю думать, что она не в полном уме».

Чахотка появилась у княжны Таракановой еще в Венеции, в крепости она уже кашляла кровью. Здесь же, в Алексеевском равелине, у нее родился ребенок от Алексея Орлова. В декабре 1775 года она скончалась. Вот и вся история.

А что граф Орлов? В декабре 1775 года он приехал в Россию и подал в отставку от всех должностей по болезни. Указ Военной коллегии от 11 декабря 1775 года: «В именном, за подписанием собственной ее императорского величества руки, высочайшем указе, данном Военной коллегии сего декабря 2 дня, изображено: генерал граф Алексей Орлов-Чесменский, изнемогая в силах и здоровье своем, всеподданнейше просил нас о увольнении его от службы. Мы, изъявив ему наше монаршее благоволение за столь важные труды и подвиги его в прошедшей войне, коими он благоугодил нам и прославил отечество, предводя силы морские, всемилостивейшее снисходим и на сие его желание и прошение, увольняя его по оным навсегда от всякой службы. О чем вы, господин генерал-аншеф и кавалер, имеете быть известны». Далее подпись.

Из-за чего Алексей Орлов в 38 лет «изнемог» в богатырском своем здоровье? Какая это была болезнь — физическая или душевная? Что бы мы ни говорили о самозванке, она была яркой личностью. Да и сама смерть ее создала ей мученический ореол.

После отставки Алексей Орлов большей частью жил в Москве, в Нескучном, иногда уезжал за границу. Он был независим, богат, знатен и очень популярен в обеих столицах. Жил он широко, шумно, имел открытый дом. В 1782 году он женился на юной Авдотье Николаевне Лопухиной. Екатерина этот брак одобрила и откликнулась самым теплым письмом. Через три года у графа родилась дочь Анна. Через год после рождения дочери Авдотья Николаевна умерла. Алексей Григорьевич был очень хорошим отцом, она была его отрадой до самой его кончины.

Истинной страстью его также стало коннозаводское дело. Скрестив лошадей разных пород, он вывел тип рысистой

верховой лошади, которая как нельзя лучше подходила для климатических условий России. Орловский рысак — о ней все знают.

В 1787 году началась вторая турецкая война, и императрица вновь призвала Алексея Орлова на службу, чтобы он встал во главе русского флота. Правильнее будет сказать, что она не призвала, а пригласила Орлова, оставив за ним возможность отказаться. Этой возможностью он и воспользовался, как всегда сославшись на болезнь. Кажется, императрица обиделась, но не ухудшила своего отношения к Чесменскому герою. В 1795 году Екатерина вспомнила о старых заслугах Орлова. «... В знак же моего к вам благоволения посылаю вам табакерку. Вся цена ее состоит в изображение того памятника, который славу нашу и знаменитые отечеству заслуги ваши свидетельствуют». Речь идет о колонне в честь победы Орлова при Чесме, поставленной на озере в Царском Селе.

В 1796 году Екатерина скончалась, на трон взошел ее сын Павел. Вот здесь новоиспеченный император вспомнил все грехи Алексея Орлова. Павел решил перезахоронить останки отца, перенес их в Петропавловский собор. По Невскому тянулась длинная процессия, народу — тьма. Алексею Орлову выпало нести корону покойного императора. Кто-то из ближайших сановников в этой процессии чуть сознание от страха не потерял, а Орлов выполнил свою задачу спокойно и с достоинством.

При Александре I Алексей Григорьевич Орлов был опять в чести и при деле. При войне с Наполеоном 1806—1807 годов он был главнокомандующим пятой областью земского войска. Умер граф Орлов в 1808 году в возрасте 71 года. Дочь его Анна, как водится, красавица и умница, замуж не вышла. Всю свою жизнь она посвятила себя церкви, живя в Юрьевом монастыре. Там она и похоронена.

Фавориты

Заслуги Екатерины II во внешней и внутренней политике неоспоримы. Одна из самых образованных правителей Европы, она была работоголиком, «неутомимой труженицей» на троне. Фридрих II с обидой и насмешкой заметил как-то: «Мне сказали, что она работает больше, чем я». У Екатерины были сильная воля, государственный ум, легкий характер и хорошо развитое чувство юмора.

Все это идет со знаком «плюс», но чувствуете, куда я клоню? Есть одна тема, которая раньше деликатно обходилась, а сейчас о ней пишут даже с некоторым упоением. Тема эта — слабости Екатерины, то есть фаворитизм, в котором она, с точки зрения потомков, «перелишила». Н.И. Павленко в своем бытописании императрицы сообщает: «Ни до Екатерины, ни после нее распутство не проявлялось в такой откровенно вызывающей форме». Он даже употребил сильное слово «разврат».

Екатерина Великая не входит в число моих любимых исторических персонажей. Конечно, знакомясь с ней ближе, тут же подпадаешь под ее обаяние, но не об этом речь. Просто у меня к этой императрице совсем другие претензии. Вступление ее на трон ознаменовалось убийством мужа, уход из мира — убийством сына. «Я имела счастье встретить хорошие и истинные принципы, которые способствовали к достижению мной громадного успеха. Я имела и несчастья, которые происходили от ошибок, к которым я была

совершенно непричастна и происшествия, быть может, от неточного исполнения моих желаний» — это ее слова. Она не говорила прямо — «убейте моего мужа» или «убейте Ивана Антоновича», но эти люди ей очень мешали. А рядом были другие люди, которые умели угадывать ее желания. Такие угодники были и при царизме, и при сталинизме, и при «застое», есть они в избытке и в новых временах. О них у нас говорят — бежит впереди паровоза. И уж конечно, Екатерина не имела прямого отношения к убийству сына, которое последовало через четыре года после ее смерти, но оно было сделано руками ее фаворитов, которые загодя мысленно были к этому подготовлены. Неуважительное, пренебрежительное отношение к Павлу ее любовников в течение всех лет ее правления создало особую атмосферу, при которой убийство в Михайловском замке стало возможным. Павел, понятное дело, сумел, как и его отец, настроить против себя гвардию, сановников — общественность, как сейчас говорят. Но характер — это тоже плоды воспитания и отношения к нему маменьки. Недаром в Европе Павла прозвали «русским Гамлетом».

Вообще, все великие почему-то гнобили, а то и убивали своих детей. Тут и Иван Грозный, и Петр I, и Иосиф Сталин, если хотите. Пошевели наш вождь пальцем, и жизнь его плененного сына была бы спасена. А казнь Мировича? При Елизавете существование Ивана Антоновича было ужасным, но он был жив. Зачем Мировича казнили? Ведь всех миловали, ссылали в Сибирь или на Камчатку, а этому голову отрубили. Чтоб молчал, не сболтнул лишнего. И все это Екатерине легко прощается. А вот фаворитов никак не могут простить.

Сколько их было — фаворитов — десять, двадцать, тридцать? Историки сошлись на цифре «двадцать один».

Вот список возлюбленных, составленный Лонгиновым в середине XIX века: князь Г.Г. Орлов (1759—1772), А.С. Васильчиков (сентябрь 1772—лето 1774), князь Г.А. Потемкин (ноябрь 1774—1776), П.В. Завадовский (ноябрь 1776—июль 1777), С.Г. Зорич (июнь 1777—июнь 1778), И.Н. Корсаков (1778—июнь 1779). До 10 октября 1779 года через спальню императрицы прошли Стахийев и Страхов. Время с октября 1779-го по март 1780 года принадлежало В.Я. Левашову и Н.П. Высоцкому. А.Д. Ланской (апрель 1780—июль 1784), где-то в этот же промежуток возник некто Мордвинов. А.П. Ермолов (с февраля 1783—июнь 1789), А.М. Дмитриев-Мамонов (июль 1786—ноябрь 1789), князь П.А. Зубов (июль 1789—ноябрь 1796). Есть еще пара-тройка неведомых имен. Я.Л. Барсков настаивает еще на двух фамилиях — Милорадовича и Миклошевского. Вот такой послужной список!

Были еще наверняка случайные, незафиксированные связи, дурная молва в народе и куча скабрезных анекдотов. Каждый изголялся, сообразуюсь с собственным воображением. А вообще-то свечки никто не держал, а нам из нашего далека кривить губы в праведном негодовании и вовсе не пристало. Развратница, говорят. XXI век, поглядишь в зеркало! Сейчас, в век сексуальной революции, гомосексуализм и лесбиянство стало нормой, развратом называют только педофилию и скотоложество, а там, смотришь, ссылаясь на гуманизм и политкорректность, и это найдут способ оправдать.

Я не феминистка, у меня было «очень ограниченное число мужчин» (при подсчете из пяти пальцев три будут лишними), но я готова защищать в этом вопросе Екатерину. У мужчин повышенный интерес к противоположному полу никогда не считался смертным грехом. Слово «бабник»,

равно как и «пьяница», всегда находил в народе понимание и добрую усмешку. Всем известно, и Андрей Кончаловский, очень уважаемый мной человек, по телевизору популярно объяснил, что генетическая задача мужского пола — сеять семя. Мужики его и сеют, обрастая кучей любовниц и случайных связей. Но если бы этот «посев» сочетался, например, с физической болью, думаю, что урожайность здесь весьма подсократилась. Но нет, на своих «полевых» работах мужчины получают максимум удовольствия (при минимум ответственности). Думаю, что и женщины имеют право на физическое удовольствие.

Фаворитизм не Екатерина выдумала, нравы XVIII века были очень свободны. Если бы на каждую даму во Франции поставили счетчик... В своих любовных утехах Екатерина, по крайней мере, была порядочным человеком — мужей от жен не уводила, в отношениях с любовниками была честна, при расставании голов не рубила, а награждала по-царски.

Так что не о чем говорить, не будь она императрицей. Но Екатерина ею была, а здесь и суд другой. Занимайся любовью сколько хочешь, но не за счет налогоплательщиков! От подарков ее красавцам трещала казна. К. Валишевский дает поименный список в рублях — кто сколько получил за свои услуги. Общая сумма 92 500 000 рублей. По курсу того времени — 400 миллионов франков. Кто вел подсчет расходов государыни? Оказывается, английский посланник Гарри — не поленился, чем-то интересна была ему общая сумма для своих дипломатических дел.

XVIII век был веком фаворитизма, но нигде, ни у нас, ни в Европе (не будем говорить о гаремах), не было искусственно созданного института по подбору кандидатов на царское ложе, не было системы «обработки и транспортировки»

кандидата в фавориты к месту назначения. Ничего похожего не было во времена Григория Орлова.

В 1778 году посланник Корберон пишет в своей депеше: «В делах России замечается нечто вроде междуцарствия, которое происходит в промежуток времени между смещением одного фаворита и воцарением другого. Это событие затмевает все остальные. Оно направляет в сторону и сосредотачивает все интересы; и даже министры, на которых отражается это влияние, приостанавливают свои дела до той минуты, пока окончательный выбор фаворита не приведет их умы в нормальное состояние и не придаст машине обычный ход».

Итак, окружение императрицы отметило, что на каком-то гвардейце императрица задержала свой взор. Государственная машина тут же начинает работать. Госпожа Перекусихина Марья Савишна, любимая камер-фрау и доверенное лицо императрицы, отводила молодого человека к врачу Рожерсону, личному лейб-медику государыни. Если обследуемый получал «добро», его передавали на руки статс-даме Прасковье Брюс или госпоже Протасовой. Валишевский пишет, что о заботах этих дам и «их щепетильных обязанностях мы затрудняемся высказаться более определенно». Все, прошел экзамен на годность. Наверное, потом баня, стрижка. Его ведут в царскую спальню... Теперь он фаворит, у него собственные, великолепно обставленные покои, роскошный стол, свои слуги, портные и парикмахеры, словом, рай, но рай этот огорожен прочной золотой решеткой. Ты, красавец, на должности, поэтому шага ступить не можешь без разрешения императрицы, не имеешь права в одиночку выйти из дворца, тебе нельзя встречаться с товарищами, и вообще ты обязан порвать все старые связи. Ты — собственность государыни.

На следующий день молодой человек в чине флигель-адъютанта ее величества приставлен ко двору. Ровно в десять часов вечера по заведенному порядку Екатерина оставляет общество и направляется в свои покои, фаворит спешит вслед, чтобы потом с замиранием сердца по потайной лестнице проникнуть в ее опочивальню.

Сплетен вокруг жизни императрицы было великое множество, любопытство не утихло и после ее смерти. Вот самая расхожая байка. Истопник в спальне императрицы топил печь, а она все жалуется: зябко мне, зябко. Истопник нашел другой способ обогрева государыни — отсюда и пошла графская фамилия Тепловых. Можно ли верить этому анекдоту? Ведь чистое народное творчество! В этом есть что-то трогательное, как в легенде о названии усадьбы Остафьево: Вяземский провожал Жуковского (может быть, Жуковский Вяземского — не суть важно), и большой сундук никак не влезал в карету. Тогда хозяин в сердцах сказал: «Ах, оставь его!» Чистый Хармс... но народ, гуляя по остафьевскому парку, с удовольствием пересказывает эту легенду.

Каждый к проблемам пола относится по-разному и строит мир в соответствии с собственным видением и вкусом. У меня в далекой молодости произошел смешной разговор. Я читала своему шестилетнему сыну и соседскому мальчику сказку, рядом с вязанием сидела нянька соседского мальчика — суровая, молчаливая старуха. Она вяжет и тоже внимательно слушает историю про избушку лубяную и ледяную. Ледяная у лисы растаяла, и она выгнала зайца из его лубяной — ну что я вам буду пересказывать, все без меня знают эту сказку. Спасителем зайца стал петух, и «стали они вдвоем жить-поживать и добра наживать». Вдруг нянька подняла глаза от вязания, посмотрела на меня испытующе и спросила:

— Нин, неужели они и впрямь «жили»?

Когда до меня дошел смысл вопроса, я опешила. Ведь такое в голову не придет! А вот ведь пришло. Уж если петух и заяц вызвали такой нездоровый интерес, то можно представить, что сочинит обыватель про Екатерину и ее фаворитов. Поэтому в своих рассказах я буду ссылаться только на реальные факты, никаких домыслов.

Некий путешественник попал в Зимний дворец. Осматривая апартаменты царской семьи... Не понимаю, экскурсии там, что ли, водили, но Валишевский пишет об этом очень уверенно. Продолжаю, осматривая дворец, наш вояжер попал в два небольших салона, примыкавшие к спальне. Один салон был украшен драгоценными миниатюрами с изображением самых смелых любовных сцен, а в другом на стенах висело множество мужских портретов — близких Екатерине людей. Другой путешественник, поляк Нимцевич, описывал дома, которые были построены для Екатерины по дороге в Крым в 1787 году: «Спальни императрицы везде были устроены по одинаковому плану; возле ее кровати помещалось громадное зеркальное панно,двигающееся посредством пружины; когда оно поднималось, то за ним показывалась другая кровать — Мамонова». Оставим эти рассказы на совести рассказчиков.

Мне и сейчас хочется попытаться оправдать Екатерину. Вряд ли она сама придумала и осуществила план этого министерства любви. Думаю, что все это было сделано руками угодников, тех, которые заглядывают в глаза, читают в них немой приказ, а потом воротят такое, что и на ум не придет. Устроили ей доверенные люди удобную, романтическую жизнь, и спасибо. А кто сказал, что человек в старости чужд романтики? Под зеркалами с Мамоновым она лежала в возрасте 59 лет. Последний фаворит Платон Зубов был младше ее на 36 лет.

Мне хочется вспомнить историю, о которой пишет Дашкова. Она встретила в Григорию Орловым в Лейдене, случайно. Он уже не был фаворитом, был женат и приехал за границу, чтобы возить больную жену по врачам. В приемной у врача Орлов и столкнулся с Дашковой. Потом Орлов нанес ей визит. Дашкова была этим явно недовольна, но была вынуждена быть вежливой. Первая фраза Орлова была неожиданной:

— Я пришел к вам другом, а не врагом.

Рядом с Дашковой находился ее семнадцатилетний сын. Он окончил с отличием Дублинский университет, получил звание магистра. Дашкова очень гордилась сыном.

«— Судя по мундиру вашего сына, — сказал Орлов, — он еще в кирасирском полку; я путешествую ради здоровья моей жены, состою еще на службе и числюсь командиром кирасирского полка; если желаете, княгиня, я напишу императрице и попрошу ее перевести его в мой полк, вследствие чего он сразу будет повышен на два чина».

Дашкова как могла отказывалась от хлопот Орлова, ссылаясь на то, что уже просила о сыне князя Потемкина — президента Военной коллегии, а он может обидеться, если она прибегнет еще к помощи Орлова. Кроме того, императрица — крестная ее сына, и потому можно надеяться, что она разумно решит его судьбу.

«— Я не понимаю, чем Потемкин здесь мог обидеться, — возразил Орлов и добавил, глядя на ее сына: — Трудно представить себе более красивого юношу, чем князь Дашков».

Эта фраза не только обеспокоила Дашкову, но и напугала. Поскольку произнес ее бывший фаворит, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что он имел в виду.

Та же тема проскользнула и при втором визите к Дашковой Орлова. «Глядя в упор на моего сына, он сказал:

— Я жалею, князь, что меня, вероятно, не будет в Петербурге, когда вы туда приедете. Я убежден, что вы затмите фаворита, а так как с некоторых пор мне вменили в обязанность вести переговоры с отставленными фаворитами и утешать их, я с удовольствием занялся бы этим, если бы он принужден был уступить вам свое место.

Эта странная речь заставила меня жалеть, что сын при ней присутствовал; я поскорее выслала его из комнаты, прежде чем он сам успел ответить... Когда мой сын вышел, я высказала князю мое удивление, что он обращается с подобными словами к семнадцатилетнему мальчику и компрометирует императрицу; причем добавила, что никогда не знала этих фаворитов; если некоторые ее генерал-адъютанты и жили во дворце, то тому виной было доверие к ним императрицы; попросила его никогда не говорить так в моем присутствии и еще менее в присутствии моего сына, которого я воспитываю в самом беспредельном уважении и преданности к своей государыне и крестной матери, надеюсь, что он будет любимцем только хороших людей. Ответ князя, Орлова был в обычном его стиле, и, следовательно, не стоит его повторять».

Я привела эту очень длинную цитату, чтобы поразмыслить над ней. Орлову Дашкова ничего не простила, это ясно, другом его быть не желает и пишет о нем очень недоброжелательно. Поведение Орлова можно объяснить двояко. Первое — он действительно хотел помочь Дашковой и по простоте душевной намекнул ей на самый благоприятный исход дела. Второй вариант — видя, что гордая дама осталась такой же чванливой, как раньше, он решил поддразнить ее и высмеять ее безукоризненные и правильные речи. Есть правда и третий вариант — Дашкова, сама того не ведая, присочинила подробности, сделала свои домыслы реально-

стью. Но в домыслах все и дело. Твердя направо и налево о своей преданности и любви к императрице, воспевая ее ум, способности, образованность, желание нести добро, она все-речь опасается, что Екатерина может сделать собственного крестника, еще, по сути, мальчика, своим любовником. Было от чего прийти в ужас. И надо учесть, что Дашкова не была в России много лет, то есть информация о смене фаворитов у Екатерины приходила к ней из иностранных источников. Вся европейская элита следила за русским двором.

Кто там в это время делил царское ложе? Это где-то 1779—1780 годы. Левашов, наверное, человек незначительный, он быстро потерял свою «должность», о нем и сказать-то нечего. Так что императрица была в поиске, а поставлял ей молодых людей именно Потемкин. Он хотел, чтоб фавориты были под присмотром и зависели от него, так оно надежнее.

Но обошлось. Дашкова с сыном вернулась из заграничного вояжа в 1780 году. Императрица приняла их ласково. Сказала молодому человеку много хороших слов, но на какие-то другие, более близкие отношения даже не намекала.

Многие гвардейцы мечтали попасть в фавориты. Что они думали при этом, не угадаешь. Может быть, говорили они себе, пережду год-два, ублажу старуху, но зато потом буду обеспечен на всю жизнь. Но не исключено, что некоторые искренне влюблялись в императрицу. В наше время юные красавицы выходят замуж за богатых стариков и делают это по любви. Их манят не только блеск денег и жажда безбедной жизни, но и богатство натуры избранника. Харизма его, жизненная сила, власть и ум бывают настолько привлекательны, что вызывают ответное чувство.

Юный красавец князь Кантемир, игрок, кутила и «гуляка праздный», попав во дворец в караул, два раза тайно проникал в покои императрицы. Мысль была: если пойма-

ют за руку, скажу, что ошибся дверью. Две попытки были неудачны, комната Екатерины была пуста, а на третий раз повезло. Он упал на колени перед императрицей и, целуя подол платья, начал лепетать что-то о счастье и страсти. Екатерина вызвала офицера, Кантемира арестовали. Конечно, она пожалела молодого дурака, велела отвезти его к дяде его Чернышеву и наказать, чтобы лучше следил за племянником. А сколько их было, таких случаев, когда «ошибались дверью», мы не знаем.

Она нравилась мужчинам и в молодости, и в старости, потому что была замечательной собеседницей, была остроумна и умела слушать. Но и красота ее, и женственность играли огромную роль. Гримму Екатерина писала: «Уверяю вас, красота ни в коем случае не лишняя, я всегда придавала ей огромное значение, хотя сама никогда не была красавицей». Рюльер пишет о Екатерине в 1762 году: «Ее фигура приятна и благородна; походка гордая. Вся она и ее манеры полны грации, вид у нее царственный. Черты лица говорят о сильном характере. Голова хорошо посажена на высокой шее; соединение этих частей в особенности в профиль и поворот головы — замечательной красоты, что она старается немного дать почувствовать. Лоб широк и открыт; нос с небольшой горбинкой, губы свежие, украшаются зубами. Подбородок немного великоват и имеет вид двойного, без того она бы была полна. Ее волосы каштанового цвета и чрезвычайно красивы; брови темные, глаза карие, прекрасные; отражение света придает им голубоватый оттенок; цвет лица чрезвычайно свежий. Гордость — главный характер ее физиономии. Приятность и доброта, также выраженные в ней, для более проницательного взгляда кажутся только следствием чрезмерного желания нравиться». Это в 33 года, и желание нравиться вполне естественное.

Про нее пишут, что в последние годы у Екатерины не было переднего зуба. Понятное дело, некрасиво, но приятность и доброта остались и в шестьдесят лет! Правда, молодые любовники вряд ли считали это главным достоинством.

При всем при том Екатерина была строга в вопросах нравственности и, как пишет Валишевский, «стыдлива». Сегюр вспоминает, как в карете во время длинного пути императрица попросила его прочитать какое-нибудь стихотворение. Дипломат тут же откликнулся. Стихи были веселые, но несколько легкомысленного содержания. Дамы и кавалеры весело смеялись, а Екатерина нахмурилась и прервала декламацию каким-то вопросом. Ей хотелось сменить тему разговора.

В 1790 году, когда уже прогремела французская революция, Екатерина, беседуя со своим секретарем, сказала: «Эта страна погибла оттого, что там все предались разврату и порокам. Опера Буф развратила всех. Я думаю, что французские гувернантки ваших дочерей все б... Берегите нравы!» Понятно, что императрица говорила это в запальчивости, но при этом любопытно знать, как она оценивала саму себя? Или все это игра? Она сочинила себе внешний образ государыни всероссийской и играла его с упоением, забывая отличать правду от лжи.

Не скажешь, что русское общество ей откровенно подражало, возможностей не было, да зачастую и охоты. Но жизнь двора не была тайной для общества. Раз можно красть наверху, то почему нам нельзя — лозунг и екатерининского времени очень подходит и нам, триста лет спустя. И также если государыня вытворяет с молодыми людьми, что ей хочется, значит, подобное всем позволено.

У русской знати и без гувернанток-француженок было много возможностей заводить любовные связи. Я уж не го-

ворю о собственных крепостных, иные баре целые гаремы себе заводили, но весьма модным было, например, брать на содержание актрис. Про Безбородко, первого министра, известны такие истории, что вслух не расскажешь.

А теперь продолжим наш рассказ о фаворитах Екатерины.

Григорий Александрович Потемкин (1739–1792) и другие

Если б Петр I решил проблему Черного моря, то не исключено, что Санкт-Петербург находился бы на месте Азова. Но при Петре Великом нам пришлось ограничиться морем Балтийским, Черное море вместе с Екатериной нам завоевал и освоил Потемкин. И Крым... ах, кабы не щедрость и глупость Хрущева! Ему казалось, что он просто переложил подарок из одного кармана в другой, а на деле оказалось, что Севастополь — слава русского оружия — находится теперь за кордоном.

Введем читателя сразу в курс дела. Григорию Александровичу Потемкину природа очень щедро отпустила ума и талантов, но вряд ли он смог бы использовать их столь полно, если бы не удача, то самый «случай», который заслужил в XVIII веке и позднее столь много нареканий. Он, конечно, благородный король в колоде фаворитов Екатерины, но этот король полон противоречий. Князь де Линь, фельдмаршал и французский дипломат, пишет о нем: «Показывая вид ленивца, трудился беспрестанно; не имеет стола, кроме колен, другого гребня, кроме своих ногтей; всегда лежит, но не предается сну ни днем, ни ночью; беспокоится прежде наступления опасности и веселится, когда она наступила;

унывает в удовольствиях; несчастлив оттого, что счастлив; нетерпеливо желает и скоро всем наскучивает; философ глубокомысленный, искусный министр, тонкий политик и вместе избалованный девятилетний ребенок; любит Бога, боится сатаны, которого почитает гораздо более и сильнее, чем самого себя; одной рукой крестится, другой приветствует женщин; принимает бесчисленные награждения и тотчас их раздает; лучше любит давать, чем платить долги; чрезвычайно богат, но никогда не имеет денег; говорит о богословии с генералами, а о военных делах с архиереями; по очереди имеет вид восточного сатрапа или любезного придворного века Людовика XIV и вместе изнеженный сибарит. Какая же это магия? Гений, потом и еще гений; природный ум, превосходная память, возвышенность души, коварство без злобы, хитрость без лукавства, счастливая смесь причуд, великая щедрость в раздавании наград, чрезвычайно тонкий дар угадывать то, что он сам не знает, и величайшее познание людей; это настоящий портрет Алкивиада».

Возвышенная эта характеристика стала почти хрестоматийной, де Линя цитируют все, кто пишет о Потемкине. Кстати, объясню, Алкивиад (451—404 до н. э.) — замечательный афинский государственный деятель и полководец, потеряв родителей, он воспитывался в доме великого Перикла, был необычайно талантлив и всюду хотел быть первым. Он герой Пелопонесской войны, на его счету огромное количество побед.

Добавим замечание о Потемкине графа Сегюра, французского посланника в Петербурге: «Везде этот человек был бы замечателен своей странностью. Но за пределами России и без особенных обстоятельств, доставивших ему благоволение Екатерины II, он не только не мог бы приобрести такую огромную известность и достичь до такого

высокого сана, но едва ли дослужился до сколько-нибудь значительного чина. По своей странности и непоследовательности в мыслях он не пошел бы далеко ни на военном, ни на гражданском поприще».

Григорий Александрович Потемкин родился в 1739 году (день неизвестен) в селе Чижово Смоленской губернии в семье малопоместного шляхтича. Отец Александр Васильевич Потемкин воевал на многих войнах, стал инвалидом и в чине майора поселился в собственной деревне. В своем известном романе «Фаворит» Валентин Пикуль очень смачно рассказывает о рождении нашего героя. Вернувшись домой, майор Потемкин быстро спровадил старую жену свою, которую совсем забыл за давностью лет, в монастырь, а сам женился на молоденькой Дарье Васильевне Кондыревой. Ревновал майор красавицу жену страшно, а потому неоднократно стегал ее арапником. Даже когда она была беременна, он ее лупцевал, а после того, как Дарья Васильевна родила сыночка в бане, он чуть не утопил безвинное чадо в омуте, подозревая в отцовстве ребенка кого-то из соседских помещиков.

О детстве и юности Потемкина известно очень мало, но, зная необычайную дотошность Валентина Сергеевича в работе с документами, я думаю, что он что-то раскопал такое-эдакое и о двоеженстве родителя, и об арапнике. Во всяком случае, С.Н. Глинка, писатель и сосед по имению в Смоленской губернии, пишет о Потемкине: «В колыбель вступил он не в стенах дома, а в бане, которую недавно видел, — но ту ли? — не знаю». А вот слова Глинки о Дарье Васильевне: «Мать князя Таврического была образцом в целом околотке, по ее уставам и одевались, и наряжались, и сватались, и пиры снаряжали. Это повелительство перешло и к сыну». Слова Глинки наверняка относятся ко времени,

когда сынок Григорий был уже «в силе», по ним ясно, что сын мать не забывал.

Отец рано умер, именно мать его воспитывала и учила, для чего даже приехала в Москву. Начальные знания мальчик получал в каком-то учебном заведении в Немецкой слободе, а потом, в 1757 году, поступил в университет. Учился он неровно, но был любознателен, читал очень быстро и память имел феноменальную. Вот, например, такой случай. Однажды Костров (переводчик «Илиады») дал ему на изучение огромный труд — несколько частей «Естественной истории» Бюффона. Потемкин через неделю все вернул. Костров спросил: «Что, лень читать?» — «Я все прочел», — весело ответил Потемкин и тут же пересказал самую суть ученого труда, сообщив при этом массу подробностей. В этом же 1757 году его в числе 12 лучших студентов отвезли в Петербург, где он предстал перед императрицей Елизаветой.

Но ученая слава его была недолгой. Учеба надоела Потемкину, и он был отчислен из университета «за нехождение». Молодой человек не очень огорчился, поскольку все еще не мог решить, какую карьеру выбрать — светскую или церковную. Он с детства мечил в архиереи, а на деле записался в рейтеры конной гвардии. При Петре III он получил чин вахмистра.

Во время переворота 1762 года он активного участия не принимал, но был замечен государыней. Во всяком случае, раздавая после «революции» награды направо и налево, Екатерина не забыла двадцатитрехлетнего вахмистра и жаловала ему 400 душ крепостных людей и 10 000 рублей. «Однажды, на параде, счастливый случай привлек на него внимание государыни. Она держала в руках шпагу, а ей понадобился темляк. Потемкин подъезжает к ней и вру-

чает свой; он хочет почтительно удалиться, но его лошадь, приученная к строю, заупрячилась и не захотела отойти от коня государыни; Екатерина заметила это, улыбнулась и между тем обратила внимание на молодого унтер-офицера, который против воли все стоял подле нее; потом заговорила с ним, и он ей понравился своей наружностью, осанкой, ловкостью, ответами. Осведомившись о его имени, государыня пожаловала его офицером и вскоре назначила своим камер-юнкером». Поди ж ты, темляк, все лишь ремень для удержания шпаги на запястье, да норовистая лошадь, а потом фантастическая карьера. Сегюр утверждал, что случай этот рассказал ему сам Потемкин.

История красивая, но не в ней дело. Свою роль сыграла дружба Потемкина со всем кланом Орловых. Сообщая Понятовскому о событиях 1762 года, Екатерина писала: «В конной гвардии двадцатидвухлетний Хитрово и семнадцатилетний унтер-офицер Потемкин направляли все благоразумно, смело и деятельно». Возраст и чин Григория она перепутала, но фамилию назвала точно. Потемкин находился в числе гвардейцев, сопроводивших свергнутого Петра III, а это очень узкий круг. Был он в Ропше и в день смерти императора, но к убийству его прямого отношения не имел. Не имел, но знал, и знание это связало его на всю жизнь с братьями Орловыми и самой императрицей.

В 1762 году Потемкин потерял один глаз. «Доброжелательная молва» тут же предложила истории, одна другую краше. Нет, не удар шпаги дуэлянта и не бильярдный кий тому виной, все гораздо проще. Племянник и биограф Потемкина граф Самойлов рассказал о примочке, назначенной неграмотным знахарем. Примочка была привязана к глазу, она не помогала, а только усиливала боль. Потемкин сорвал повязку и обнаружил некий нарост, который сам попытался

снять булавкой. Так что и знахарь тут ни при чем, сам во всем виноват. Потемкин страшно переживал потерю глаза, затворился от мира, предаваясь хандре, не вставал с постели.

Но императрица вернула его к жизни. В 1763 году она назначает Потемкина обер-прокурором Синода — это по церковной части, а по светской службе Екатерина командировует его в Москву в Комиссию для составления Уложения в качестве опекуна депутатов-иноверцев.

В сентябре 1768 года Потемкин отчислен из конной гвардии, кавалергард не может быть одноглазым, и пожалован камергером. Кажется, все чудесно, делай карьеру при дворе, но Потемкин взмолился: скучно! Отпустите, бога ради, на войну с турками хоть волонтером! И был таков. Он воевал под предводительством Румянцева и Голицына, воевал смело и успешно, отличился при взятии Хотина и в битве при Фокшанах. Весной 1770 года он уже генерал-майор и командир бригады, в которую входили два кирасирских полка. Екатерина издала следила за его карьерой и даже написала Румянцеву, прося дать характеристику нашему герою. Фельдмаршал ответил: «Ваше величество видеть соизволили, сколько участвовал в действиях своими ревностными подвигами генерал-майор Потемкин. Не зная, что есть быть побежденному на дело, он сам искал от доброй своей воли везде употребиться».

Осенью 1770 года Потемкин получил отпуск и отправился в Петербург. Его давно манило место Орлова, и он решил прозондировать почву. Но, увы, кроме как личной переписки государыня его ничем более не удостоила. Но и это много! Кто он такой, чтобы государыня читала его письма и писала на них ответы. Опять война, в 1771 году был взят Крым, а Потемкин получил звание генерал-поручика. Это было повышение.

Переписка его с императрицей продолжалась, и в декабре 1773 года Екатерина вызвала Потемкина в Петербург. Он прилетел немедленно, 1 января 1774 года он уже в столице. На что он рассчитывал? Конечно, на любовь императрицы, но, кроме того, его натура жаждала деятельности, теперь ему было уже мало военных успехов, он хотел сделать карьеру и на ниве штатской. Екатерина тоже думала не только о любви. «Маркиз Пугачев» продолжал бесчинствовать. Бунтарское войско его заняло Казань. Правда, оно находилось там всего один день, но город был разграблен и сожжен. Во главе правительственного войска, воюющего с Пугачевым, стоял граф Панин Петр Иванович, брат Никиты Ивановича, а Панины — это была сильная партия. Братья Орловы тоже внушали опасение, они хотели вернуть себе утраченное влияние. Война с турками продолжалась, что было сейчас крайне нежелательно. Необходимо было заключить мир и перекинуть русские войска для уничтожения Пугачева. А здесь еще неизвестная «побродяжка, выдающая себя за дочь императрицы Елизаветы». Екатерине позарез был нужен рядом смелый, сильный и умный человек, а она уже убедилась, что Потемкин вполне подходит на эту роль.

А что касаясь любви, то и это пришло. Императрица пригласила Потемкина навестить себя, «одинокую вдову», но не во дворце, а на даче Елагина. Свидание состоялось, после чего Потемкин получил чин генерал-адъютанта, стал подполковником лейб-гвардии Преображенского полка и членом Государственного совета. Но не все было так гладко, Потемкин и тут показал свой норов. Этот удивительный человек повел себя с императрицей так, что она была вынуждена перед ним оправдываться. Первые биографы Потемкина имели на руках его письмо, обращенное к Екатерине.

Оно было уничтожено, и даже копии его не осталось, но память о том, что послание это было дерзким, сохранилась. Подтверждением этому служит ответ Екатерины, точная дата ее письма не указана, только год — 1774-й. Очевидно, Потемкина поразила частая смена фаворитов, и Екатерина пишет ему «Чистосердечную исповедь», уж насколько она там чистосердечна, мы не знаем, потому что роман ее с Сергеем Салтыковым она называет вынужденным, навязанным ей Чоглаковой исключительно для рождения наследника. Государство требовало этого романа, а она вроде и ни при чем.

Продолжение истории по «Чистосердечной исповеди»: «По прошествии двух лет Сергея Салтыкова послали посланником, ибо он себя нескромно вел, а Марья Чоглакова у большого дворца уже не была в силах его удержать.

По прошествии года великой скорби приехал нынешний король польский (Понятовский), которого отнюдь не приметили, но добрые люди заставили пустыми подробностями догадаться, что глаза его отменной красоты, хотя так близорук, что далее носа не видит, чаще на одну сторону, чем на другие. Сей был любезен и любил с 1755 до 1761 — то есть от 1758 и старательства князя Григория Григорьевича (Орлова), которого добрые люди заставили приметить, переменили образ мыслей. Сей бы век остался, если б сам не скучал, я сие узнала в самый день его отъезда на конгресс из села Царского и просто сделала заключение, что, о том узнав, уже доверки иметь не могу; мысль, которая жестоко меня мучила и заставила сделать из дешперации (иначе говоря, отчаяния) выбор кое-какой, во время которого и даже до нынешнего месяца я более грустила, нежели сказать могу, и никогда более, как тогда, когда другие люди бывают довольны, и всякие приласкания во мне слезы возбуждали, так

что я думаю, что от рождения своего я столько не плакала, как сии полтора года.

Сначала я думала, что привыкну, но что далее, то хуже, ибо с другой стороны месяца по три дуться стали, и признаться надобно, что я никогда довольна не была, как всегда осердится и в покое оставит, а ласка его меня плакать при-
нуждала».

Речь идет о Васильчикове, которого императрица, что называется, подобрала и дворец запустила, только чтобы смыть обиду, нанесенную Григорием Орловым. Действительно, Васильчиков удивительно безлик. Князь Щербатов о нем пишет, что он ни худа ни добра не сделал. «Ни худа ни добра» — оно для государства и к лучшему, но Екатерине с ним было плохо, удивительно, что их отношения продолжались полтора года. Письмо Екатерины о Васильчикове: «Мне от него душно, а у него грут (грудь) часто болит, а там куда-нибудь можно определить, где дела мало, посланником. Скушен и душен».

Это не помешало Екатерине откупиться от Васильчикова щедрыми подарками: 50 тысяч рублей, дом на Миллионной улице, сервиз на 24 персоны, еще кой-чего по мелочам. Раз был допущен ко двору, то и далее достоин жить в богатстве. Но главным было любой ценой избавиться от наскучившего фаворита.

Продолжаем «Чистосердечную исповедь» с того места, на котором ее оставили: «Потом приехал некто богатырь, сей богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласке прелестен был так, что услыша о его приезде, уже говорить стали, что ему тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его, однако же с таким внутренним намерением, чтобы не вовсе слепо по приезде его поступать, но разбирать, есть ли в нем склонность, о которой мне Брюсша

сказывала, что давно многие подозревали, то есть та, которая я желаю, чтоб ты имел.

Ну, господин богатырь, после сей исповеди, могу ли я надеется получить отпущение грехов своих, изволишь видеть, что я не пятнадцатая, а третья доля из сих, первого по неволе, четвертого по дешперации, я думала насчет легкомыслия поставить никак не можно; о трех прочих, если точно разберешь, Бог видит, что не от распутства, которому никакой склонности не имею, и, если б я в участь смолоду получила мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась; беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви».

Послание это дышит такой искренностью! Перо и бумага ее каждодневные «инструменты», писать она умела, и в момент написания, видимо, совершенно верила в то, что пишет. Кстати сказать, Лонгинов, составитель списка фаворитов, утверждал, что Потемкин был мужем Екатерины, то есть они были тайно венчаны. А именно при Потемкине начался бесконечный хоровод любовников. Не хотело сердце императрицы «быть хоть на час охотно без любви».

«Сказывают, такие пороки людские покрыть стараются, будто сие происходит от добросердечия, но статья может, что подобная диспозиция сердца есть порок, нежели добродетель. Но напрасно я к тебе сие пишу, ибо после того возлюбишь или не захочешь в армию ехать, боясь, чтобы я тебя позабыла, но право не думаю, чтоб такую глупость сделала. А если хочешь навек меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви, а наипаче любви и говори правду». Екатерине было сорок пять лет, Потемкину 35, но разница в годах ничему не мешала. Всю свою жизнь он «показывал» императрице много любви и много дружбы.

Под рукой много описаний внешности Потемкина, но я остановилась на сочинении уже упомянутого мной графа Самойлова. Вязкий язык графа из ХХI столетия кажется смешным, чего стоит, например, «нос соразмерно протяжный» или «орган голоса ясный и звонкий», но граф был современником Потемкина, и он его любил. Князя Таврического звали Кривым, а в описании и слова нет о том, что князь был одноглаз, одно только любованье своим великим дядей. «Князь Григорий Александрович был росту великого, так что в кругу особ, при дворе тогда бывших, равномерно и в собрании генералитета под начальством его служившего, он, по возносящейся выше прочих глав, своей мог быть замечен и узнаваем издали. При сем имел все совершенства телесной стройности и благообразнейшие черты лица, почему и почитался, а особливо в цветущих летах молодости, красивейшим мужчиною своего времени. Лицо имел продолговатое, полное, чело возвышенное, округлое, нос соразмерно протяжный, орлиный, брови возвышенные, приятно выгнутые, глаза голубые, полные, не впалые, взгляд острый, вдаль зрящий, рот небольшой, приятно улыбающийся, орган голоса ясный и звонкий, зубы ровные, чистые и здоровые, бороду острую, несколько посередине раздвоенную и вверх приподнявшуюся; шею, соразмерную сложению тела; цвет лица белый, оттененный свежим румянцем...»

14 июля 1774 года Екатерина восторженно писала Гримму в Париж о своем новом фаворите. Он для нее «величайший, забавнейший и приятнейший чужак, которого только можно встретить в нынешнем железном веке». Медовый месяц императрицы совпал с важнейшим событием — 10 июля 1774 года был наконец заключен мир с турками, получивший название Кучук-Кайнарджийского. Екатерина направила на борьбу с Пугачевым войско во главе с Суворовым, но эта помощь уже не была нужна. Восстание Пугачева было подавлено.

Теперь можно было передохнуть, и Екатерина полностью отдалась своей любви. Сохранилось много писем и записок к Потемкину, видимо, ей доставляло особое удовольствие поверять свои чувства бумаге.

«Голубчик мой дорогой, я вас чрезвычайно люблю: и хорош, и умен, и забавен, и до всего света нужды нету, когда с тобой сижу. Я отроду так счастлива не была, как с тобою».

«Милинкой, какой ты вздор говорил вчерась, я и сегодня еще смеюсь твоим речам. Какие счастливые часы я с тобой провожу, часа с четыре вместе проводим и скуки на уме нет, и всегда расстаюсь через силы и нехотя».

Потемкин у Екатерины «Милая милюшечка, Гришенька», «Гришенок», «Милинкой голубчик и бесценный Дружечик» и даже «Мой бутон». Всего не перечислишь, в любовных обращениях Екатерина была очень изобретательна.

Потемкин был хорошим любовником, умным работником, и еще он был хорошим собеседником, а Екатерина любила поговорить. Она находила моментальный отклик своим словам, а Потемкин все впитывал, как губка, ему не надо было повторять дважды. Екатерине никогда не было с ним скучно, потому что Потемкин умел создать из их любовных и дружеских отношений увлекательный сюжет. Ссорились, конечно, но все влюбленные знают, как сладко мириться. Судя по письмам Екатерины, ссору начинал Потемкин, а мирилась первой всегда она. По складу характера императрица, неумная в любви, была прагматиком в прочих отношениях, она умела рассчитывать каждый свой шаг, а Потемкин, мало того что имел взрывной характер, иногда был гневлив и совершенно неуправляем, так еще вдруг уставал от жизни и впадал в хандру. Конечно, он ревновал Екатерину ко всем и каждому. «Я не сердита и прошу вас также не гневаться и не грустить», — пишет она Потемкину.

Или: «Я не зла и на тебя не сердита». Или: «Не мучь меня несносным обхождением, не увидишь холодности».

В январе 1775 года двор переехал в Москву. Императрица много путешествовала по московским окрестностям. Ее неизменным спутником был Потемкин. Загородные прогулки были не только развлекательными, Екатерина искала место для строительства своей подмосковной резиденции. Коломенское — старинная усадьбы русских царей — устарело, удобств никаких. Хорошо бы где-нибудь рядом построить подмосковное Царское Село.

Майским утром на конной прогулке с Потемкиным они попали в замечательное, романтическое место: систему прудов окаймляли живописные холмы, покрытые лесом. Потемкин сказал:

— Вот истинно царская земля.

— Но она кому-то принадлежит, — возразила Екатерина.

Потемкин разузнал: «истинно царская земля» принадлежала старому князю Кантемиру и называлась очень непоэтично — Черная Грязь. Екатерина купила у князя его усадьбу. Место называли Царицыно. Потемкин с присущей ему энергией за две недели построил здесь деревянный дворец из шести комнат. Здесь императрица и прожила два счастливых месяца со своим возлюбленным, сочетая работу государственную с весельем и развлечениями. Архитектором для строительства нового «Версаля» был призван по старой памяти Баженов.

Сам Баженов в это время, получив полную отставку от дворцового ансамбля в Кремле, занимался другим строительством. Он готовился к празднику в честь заключения Кучук-Кайнарджийского мира. В результате мирного договора с турками Россия получила крепость Керчь, Азов, Кабарду, Еникале, крепость Кинбурн в месте впадения

Днепра в Черное море и все пространство между Бугом и Днестром. Теперь на Ходынском поле Баженов строил деревянные замки, дворцы, минареты, крепости, а также гавань. Все эти декоративные постройки носили название завоеванных городов.

В годовщину мирного договора 10 июля 1775 года начался пышный праздник. Для Потемкина это был в буквальном смысле звездный час. Он получил все мыслимые и немыслимые награды: орден Святого Андрея, графское достоинство, усыпанную алмазами шпагу и 100 000 рублей. Еще через год он имел «полный иконостас» на груди (и все хлопотами государыни): прусский орден Черного Орла, польские ордена Белого Орла и Святого Станислава, датский — орден Слона, шведский орден Серафима. Потемкин не прочь был заполучить также ордена Золотого Руна, Святого Духа и Голубой подвязки, но кавалерами двух первых орденов могли быть только католики, а орденом Подвязки награждались только англичане. В 1776 году Потемкин стал князем Священной Римской империи, Иосиф II не мог отказать Екатерине в этой просьбе.

Формально в фаворитах он ходил всего два года, но при этом сохранил с императрицей самые доверительные и теплые отношения до самой смерти. В письмах Екатерины к своему возлюбленному Гришеньке часто встречается обращение «дорогой супруг» или «нежный муж». Очень может быть, что слова «супруг» и «муж» ничего не значат и употребляются только для того, чтобы возвести в степень выражения чувств и привязанности. А если все-таки прав Лонгинов и другие историки и Потемкин был тайно обвинен с Екатериной? Тогда совершенно другой окрас приобретает, например, такая фраза из ее письма: «Мы ссоримся о власти, а не о любви».

А власть при дворе Потемкин приобрел огромную, и это была власть не только фаворита, она была заработана огромным кругом интересов и неустанной работой. Вот самые разнообразные вопросы (сошлюсь на И.А. Заичкина), которые поручила ему Екатерина решать в пору его двухгодичного фаворитства: «крестьянское восстание и австро-русское сближение, Запорожская сечь и бурбонские дворцы, беспорядки в Вологде и война со Швецией, торговый договор с Францией и устройство Черноморского флота, судьба Грузии, должность флигель-адъютанта, Вышневалдайская система, Дунайские княжества, устройство городов, Кавказ, Крым, Дарданеллы, восстановление Византийской империи, Польша, Курляндия и многие другие».

Но уже в конце 1775 года в отношениях любовников появился признак отчуждения. Тон писем Екатерины к Потемкину меняется. На словах она любит его по-прежнему, но между строк проглядывает усталость от их отношений. Императрица давала повод для ревности, об этом рассказ впереди. Потемкин перестал верить ее клятвам в верности и любви. Дипломат на троне, Екатерина по сути своей была лицемерна, и это угадывал ее чуткий любовник. А дальше взрыв, вулкан, куча упреков, потом раскаяние и глубокая депрессия. Вот выдержки из писем Екатерины того времени: «Не мучь меня холодным обхождением, не увидишь холодности», «Я хочу ласки, да и ласки нежной, самой лучшей. А холодность глупая с глупой хандрой ничего не произведут, кроме досады и гнева», «Спокойствие есть для тебя чрезвычайное и несносное положение».

Потемкин к Екатерине в мае 1776 года: «Позволь, голубушка, сказать последнее, чем я думаю наш процесс и кончится. Не дивись, я не беспокоюсь в деле любви нашей. Сверх бесчисленных благодеяний твоих ко мне, поместила ты меня у

себя на сердце. Я хочу быть тут один преимущественно всем прежним твоим для того, что тебя так никто не любил; а как я дело твоих рук, то и желаю, чтоб мой покой был устроен тобою, чтоб ты веселилась, делая мне добро».

Кто же виноват в разрыве больше — Екатерина или ее фаворит? Они так и не договорились, потому что через месяц Потемкин уже пишет: «Я для вас хоть в огонь, но не отрекусь, но, ежели, наконец, мне определено будет быть от вас изгнану, то пусть это будет не на большой публике. Не замешкаю я удалиться...»

И удалился. Отставка состоялась «не на большой публике», но она состоялась. Бросив столицу и двор, он отбыл в свое наместничество — в Новороссийский край, где ранее был назначен генерал-губернатором. Окружение Екатерины недоумевало, сильны были слухи, что в отставку Потемкин пошел добровольно, испросив на то разрешение хозяйки. Кто знает, рассчитывал ли он сохранить прежнюю власть? Или захотел построить «собственное государство», где стал бы полновластным хозяином? О, конечно, Новорос-сия и Крым есть собственность России и императрицы, но освоение их требует исполинской работы? Он превратит эти земли в рай и поднесет ей их как подарок.

Здесь уже отношения Потемкина и императрицы входят в новую фазу. Он редкий гость в столице, но продолжает служить Екатерине верой и правдой. А над петербургским горизонтом уже вставала звезда нового фаворита — Петра Васильевича Завадовского.

Петр Васильевич Завадовский

(1739–1812)

Оценивая «временщиков» Екатерины, историки и писатели отдают должное государственной деятельности Потемкина, забывая Петра Васильевича Завадовского (как это говорится-то?), «внесшего значительный вклад в совершенствование российской государственности и просвещения». Сделав Петра Васильевича своим фаворитом, Екатерина сильно навредила ему в глазах не только потомков, но и современников. Все его успехи и быстрое продвижение по карьерной лестнице приписывались тому, что он прошел через спальню императрицы. Но это миф, выдумка. Завадовский был очень толковым, образованным, необычайно работоспособным и, что важно, порядочным человеком. Если бы в XVIII веке уже придумали слово «интеллигент», то оно вполне было бы по размеру этому человеку.

Трудно дать объективную оценку времени Екатерины. Впрочем, оценка всегда будет субъективной, если автор стремится быть искренним. На заре советской власти, в 20-е годы, был издан учебник по русской истории М.Н. Покровского. Серая книжка на плохой бумаге предназначалась для рабфака — молодежи, учащейся на рабочем факультете. В этом труде у Покровского все русские цари и их жены были негодьями, моральными уродами, мракобесами, иногда еще и сифилитиками, словом, подлыми и кровавыми угне-

тателями народных масс. В ХХI веке бросились в другую крайность — теперь в исторические портреты правителей и их окружение щедро подмешивают елей и лак. Судить о личности государственного деятеля мы можем только по документам, проектам и указам, но нам ли не знать, что между документом и его предварением в жизнь — пропасть. Завадовским было очень много задумано на «ниве народного просвещения», и если не все было исполнено, то это не его вина. Но приступим к рассказу о нем самом.

Завадовский происходил из старинного польского рода. Дед принял подданство России еще в XVII веке. Отец Завадовского, черниговский дворянин, служил в армии, в военной канцелярии, был дружен с гетманом Кириллом Григорьевичем Разумовским. Жил он довольно скромно, впрочем, тогда многие дворяне не шикавали. 800 душ крепостных, барский дом в семь окон, тесовая крыша, вокруг дома сад, а далее неоглядные леса. Здесь 10 января 1739 года и родился будущий министр просвещения — Петр Васильевич Завадовский.

Семья была многочисленной. В восемь лет Петрушу отдали учиться в иезуитское училище в Орше. Преподавание велось на польском языке и было бесплатным. Иезуиты хорошо учили: латынь, греческий, история, география, менее подробно математика и физика. Воспитанников готовили к светской службе, поэтому помимо наук учили этикету, умению держаться за столом, вести непринужденную беседу и быть настойчивым в достижении цели.

В 1753 году юноша перешел учиться в Киевскую духовную семинарию, студенты, окончив курс, могли выбрать как церковную, так и светскую карьеру. В 1760 году Завадовский поступил на службу в администрацию гетмана Разумовского и успешно там трудился, но в 1764 году гетманство было

отменено императрицей и восстановлена Малороссийская коллегия. Президентом ее и генерал-губернатором Малороссии был назначен граф Румянцев, будущий Задунайский.

Под крышей огромного дома, где жил генерал-губернатор, а по совместительству размещалась и его канцелярия, судьба свела двух трудолюбивых молодых людей — Безбородко и Завадовского. Первый, будущий канцлер, возглавлял канцелярию, второй был начальником отделения. Они остались близкими друзьями на всю жизнь.

Скоро Завадовский получил значительное повышение по службе, став начальником секретного отдела. Виной тому был случай. Румянцев давно обратил внимание на толкового и расторопного молодого человека. Генерал-губернатор, как показало время, умел хорошо воевать, но говорил плохо, невнятно, иногда и не разберешь, чего он, собственно, хочет, но Завадовский неведомым образом всегда понимал вопрос и отвечал толково. А тут случилось, что надо было написать краткий отчет по некоему секретному делу. Это входило в обязанности Безбородко, но того, на грех, не было на месте. Мы знаем кучу историй, когда прима, скажем, заболела, молодая дебютантка исполнила роль и прославилась. Завадовский написал записку за своего начальника. Записку отправили Екатерине, которая, между прочим, написала: «Я первую деловую записку читала с таким удовольствием».

1768 год, началась война с турками. Румянцевская канцелярия вместе с начальником в полном составе отправилась на фронт. Оказалось, что Завадовский умеет не только писать толковые отчеты, но и держать в руках оружие. Он участвовал в битвах при Ларге и Кагуле, получил чин полковника. Руководство полком не освободило его от канцелярских обязанностей. Именно Завадовский со-

ставляя условия мирного договора с турками в 1774 году. Начальником штаба армии в ту пору был С.Р. Воронцов, в будущем блестящий дипломат, представляющий интересы России в Англии. Завадовский привлек его к работе над документом, в котором внятно и толково были прописаны выгодные для России условия Кучук-Кайнарджийского мира. Завадовскому было 35, Семену Романовичу Воронцову — 29 лет, это не помешало им стать близкими друзьями. К слову сказать, Воронцов был родным братом Дашковой и Екатерины Воронцовой, любовницы Петра III. Позднее, в мирное время, Завадовский помог Воронцову получить должность посланника России в Венеции, а потом способствовал его переводу в Англию.

В 1775 году, когда в Москве праздновали годовщину окончания турецкой войны, полковник П.В. Завадовский был награжден императрицей орденом Святого Георгия IV степени и именем Ляличи, расположенным рядом с деревней его отца.

«Случай» Завадовского имеет канцелярский привкус. По одной версии, императрица попросила у Румянцева рекомендовать ему толковых молодых людей для работы в своей канцелярии. Румянцев предложил лучших — Безбородко и Завадовского. Завадовский был статный красавец, Безбородко толстый, приземистый, нос картошкой. Когда Екатерина выбирала себе очередного фаворита, естественно, взгляд ее задержался на первом, Безбородко в фавориты никак не годился.

Вторая версия более романтична. Румянцев ехал на встречу с императрицей и на всякий случай — вдруг понадобится какая-нибудь справка — прихватил с собой Завадовского. Императрица сама встретила графа, расцеловала его, а потом взгляд ее задержался на красавце полковнике.

Завадский стоял словно в столбняке, так поразил его вид государыни, величественный и прекрасный. Вопрос-ответ, улыбка-смущение. Уже в первую встречу Екатерина подарила Завадовскому перстень в алмазах. Вопрос о секретаре был решен. Воистину «миром правит судьба и прихоть», как сказал Ларошфуко.

У статс-секретарей императрицы было много работы. Екатерина переписывалась со всем миром, и все письма шли через их руки. Дела Иностранной коллегии и Адмиралтейства, Сената, Синода тоже находились под их присмотром, они курировали и доносили государыне. На обязанности статс-секретарей лежало также проследить ход донесений губернаторов, управляющего ассигнационным банком, правителей наместничеств, сведения об определении чиновников на службу, документов о наградах, повышениях в чине и прочее. Все дела государства проходили через их руки. Они писали, писали и писали объяснительные записки для проектов, указов, законодательных актов и манифестов, исходивших от Сената и государыни. Летом—осенью 1775 года вместе со статс-секретарями Г.В. Козицким, Г.Н. Тепловым и А.А. Безбородко П.В. Завадовский принял участие в написании Уложения о губерниях, утвержденного 7 ноября 1775 года.

Судя по списку Лонгинова, Завадовский ходил в фаворитах с ноября 1776 года по июль 1777 года, то есть любовь его протекала не только встык, но и вперехлест с Потемкиным. Биографы Завадовского все как один говорят, что он был страстно влюблен в Екатерину. Десять лет, конечно, значительная разница, но императрица в свои сорок шесть все еще была хороша, навык очаровывать не только не утратился, но приобрел новую силу. Так же как и Потемкину, она писала своему возлюбленному письма, содержание и тон их таков,

словно она использовала старые черновики, только имя поменялось: «Петруша милый...», «... я тебя люблю всей душой», «Обещаю тебе охотно, пока жива, с тобой не разлучаться», «Решительно есть то, что я тебя люблю и любить буду и твердо в том пребываю, а ты скорбишь по-пустому». Но, видно, Завадовский «скорбел не по-пустому», потому что в это же время она писала и «супругу дорогому» — Потемкину, и том тоже было достаточно нежных слов. Потом, судя по письмам, в ее отношениях с Потемкиным уже появилась холодность.

Вначале Потемкин ничего не замечал, ему и в голову не приходило, что Екатерина захочет найти ему замену. И не императрица ему подсказала, что он уже не главный на этом празднике жизни. Подсказал двор, более чуткий к температуре в дворцовых апартаментах. Потемкин вдруг заметил, что просители, челобитчики и лизоблюды всех мастей обращаются в первую очередь к Завадовскому, а его обходят.

Вот здесь и навалилась на «богатыря» тоска. Этого секретаришку он бы в миг уничтожил, но не в нем дело, а в возлюбленной Кото, Катеньке, с которой не поспоришь. Были и сцены, и выяснения отношений, но императрица была истинной женщиной, не пойман, не вор, она все отрицала, а в том, что стала сдержанной в любви, винила самого Потемкина: «И ведома, пора жить душа в душу. Не мучь меня несносным обхождением, не увидишь холодность». Годы спустя Екатерина жаловалась Гримму: «О, как он меня мучил, как я его бранила, как на него сердилась».

И Потемкин, и Завадовский отчаянно ревновали императрицу. Два очень разных характера, Потемкин строг, неумен, он весь страсть и порох, Завадовский — нежность, преданность — вот он я, твой навсегда. У Потемкина нет четкой границы между любовью и жадой власти. Завадов-

ский вряд ли желал стать всемогущим царедворцем, он был бумажный человек, живший в культуре, был умеренным в желаниях, для него кабинет был не только рабочим местом, но и местом отдохновения. И он был влюблен без памяти. Понятно, переживал, страдал, мучился, не раз задавал себе вопрос: действительно императрица тоже любит его или просто голову морочит?» Любовь сродни болезни, от нее не так просто избавиться. Да он и не хотел от нее избавляться.

Видимо, императрицу вполне устраивало существование этих двух мужчин рядом с собой. Незабываемый фильм «Покровские ворота»... Конечно, нельзя сравнивать великую императрицу со скромной героиней Маргаритой Павловной, но напор, уверенность в своей правоте, сознание, что ты делаешь доброе дело, и у той, и у другой вполне соизмеримы. Вот отзыв о Завадовском современника: «Глубокомыслие и важность ясно изображались на его лице. С первого взгляда можно было подумать, что он горд, но сия гордая и холодная наружность была только следствием углубленной в свои мысли и нерассеянной души его; надобно было только осмелиться вывести его из сего углубленного положения, и он начинал мало-помалу входить в разговор, который от часу становится живее и занимательнее».

Этот отзыв относится к более позднему времени, когда Завадовский давно утратил пост фаворита, но, очевидно, и в тридцать пять лет душа его была «нерассеянна» и жил он «углубленный в свои мысли».

С.П. Жихарев, который встречался с П.В. Завадовским в марте 1807 года (Петру Васильевичу уже 68 лет), свидетельствовал, что это был «муж века Екатерины Великой». Он очень величав наружностью; в движениях его много истинного достоинства; говорит протяженно и как будто бы взвешивая каждое слово, но зато выражается правильно и

разговор его исполнен здравомыслия. Сказывают, что смолodu он был красавец: может быть; но теперь, кроме живых, умных глаз, других остатков красоты незаметно».

В конце концов, Потемкин сдался, ему невыносимо было присутствие соперника и лицемерие Екатерины. Он уехал в Новороссию, а двор вздохнул с облегчением. У Потемкина было очень много врагов, ему не могли простить и фавор его, и скромное происхождение, и строптивый нрав, и бесцеремонность и огромную власть, которую он уже имел и в Военной коллегии, и в Сенате, и в дворцовых покоях, и в армии.

Но и без Потемкина жизнь Завадовского была несладкой. Он пишет своему другу Воронцову: «Познал я двор и людей с худой стороны, но не изменюсь нравом ни для чего, ибо ничем не прельщаюсь». Скучно было ему играть в царедворца, эта скука «весь мой веселый нрав подавляет», — пишет он в одном из писем. Понятное дело, при дворе велись интриги, нашлись люди, которые с помощью Завадовского решили навсегда свергнуть «с престола» Потемкина. В помощники для этого дела решено было призвать братьев Орловых. К чести Григория Орлова, скажем, что он в этой интриге участия не принимал. Да и вся интрига состояла, скорее, не из действий, а из мечтаний и подковерных бесед.

Пикуль в своем романе «Фаворит» отзывается о Завадовском крайне нелестно. Он смотрит на него не авторским взором, а глазами своего героя. Вернувшись в Петербург, Потемкин «сразу же вытряхнул из дворцовых покоев Завадовского, который как воришка забрался в чужие комнаты». Оставим на совести Пикуля эту фразу. Если кто-то и «вытряхнул» Завадовского из дворца, то это сама Екатерина, но, конечно, не без помощи Потемкина. Измученный, по-прежнему влюбленный бывший статс-секретарь уехал

зализывать душевные раны в свое имение Ляличи. Екатерина была верна себе. Отслуживший фаворит получил в дар 80 000 рублей единовременно, 5 000 рублей пенсии, 1800 крестьян в Малороссии и 2000 в Польше. Ну и сервиз серебряный, как положено.

Собственно, на этом и можно было бы кончить рассказ о Завадовском-фаворите, но нельзя не рассказать о нем как о государственном деятеле. Через три месяца Екатерина позвала его в Петербург. Может, ее совесть мучила, но, скорее всего, она хотела использовать деловые качества отставного фаворита, только пока не знала как. Завадовский приехал. От дворцовых покоев веяло холодом, он надеялся совсем на другую встречу. Проболтавшись в столице несколько месяцев, отдавая время игре в карты и посещению друзей, он все бросил и опять вернулся в Ляличи. Оттуда он пишет Бакунину: «Живу скучно и по-премногому неприятно, от убытка чувственности, мне природной, познакомился с меланхолией и подвергнул здоровье разным мучительным припадкам». Почему-то почти все любовники Екатерины рано или поздно начинают «страдать меланхолией», так было и с Понятовским, и с Орловым, и с Потемкиным, и, наконец, с Завадовским. Словно царица была, как говорят наши экстрасенсы, вампиром, который пьет чужую энергию.

Через год Екатерина призвала Завадовского на службу и буквально завалила его работой. Ему поручили управление Санкт-петербургским дворянским банком, он председатель в комиссии по строительству Исаакиевского собора, курирует строительство в подмосковном Царицыне, заседает в Сенате, и, наконец, а это главное, Екатерина пытается использовать его в деле народного просвещения. Екатерина была одержима идеей воспитания «нового человека». Век Просвещения учил, что все беды человечества связаны с невежеством.

Вот будут все грамотными, и наступит на земле золотой век. Она и сама писала труды по вопросам воспитания, а Завадовский стал первым чтецом их и критиком.

В 1782 году была создана Комиссия об учреждении училищ. Руководить комиссией был назначен Завадовский. Он весь отдался работе — народ надо было «выводить из мрака невежества». Был разработан «План к установлению народных училищ в Российской империи», по которому в столицах и губернских городах учреждались четырехклассные народные училища, а в уездных — двухклассные малые народные училища. Школы предназначались для всех сословий и содержались за счет государства. Екатерина очень положительно оценивала его работу. Завадовский получает чин тайного советника, становится сенатором.

В 1783 году в Петербурге было открыто Главное народное училище по подготовке учителей. В 1786 году на базе этого училища появилась Учительская семинария — искали новые методы и формы преподавания. Следствием этой работы было открытие 25 народных училищ в губернских городах. За эту службу Завадовский был награжден императрицей орденом Святого Владимира I степени, а также получил 8000 душ крестьян в Малороссии. Тогда же был основан дворянский благородный пансион для мальчиков, это уже не частное, а государственное учреждение.

Кроме того, Завадовский был назначен управляющим медико-хирургической школой и как организатор очень преуспел в этом направлении. Медицинская школа была преобразована в академию, велось грамотное обучение медиков.

Знаком высшего доверия императрицы к Завадскому было и то, что она поручила ему опекуновство над графом Бобринским, сыном ее и Григория Орлова.

Между тем Завадовский купил себе дом на Миллионной улице и решил обзавестись семьей. Невесту он нашел в доме Кирилла Григорьевича Разумовского, с которым все эти годы поддерживал самые тесные отношения. Невеста — Вера Николаевна Апраксина — была прелестная девица, но у нее был значительный недостаток, подмоченная репутация. То есть сама-то невеста была чиста, но вот маменька, Софья Осиповна, была фигурой скандальной и опасной, ее знал весь Петербург и очень не одобряла сама императрица. Софья Осиповна, по мужу Апраксина, приходилась К. Разумовскому племянницей. После смерти жены Кирилла Григорьевича она переехала к нему в его дом и прожила там почти тридцать лет. Она перессорила старика Разумовского с детьми, после его смерти распорядилась богатством в свою пользу. Но это все потом, да и не это главное, мало ли какие склоки бывают в семьях из-за денег? Петербургское общество было уверено, что дочь Софьи Осиповны — Вера Николаевна — хоть и носила фамилию Апраксина, на самом деле была дочерью Разумовского, то есть была внебрачным ребенком.

Императрице очень не нравился выбор Завадовского, и тот, бедный, вынужден был оправдываться перед «блюстительницей морали». «Беру овечку из паршивого стада, — писал он Екатерине, — но на дух свой надеюсь твердо, что проказа ко мне никак не пристанет, наподобие как вынутое из грязи и очищенное от оной золото ничьих рук не марает».

Свадьба состоялась 30 апреля 1787 года. Невесте было двадцать, жениху почти пятьдесят. Екатерина сменила гнев на милость и назначила Веру Николаевну своей фрейлиной. Завадовский был влюблен в свою молодую жену. Брак был, помимо всего, выгодным, потому что приобщал новоиспеченного мужа к высшей аристократии страны.

Можно сказать, что они жили долго, но не скажешь, что счастливо. Первые шесть лет прошли вполне благополучно, а потом у них стали умирать дети. Умирали они в младенчестве. Родилось всего десять детей (немыслимое количество по нашим временам), осталось всего пятеро, а потом трое. Завадовский писал другу своему С.Р. Воронцову: «Я познал, какова радость, какова печаль от детей: пятерых погреб, одна дочь шести месяцев остается, которая не одобрение, а более трепет сердцу наводит. Толику я несчастный отец! Хоть живу, но как громом пораженный; сам не чувствую своей жизни». В свете сплетничали, что оставшиеся в живых два сына и дочь Татьяна родились не от Завадовского, а от князя И.И. Барятинского. Что тут скажешь? На чужой роток не накинешь платок.

Смерть детей отразилась на здоровье Завадовского, да и возраст давал о себе знать. Очередной фаворит императрицы Платон Зубов его откровенно ненавидел, поскольку Завадовский имел, по его мнению, слишком большое влияние на императрицу. Двор всегда созвучен фавориту, вокруг Завадовского велись бесконечные интриги. Словом, он помышлял об отставке, но Екатерина и слышать об этом не хотела. Кому еще она может доверить народное образование? Дабы удержать своего любимца подле себя, она награждает Завадовского орденом Святого Александра Невского, жалует титул графа Священной Римской империи, заодно этот титул получают и его братья — Яков и Илья Завадовские.

Екатерина скончалась, на трон вступил ее сын Павел. Он вполне благосклонно отнесся к ближайшему соратнику покойной матери. В день своей коронации 5 апреля 1797 года он пожаловал П.В. Завадовскому графское достоинство Российской империи, наградил его орденами Святого Андрея Первозванного и Анны I степени, а также назначил

руководителем Государственного ассигнационного банка. Завадовский продолжал заседать в Сенате, но и, как прочие екатерининские деятели, скоро дождался отставки. Секретарь банка каким-то обманным путем получил на руки 7000 рублей. Правда, Завадовскому уже давно было не до банка, руководство им было чисто формальным. Император вспылил, а дальше все понятно.

Наконец-то Петр Васильевич мог уехать в свои Ляличи! К этому времени любимая усадьба приобрела совсем новый вид. Барский дом, построенный знаменитым Кваренги, был великолепен. По желанию Екатерины он внешне напоминал Ассигнационный банк. С этим зданием произошла анекдотическая история. За опальным вельможей по приказанию Павла был учинен негласный надзор — следить, как живет, кого принимает. Писать было особенно нечего, хозяин жил тихо и скромно, и услужливый надзиратель сообщил в столицу, что дворец Завадовского выше, чем вновь отстроенный Михайловский (Инженерный) замок. По счастью, Петра Васильевича предупредили, что из-за этой нелепицы у него могут быть большие неприятности. Тогда он сделал перед дворцом насыпь, закрыл нижний подвальный этаж. И ведь приехали, обмерили, но отбыли ни с чем. Дом Завадовского был «на целый аршин» ниже Михайловского замка.

Александр I с воцарением тут же призвал Завадовского на службу и в 1802 году, при замене коллегий на министерства, назначил его министром народного просвещения. Этот пост Завадовский занимал десять лет, и сделано за эти десять лет было больше, чем за все минувшее столетие. Были открыты Казанский и Харьковский университеты, сотни новых учебных заведений, лицеи, губернские гимназии и Главный педагогический институт.

Завадовский умер 10 января 1812 года в возрасте 73 лет, жена пережила его на 33 года. Надгробную речь произнес митрополит Филарет. Он окончил ее такими словами: «Сколько за сими знаменитыми подвигами сына Отечества скрывается скромных добродетелей человека, на которые, будучи ближе к сердцу, ручаются за чистоту деяний блистательных. Кротость и чадолюбие в семействе, твердость в дружбе, для которой он забывал себя, снисходительность в домочадстве, умеренность во власти, справедливость без строгости, милость без пристрастия».

И еще, говорят, он играл на арфе. А почему бы не играть на арфе интеллигентному человеку?

Потемкин и Зорич

Вернемся в 1777 год. Что еще было в 1777 году? У императрицы родился внук Александр, будущий император. В этом же году Петербург пережил страшное наводнение. Потемкин приехал в Петербург посмотреть, как обстоят дела во дворце, не упали ли до нуля его акции. Екатерина приняла его очень благосклонно. Завадовский ей уже поднаскучил своей меланхолией. Но Потемкин не задержался в столице надолго. Прежней любви было не вернуть, это он хорошо понимал. Надо было сохранить доверие, дружбу, то есть стать Екатерине «третьим плечом», как поется в одной популярной советской песне. Понимал он также, что если и будет где-то чувствовать себя полноправным хозяином, то это будут южные земли России, его любимая Новороссия. Там он уже развернул активную деятельность. Новые земли надо было освоить, то есть заселить колонистами. Но где взять людей? Потемкин выдвинул смелую идею — пригреть всех беглых крестьян и дать им в Новороссийской губернии вольную. План этот хотя бы частично, но удался. Он даже предложил императрице принять на поселение английских каторжан, которых Великобритания большими партиями отправляла в Австралию. По счастью, от этой идеи С.Р. Воронцов отговорил Екатерину, только английских каторжан нам не хватало. На новые поселения принимали армян, греков. Надо было строить города, возводить леса, разбивать

сады и виноградники. Нужны были школы, больницы, типографии. Потемкин загорелся разведением шелководства. И главнейшей его задачей было строительство кораблей и оборонительных сооружений.

Поэтому он никак не мог задерживаться в столице долго. Главное, удалить из дворца Завадовского, в котором он видел опасного соперника не только на ложе государыни, но и в делах политических, слишком уж тот был деловит, и связей у него было много, и вообще, мало ли что взбредет в голову Екатерине? Мало было удалить Завадовского из дворца, а на его место надо было самому найти замену. В любовниках государыни должен ходить свой человек.

Последнее Потемкину удалось, ему все удавалось. На место фаворита он определил своего адъютанта, гусара, серба по национальности. Семен Гаврилович Зорич был настолько хорош собой, что задачей было только показать его государыне, а в дальнейшем Потемкин не сомневался. Через малый срок Зорич получил чин флигель-адъютанта императрицы, а Потемкин со спокойным сердцем уехал в свою Новороссию.

Н.И. Павленко пишет: «... в Новороссию ехал не отверженный фаворит и не опальный придворный, а вельможа, облеченный доверием императрицы, которого по пути следования встречали и провожали едва ли не с царскими почестями. <...> Екатерина, отправляя вельможу в дальний путь, не ошиблась в нем, когда считала его верным, а Потемкин не ошибся в императрице, когда рассчитывал обрести в ней покровительницу, горячо поддерживающую все его начинания и сохранявшую при этом дружбу и привязанность, но уже не как к фавориту, а как к соратнику».

Зорич ходил во «временщиках» одиннадцать месяцев. Удивительна судьба этого обаятельного человека. У него

всегда было хорошее настроение, он был остроумен, умен, добр, легко сходилась с людьми, недаром говорят, что за одиннадцать месяцев «службы» в покоях императрицы он приобрел кучу друзей, которые сохранили с ним добрые отношения и после фавора. Конечно, красавец, как все они, любимцы Екатерины, конечно, «плохо образован». Да и где ему было учиться, если в годы войны он в общей сложности шесть лет провел в плену, но плен не испортил характера Зорича. Сгубила его всепожирающая страсть — он был картежник. Теперь по порядку.

«Кавалергардский корпус, III часть», оттуда я и черпаю большую часть информации. Настоящая фамилия Семена Гавриловича — Неранчич (1745—1799), Зорич — фамилия его дяди, премьер-майора русской службы, который взял мальчика на воспитание. В середине XVIII века многие сербы, устав от гонения турок, приняли русское подданство. Семен Зорич был дворянского рода, греческого вероисповедания, в отношении состояния — гол как сокол. В 12 лет дядя зачислил его в военную службу гусаром.

Семилетняя война началась в 1756 году, но Семен Зорич успел на ней повоевать. В 15 лет он уже вахмистр и на лихом коне бьется с пруссаками, но не повезло — попал в плен, где находился около девяти месяцев. Бежал или по обмену пленными вернулся в родную армию — здесь разночтения. За проявленную в бою храбрость получил чин поручика.

Началась первая турецкая война, Зорич опять в строю, «за проявленную храбрость» он уже секунд-майор. В плен к туркам он попал 3 июля 1770 года, получив в бою две раны копьем и одну саблей. Очевидец рассказывал: «Храбрый майор Зорич был окружен турками, защищался мужественно и решился дорого продать свою жизнь. Многие пали от руки его; наконец, видя необходимость уступить и под-

нятые над собою сабли, он закричал, указав на грудь свою: "Я капитан-паша!" Это слово спасло ему жизнь. Капитан-паша у турок полный генерал, почему и отвезли Зорича в Константинополь, где он был представлен султану как русский генерал. Его ум, важный вид, осанка, рассказы о его мужестве — все побуждало султана отличить его».

Он вернулся в Россию только в 1775 году уже после заключения мира, получил за заслуги орден Святого Георгия IV степени. Когда-то всесильный Потемкин был его сослуживцем в армии, теперь он сделал Зорича своим адъютантом. По легенде, императрица впервые увидела Зорича в Царскосельском саду, где он в стельку пьяный лежал под липами, увидела и запомнила, так что Потемкину особенно и стараться в добывании «должности» для подопечного не пришлось. 22 сентября Семен Гаврилович Зорич пожалован в корнеты Кавалергардского корпуса с производством в генерал-майоры, а через два дня назначен шефом Ахтырского гусарского полка.

Дворцовые покои Екатерины были еще одним пленом для молодого гусара — третьим по счету. Понятно, что при его отчаянном нраве Зорич не мог долго терпеть золотой клетки. Играл, конечно, при всяком удобном случае и проигрывал. Он явно не оправдал ожиданий Потемкина, Зорич не мог быть ручным. Кавалергардский сборник биографий деликатно пишет, что Потемкин шептал на ушко государыне, что стыдно-де терпеть рядом с собой человека таких ограниченных познаний, как Зорич, мол, пора от него избавляться. Много лет спустя Семен Гаврилович завещал организованной им военной школе великолепную, собранную им картинную галерею, в ней были и подлинники, и копии с картин лучших западных мастеров. Не так уж темен и необразован был этот молодой гусар, во всяком случае,

время, проведенное рядом с Екатериной и ее Эрмитажем не прошло для него даром. Императрица говорила о своем возлюбленном: «Можно сказать, что две души имел: любил доброе, но делал худо, был храбр в деле с неприятелем, но лично был трус». Знать бы, о какой трусости пишет Екатерина, если Зорич осмелился на отчаянный поступок — за все интриги он вызвал Потемкина на дуэль. Потемкин дуэли не принял, но перепуганная императрица тут же выслала Зорича за границу. Не последнюю роль в его отставке сыграли и карты: небось императрица говорила себе — эдак он и мой дворец проиграет.

В мае 1778 года Зорич получил окончательную отставку. Вернувшись из-за границы, он получил, по заведенному обычаю, подарки. Имение Шклов Екатерина выкупила для него у Чарторыйского за 450 000 рублей. Еще подарила 7000 душ крестьян, деньги, наверное, и тут не обошлось без серебряного сервиза.

В Шклове Семен Зорич зажил очень широко, эдаким безудержным в тратах барином. Он словно старался возместить себе сполна за бедную юность, добрать в счастье за потерянные годы в Семибашенном турецком замке. Теперь в его усадьбе бесконечный роскошный праздник: гости, пиры, балы, маскарады, тройки, карусели, фейерверки, охота, большая игра — и все это широко, без удержу. Но государыню он чтил, всегда отмечал и дни рождения ее, и тезоименитство. В ноябре 1778 года он в честь Екатерины основал Шкловское благородное училище для дворянских детей. Матушка-императрица изволила два раза посетить Шклов во время ее поездки в Могилев. Зорич расстарался встретить ее достойно: дом заново отремонтировали, из Саксонии был выписан роскошный сервиз. Государыню Зорич встретил у заранее построенной триумфальной арки, а вечером была

представлена немецкая комическая опера, далее бал, ужин и фейерверк.

Как не был Зорич богат, ему все-таки удалось промотать свое огромное состояние. В карты ему везло, сочинили даже легенду, что он шулер. Вряд ли... Это как в анекдоте про фальшивомонетчика: «Из двух золотых сделал один и попал на каторгу». По мнению современников, Зорич проигрывал больше, чем выигрывал. Деньги сожрала еще неумеренная роскошь, слишком много гостей, желающих пожить за чужой счет. Среди гостей были и вовсе непотребные люди, вот их имена: польские графы Аннибал и Марк Зановичи. Они были виновниками аферы с печатанием фальшивых ассигнаций. Расследовать дело явился сам Потемкин. Братья во всем сознались, их арестовали. Зорич к их афере никакого отношения не имел, но то, что пригласил в своем доме преступников, тоже есть вина.

В 1784 году Семен Гаврилович был вынужден подать в отставку. Теперь было не до шика, денег осталось только на содержание училища, и он целиком отдался работе. Училище не называлось военным, но все признаки военного воспитания были налицо. Ученики составляли эскадрон из двух взводов — кирасирского и гусарского, а также три роты пехоты: две роты были гренадерские и одна егерская. Любимая игра взрослых мужчин в солдатики, но я думаю, что и юный дворяне играли в нее с удовольствием. Вначале учеников было 150, потом число их возросло до 300 мальчиков. Сам Зорич в училище был и военным начальником, и директором.

Павел I вернул Зорича на службу, назначив его шефом Изюмского полка, и произвел в генерал-лейтенанты. Здесь нашего гусара ждали крупные неприятности. Кавалергардский сборник деликатно пишет, что Зорич «запутался в пол-

ковых денежных суммах». В то, что он именно «запутался», а не просто запустил руку в полковую кассу с намерением украсть, я верю. Но к этому времени Зорич жил займами, долг банкам нужно было платить вовремя, а он был из тех людей, кто «времени не наблюдал». Из полковой кассы народу платят жалованье, а если деньги не получены в срок, то они бывают очень недовольны. В общем, Зорич со всеми переругался, подчиненные подали жалобу в высшую инстанцию.

При обследовании полковой кассы обнаружилась недостача в 12 000 рублей, которые Зорич «издержал на частную потребу», из-за чего офицеры и нижние чины остались без жалованья. В донесении также было написано, что Зорич «употреблял нижних чинов и казенных лошадей для возведения собственных построек» — этим нас не удивишь, и советские и теперешние генералы очень часто так поступают. Удивительно другое, Зорич, хоть и разобрался с казенными деньгами и выплатил все сполна, по приказанию императора вынужден был уйти в отставку и был фактически сослан в Шклов.

Это случилось в 1798 году. Жизнь в Шклове теперь была безрадостной. На беду, через год случился пожар в училище. Это совсем доконало Семена Гавриловича. Вскоре он умер. А училище его перевели из Шклова в Москву, и на его базе был основан 1-й Московский кадетский корпус.

Все биографы Екатерины со злой насмешкой пересказывают разговор ее с Николаем Салтыковым по поводу Платона Зубова. Салтыков заметил, что выбор этого мальчика в фавориты не соответствует возрасту государыни (ей тогда было 60 лет). Екатерина, не смутившись, ответила: «Ну и что же! Я оказываю услугу государству, воспитывая даровитых молодых людей». Кому-то этот ответ покажется

просто неприличным, а ведь в чем-то Екатерина была права. С «воспитанием» Платона Зубова у нее не получилось, но что касается Потемкина, Завадовского и даже скандалиста Семена Зорича, тут все сошлось с ответом. За одиннадцать месяцев общения с императрицей Зорич полюбил искусство, живопись, проникся ее идеями относительно воспитания молодежи, и мы, потомки, уже не можем сказать, что он был просто игрушкой «случая», памятью Зоричу будет первый кадетский корпус.

Корсаков Иван Николаевич

(24 января 1754— 18 февраля 1831)

Еще теплое после Зорича место занял двадцатичетырех-летний смоленский дворянин и капитан кирасирского полка Иван Николаевич Римский-Корсаков. Он происходил из знатного, но обедневшего рода. Его дальний предок из рода Сигизмунда — Корсак — приехал служить в Россию еще при великом князе Василии Дмитриевиче, сыне Дмитрия Донского. При царе Федоре Алексеевиче Корсаки добились приставки к своей фамилии (их все время путали с Корсаковыми) и стали прозываться Римскими-Корсаковыми. Батюшка Ивана Николаевича проживал в Смоленской губернии (родине Потемкина!) и дал сыну домашнее образование, считай — никакое: читать, писать умеет — и хорошо. В юном возрасте он был определен в лейб-гвардии конный полк сержантом, со временем его перевели в кирасирский полк, с которым он принимал участие в Польской кампании 1768—1772 годов. Затем честно нес службу в мирное время, дослужился до капитана.

Рассказывая о сложном пути, который обычно проходил будущий фаворит к покоем императрицы, я первой «экза-

менующей» назвала госпожу Перекусихину, что в корне неверно. Первым был как раз Потемкин. Бравый капитан попался ему на глаза, и это решило дело. С точки зрения светлейшего князя, Корсаков подходил на вакантное место по всем параметрам: красив, строен, язык подвешен хорошо, не просто необразован, но дремуч и к тому же легкомыслен, то есть совершенно неопасен.

Екатерине нужен был новый флигель-адъютант, Потемкин предложил четырех офицеров на выбор, и 1 июня 1778 года Корсак вошел в должность. За малое время он был пожалован в действительные камергеры, вскоре он уже генерал-майор, затем генерал-лейтенант, а грудь его украшает польский орден Белого Орла, которым наградил его король Станислав Понятовский по просьбе императрицы.

Иван Николаевич не был дурным человеком, и способностями его природа не обидела — он играл на скрипке, вообще был очень музыкален (Н.А. Римский-Корсаков приходится ему внучатым племянником) и замечательно пел. Екатерина рассказывала о его вокале с восторгом. Поскольку из ее же собственного признания известно, что ей-то как раз медведь на ухо наступил, не очень понятны ее замечания об этом достоинстве возлюбленного. Известен анекдот: Екатерина нахваливала Корсакова Орлову: ах, какой голос — прямо соловей, на что Орлов заметил мрачно: соловьи поют только до Петрова дня. Этот соловей пел подольше — целых полтора года.

По счастью (а то вообще бы нечего о нем было писать), сохранилось письмо Екатерины к Гримму, где она дает характеристику Корсакову. Видимо, в своем послании к Екатерине французский корреспондент назвал ее увлечение «прихотью», и она дает ему ответ, который так и дышит юношеским задором: «Прихоть? Знаете ли вы, что эти слова

вовсе не подходят, когда речь идет о Пирре, царе Эпирском, который приводит в смущение всех художников и отчаяние скульпторов? Не прихоть, милостивый государь, а восхищение, восторг перед несравненным творением природы. Произведение рук человеческих падают и разбиваются, как идола, перед этим перлом создания Творца, образом и подобием Великого! Никогда Пирр не делал жеста или движения, которое не было бы полно благородства и грации. Он сияет, как солнце, и разливает свой блеск вокруг себя. В нем нет ничего изнеженного; он мужественен и именно таков, каким бы вы хотели, чтобы он был; одним словом, это Пирр, царь Эпирский. Все в нем гармонично; нет ничего, что бы выделялось; такое впечатление производят дары природы, особенные в своей красоте; искусство тут ни при чем; о манерности говорить не приходится». Батюшки... какие сравнения! Слово роль царя Пирра у нас исполняет сам Нижинский вкупе с Карузо!

Мое поколение было лишено гимназического образования — ни греческого, ни латыни, поэтому, чтобы «обновить» знания о Пирре Эпирском, я полезла в энциклопедию Брокгауза и Эфрона. Вот он — Пирр, царь эпиротов (319—272 до н. э.), знаменит тем, что всю жизнь боролся за трон, много воевал, первым из греков напал на Рим и одержал крупные победы, имел собственный флот, властвовал над Сицилией и т. д. И ни слова о его несравненной красоте. Почему Екатерина уверена, что древнегреческий царь «никогда не делала жеста или движения, которое не было бы полно благородства и грации»? Хотя это можно списать на мою неграмотность.

Вопрос в другом: кто назвал Корсакова Пирром — двор в насмешку или самой императрице вдруг вспомнилось красивое имя? Но известно, что Екатерина была очень привязана к

Корсакову, баловала его подарками, заказала для него копию со своего портрета работы Эриксона, считала его не только своим любовником, но и другом. Все прекратилось вмиг. 1 октября 1779 года (даже точная дата известна, а может быть, измыслена поздними исследователями) Екатерина застала своего фаворита в недвусмысленной позе со своей подругой и наперсницей — Прасковьей Брюс. И Корсаков, и госпожа Брюс были немедленно удалены от двора. Императрица была в большом гневе, но остыла и пожаловала Корсакову дом на Дворцовой набережной (выкупила у Васильчикова), имение в Могилевской губернии, 6000 душ крестьян, 200 000 рублей, множество бриллиантов и драгоценностей, как писали, на сумму до 400 000 рублей.

Еще один анекдот: переехав в новый дом, Корсаков принялся его обустраивать по образцу дворцовых покоев императрицы и, в частности, завел библиотеку. Шкафы уже были, а книги следовало купить. Продавец осведомился с почтением: какие их сиятельство хочет иметь книги и на каких языках? Корсак ответил — книги могут быть любыми, главное, чтобы внизу были большие, а сверху маленькие, как у их величества.

Кажется, совершеннейший дурак, а поди ж ты... Дальнейшая жизнь Корсакова сложилась не менее экзотично. Здесь он боком задевает судьбу знатнейшего вельможи — Строганова. Александр Сергеевич Строганов был одним из самых богатых и образованных людей в России. Предки его были купцами и заработали капитал на добыче и продаже соли, при Петре I купцы стали баронами, при Петре III — графами. Александр Сергеевич был меценат, он возглавлял Академию художеств, Россия обязана ему архитектором Воронихиным, а также возведением Казанского собора. Первый брак Строганова кончился разводом. Вторым браком он был

женат на красавице и умнице Екатерине Петровне Трубецкой. Так вот эту известную на весь Петербург даму наш Пирр, царь эпилов, «перл создания Творца», и увел у мужа. А у дамы было уже двое детей — сын Павел и дочь Софья. Павел Строганов стал со временем очень заметной личностью. Он известен тем, что в Париже стал якобинцем, был затребован Екатериной в Россию, сослан за вольнодумства в имение Братцево под Москвой, а позднее, уже при Александре I, входил вместе с Новосильцевым, Чарторыйским, Кочубеем и самим императором в так называемый «Комитет народного спасения».

Я увлеклась, но уж больно материал хорош, так бы и пела. Но вернемся в Корсакову. Он был моложе Екатерины Петровны на десять лет, муж был ее значительно старше, это решило дело. И опять же если Корсаков был хорош для государыни, то госпоже Строгановой он тоже подходил. Влюбленные сбежали в Москву. Скандал был страшный! Обе столицы были в шоке — негодовали, злословили, предсказывали ужасы, все — кроме мужа. Видимо, первый развод уже закалил его и подготовил ко второму. Он не только не преследовал жену и ее любовника, но вел себя так, словно такое положение дел его вполне устраивало. Строганов дал жене развод, обеспечил ее деньгами, отдал в ее распоряжение дом и имение Братцево (сейчас это уже район Москвы).

Корсаков так и не обвенчался с Екатериной Петровной, в 1786 году у них родился сын, получивший уже при Павле I фамилию Ладомирский и дворянство, а также две дочери, ставшие при замужестве княгиней Голицыной и графиней Апраксиной. Но к самому Корсакову Павел отнесся строго. Он сослал его в Саратов. Царствование Павла было недолгим, Корсаков вернулся в Москву и вполне мирно продолжать жить «гражданским браком» (в XVIII веке, правда,

вообще не было такого понятия) с Екатериной Петровной. Жизненные ухабы довели эту женщину до болезни. Видимо, у нее был инсульт, у нее отказали ноги, но голова оставалась ясной. Корсаков прожил с Екатериной Петровной до ее смертного часа в 1815 году, а потом переехал в свое могилевское имение и принялся тратить деньги, роскошествовал, как мог. А чем еще заняться в шестьдесят лет? Умер он в 1831 году в возрасте 77 лет и похоронен в Братцеве.

Ланской
Александр Дмитриевич
(1758–1784)

Ланской появился при дворе словно ниоткуда. По одной версии, молодого человека представил государыне граф П.И. Толстой, по другой, привел, как обычно, Потемкин. И место его рождения указывается двояко: почему-то в одном источнике упоминается тульская усадьба, в другом — Смоленская губерния. Второе как-то привычнее: Смоленская губерния, на ней и остановимся. Кавалергардский сборник сообщает, что отец будущего фаворита служил поручиком в кирасирском полку, нрав имел горячий, а потому за самоуправство был разжалован, но во время Семилетней войны наверстал упущенное и получил достойный чин. Александр был старшим в семье, у него был брат и четыре сестры. В четырнадцать лет, в 1772 году, Ланской начал службу солдатом в Измайловском полку, дослужился до сержанта, а в 1776 году был пожалован в Кавалергардский корпус кавалергардом с армейским офицерским чином. Состояние у родителей было более чем скромное, денег у молодого кавалергарда не было совсем, однако он находил какие-то рубли, чтобы платить учителю французского языка. Юный красавец понимал, что это поможет сделать ему

карьеру. О том, что он достигнет дворцовых высот, юноша и не помышлял.

Но их величество случай! Кавалергарды несли службу во дворе, здесь его и заметила Екатерина. Между отставкой Корсакова и появлением Ланского (с июня 1779 года по апрель 1780 года) прошел без малого год. За это время императрица (по Лонгинову) сменила четырех фаворитов, люди были незначительные, о них и сказать нечего. На Ланского Потемкин мог положиться: красив, высок, мужественного телосложения и нравом, как говорят, несклочен. Далее чин флигель-адъютанта, 100 000 на обзаведение гардеробом — и пошло, поехало...

Ланской занимал должность фаворита в течение четырех лет. Сама Екатерина пишет о нем, что никого не любила так, как этого молодого человека. Он и в самом деле наделен множеством достоинств. Безбородко называл его «сущим ангелом» уже за то, что он никак не мешался в политику, не давал императрице советов и вообще держался подальше от «службы отечеству». А у него была возможность сделать политическую карьеру, вернее, начать ее делать. Время было горячее, в Европе все время поговаривали о новых войнах, посему в Петербурге успели побывать император Священной Римской империи Иосиф II, шведский король Густав II и наследник Фридриха Прусского — Фридрих Вильгельм. Зная влияние молодого человека на императрицу, эти великие мужи могли бы с его помощью выгадать себе особые условия. Но Ланской уходил ото всех приватных бесед.

Екатерина души в нем не чаяла. Она пишет Гримму 25 июня 1782 года: «Чтобы понять, что такое этот молодой человек, надо вам знать сказанное про него графом Орловым одному своему другу. "О, — сказал он, — вы увидите, какого она сделает из него человека. Он все "пожирает". В одну зиму

он "пожирал" поэтов и поэмы, в другую несколько историков, романы нам надоедают, и мы увлекаемся Альгаротти и его товарищами. Не получив образования, мы приобретаем бесчисленные познания, и мы любим только общество самое образованное. Ко всему этому мы строим и садим, мы благотворительны, веселы, честны и кротки"».

Все так, «мы» действительно очень неглупы от природы, понимая, что это очень нравится Екатерине, любознательны сверх меры. «Мы» коллекционируем произведения живописи и ювелирные украшения, благо ни в чем нет отказа, «мы» так нарисовали профиль государыни, что рисунок этот перенесли на денежную монету. В XVIII веке рисование профилей было особым видом искусства, их рисовали в виде тени, вырезали из бумаги и так далее. Но более всего «мы» любим императрицу Екатерину, «мы» преданы ей бесконечно. Как никто!

Екатерина любила молодых людей, это понятно, но Ланской «вступил в фаворитскую должность» в двадцать один год, поэтому естественно встает вопрос: за вычетом царских регалий, чем его очаровала шестидесятилетняя красавица? Эдипов комплекс здесь присутствует в полной мере, да и в отношении к нему Екатерины есть что-то материнское. У нее уже два внука, она сама пишет им «Азбуку» — некий букварь. Работу эту она обсуждает с Ланским, тут уж он не скупится на советы.

Нелюбимый сын Павел в это время с супругой великой княгиней Марьей Федоровной путешествовал инкогнито (под фамилией Северные) по Европе, можно было отдохнуть от неприятных разговоров с наследником престола, который был зол, обижен на весь мир, насторожен, не сын, а сплошной укор. Умный Ланской всегда старался смягчить разногласия матери и сына, Александр Дмитриевич всегда

со всеми был в хороших отношениях. Бывали и накладки. Дашкова, например, пишет, что фаворит, видимо по внушению императрицы, вначале оказывал ей внимание, но наедине «при малейшей возможности выказывал явное недоброжелательство». Фаворит ревновал императрицу к ее прошлому.

Ланской сам переписывался с Гриммом, тот помогал молодому человеку находить в Париже предметы для коллекционирования. Изучение в юности французского языка не пошло фавориту на пользу, сам он не решался писать по-французски, поэтому за него Гримму писала императрица, а ему оставалось только поставить подпись.

Екатерина засыпала его почестями и наградами. В двадцать один год он уже камергер, затем назначен шефом Смоленского драгунского полка, в 1783 году награжден орденами Святого Александра Невского и Святой Анны. Через год юный фаворит получил высшее придворное отличие — звание генерал-адъютанта с производством в генерал-поручики. Состояние Ланского было огромным и составляло где-то шесть миллионов рублей, куда входили дома, имения, коллекции, крестьянские души.

Из длинного ряда фаворитов Ланского выделяет ранняя, загадочная смерть, о которой сочинили кучу небылиц и продолжают их смаковать до сих пор. Во всяком случае, осталось свидетельство лечащего врача Вейкарта, что, мол, для сохранения «мужской силы», о которой Екатерина с восторгом писала Гримму, молодой человек пользовался возбуждающим средством — контаридом. Пикуль пишет о некоей «шпанской мушке», которую широко использовали в те времена для сохранения потенции. Заболел Ланской в июне, почувствовав боль в горле. Позвали врача, жар усиливался. Врач сказал, что злокачественная лихорадка

заразительна, а потому государыне не следует находиться рядом с больным. Екатерина словно не услышала это предупреждение. Она бросила все дела и находилась при Ланском неотлучно, сама была сиделкой, сама давала лекарства. Болезнь не отступала.

Придворный медик Вейкарт был не сразу призван для лечения. Виной тому были сплетни: мол, немец ничего не смыслит в медицине, но главное, Екатерина не могла до последней минуты сознаться себе, что речь идет о смертельной опасности. Вейкарт был позван к больному только на пятый день. Врач заглянул в горло Ланского и тут же сказал, что молодой человек обречен. Так оно и произошло. На пятый день болезни Александр Дмитриевич Ланской скончался. Диагноз: злокачественная лихорадка в соединении с жабой. Что подразумевалось под словом «жаба», я не знаю, в наше время бывает «грудная жаба», так прозвали стенокардию. Вряд ли у молодого человека было больное сердце. Современные медики поставили вполне понятный для нас диагноз — дифтерит. Сейчас всем детям делаются прививки от страшной болезни, а в XVIII веке она косила людей, как оспа.

После смерти Ланского Екатерина разве что не помешалась от горя, она сутками плакала не переставая, отказывалась всех видеть и вообще забыла о своих обязанностях императрицы. Вот ее письмо к Гримму, которое она начала еще до болезни Ланского, а потом отложила до времени: «Когда я начинала это письмо, я была счастлива, и мне было весело, и дни мои проходили так быстро, что я не знала, куда они деваются. Теперь уже не то: я погружена в глубокую скорбь, моего счастья не стало. Я думала, что сама не переживу невознаградимой потери моего лучшего друга, постигшей меня неделю тому назад. Я надеялась, что он будет опорой моей

старости: он усердно трудился над своим образованием, делал успехи, усвоил мои вкусы. Это был юноша, которого я воспитывала, признательный, с мягкой душой, честный, разделяющий мои огорчения, когда они случались, и радовавшийся моим радостям.

Словом, я имею несчастье писать вам, рыдая... Не знаю, что будет со мною; знаю только, что никогда в жизни я не была так несчастна, как с тех пор, как мой лучший и дорогой друг покинул меня...»

Недели тянулись одна за другой, а Екатерина не могла избавиться от своей «меланхолии», чуть что — опять слезы. Вывел ее из этого состояния Потемкин. Он явился к ней вместе с Федором Орловым, и оба богатыря принялись вместе с хозяйкой обливаться слезами.

И еще одна история, о которой не скажешь сразу — была или легенда. Камер-фурьерский журнал пишет, что погребение Ланского «с должной честью» 27 июня 1784 года произошло на кладбище близ соборной церкви Святой Софии. Однако многие авторы утверждают, что вначале Ланской был по собственному завещанию похоронен в Царскосельском парке, что и было исполнено. Но вскоре могила фаворита была осквернена — тело отрыли, изуродовали, в довершение оставили на месте преступления записки мерзкого содержания, и якобы уже после этого Екатерина захоронила своего любимца близ Софийского собора, а над могилой возвела мавзолей. Что-то я в эту легенду не очень верю, хотя все бывает.

А вот вторая история, завещание покойного подтверждают документы. Ланской распорядился все свое богатство вернуть в казну. Кавалергарды оценили этот поступок как положительный, почти верноподданнический: мол, государство меня сделало богатым, ему я все и возвращаю. У меня к

богатству государства чисто советский подход, это «закрома родины, которые не имеют дна», что туда ни высыпи, все провалится в черную дыру, поэтому я ничего хорошего в посмертном распоряжении не вижу. По-моему, это чистый воды эгоизм: я ухожу, но и вам пусть ничего не останется. Мог бы и о семье позаботиться.

Видимо, у Екатерины тоже было «советское» отношение к государству, она решила, что казна не обеднеет, поэтому все имущество Ланского оставила в семье. Дома, деревни, деньги и прочее имущество фаворита было роздано его родственникам, не обидели и мать, и брата, и сестер. К этому времени сестры уже весьма удачно вышли замуж, а брат сделал отличную карьеру. Коллекцию живописи приобрела сама Екатерина за 350 000 рублей. Скорбь о потерянном друге была столь велика, что целый год она не заводила себе любовников.

Статья о Ланском в сборнике Кавалергардский корпус заканчивается такими словами: «Ланской, вознесенный волею императрицы на высшую степень почестей, при жизни своей представлял из себя пример такой верной преданности Екатерине, которой она, по ее собственному утверждению и по свидетельству современников, в жизнь свою не встречала. В этой безграничной преданности императрице и в том, что, сделавшись сильным человеком, Ланской не пользовался своим влиянием, чтобы вредить другим, состоит его заслуга». Я вполне разделяю мнение авторов Кавалергардского сборника и от себя добавлю: не пакостить ближним по нашим временам уже немало.

Кстати, П.П. Ланской, второй муж Натальи Гончаровой, жены Пушкина, приходился Александру Дмитриевичу Ланскому двоюродным племянником. Как все в русской истории завязано!

Ермолов Александр Петрович ***(1754–1838)***

Лонгинов, перечисляя фаворитов и сроки из «службы», явно завысил время пребывания Ермолова при дворе — почти три года. Это не так. После смерти Ланского императрица действительно «постилась» чуть ли не год.

О Ермолове Александре Петровиче известно очень мало. Князь М.М. Щербатов написал о его жизни «в случае»: «Он не сделал ничего», то есть ничего хорошего, но и ничего плохого. Добро люди забывают быстрее, чем зло. Хотя бы поэтому мне не хочется чернить этого фаворита, поэтому будем верить тому, что о нем было сказано хорошего.

Относительно самого попадания Ермолова «в случай» налицо разночтения. Щербатов пишет, что Екатерина обратила на юношу внимание, когда тому было всего тринадцать лет. Она тогда путешествовала по Волге (1767 год), на обратном пути остановилась в доме прапорщика Петра Леонтьевича Ермолова. Здесь ей и попался на глаза красивый и умненький мальчик. В нем она увидела будущего служителя России, обняла его и сказала: «Поздравляю тебя, друг мой, с чином капрала конной гвардии». Мальчик вместе с царским двором отправился в Петербург, восемнадцать лет он честно служил в армии, получая повышение по службе согласно артикулу. В фавориты он попал в 31 год.

Балязин В.П. — очень дотошный исследователь — рисует другую картину. Он утверждает, что представил Ермолова

императрице, как всегда, Потемкин. И оказывается, был еще один претендент, уже упомянутый мной ранее, сын Екатерины Дашковой — Павел Михайлович Дашков. Молодому человеку было 22 года, он был хорош собой и европейски образован, с матерью объездил всю Европу. Вернувшись на родину, он стал адъютантом Потемкина, получил чин полковника и был представлен императрице в качестве претендента на чин флигель-адъютанта. Должность эту, как утверждает Балязин, Павел Дашков не получил из-за того, что вдруг скоропалительно женился на купеческой дочери Алферовой. Дашкова была оскорблена этим мезальянсом и никогда не общалась с невесткой.

Мне кажется маловероятным, что Потемкин метил Павла Дашкова в фавориты. Сама Екатерина Дашкова в своих «Записках» пишет только, что активно противилась этому, причем ее отношения с самим Потемкиным были всегда хорошими. Кстати, именно князь уговорил ее занять пост президента Академии наук. Дашкова боялась этой должности, хотела отказаться, но Потемкин нашел нужные слова и аргументы — назначение состоялось. Мало кто так радел о воспитании своих детей, как Дашкова, но ни сын, ни дочь не оправдали ее надежд. Дочь неудачно вышла замуж, промотала состояние, ее образ жизни был совсем непонятен матери. Сын был обычный служака, много играл в карты — а кто не играл, собственно, о нем и рассказывать нечего.

Вернемся к Ермолову. О нем известно, что он был умен, хорошо образован, скромен. Конечно, когда он был на должности, то имел кучу просителей. Желая быть справедливым, он помогал людям и, видимо, никому не сделал значительной гадости. Делами государственными он пренебрегал, но сопровождал императрицу во всех поездках. Сегюр подробно описывает ее северное путешествие в Верхний Волочок, на Ладожский канал и т. д. Верный Ермолов сидит в карете

рядом с императрицей. 1785 год знаменит тем, что Екатерина, наконец, приняла Жалованную грамоту дворянству. Может быть, фаворит этому как-то способствовал? Еще в этом году был отменен старый русский обычай, по которому государственные прошения на высочайшее имя писались с обязательным: «Бьет челом раб твой» — далее имя и фамилия. Смешно читать письмо к государыне Елизавете за подписью «раб твой Кант». Это было после взятия Кёнигсберга, а великий философ был жителем этого города. Теперь по повелению Екатерины слово «раб» сменили на «подданный».

Екатерина ни разу не написала о Ермолове Гримму, во всяком случае, я не нашла упоминаний о нем в их длительной переписке.

О Ермолове настолько нечего писать, что я воспользуюсь случаем и расскажу о постоянном и верном адресате Екатерины — бароне Гримме. Фридрих Мельхиор Гримм приехал в Россию в первый раз в 1773 году вместе с ландграфиней Гессен-Дармштадтской и ее дочерью, будущей женой (первой) Павла Натальей Алексеевной. Здесь же он познакомился с Екатериной, и она позвала барона к себе на службу. Тот не ответил ни «да», ни «нет» и начал думать. Думал он долго и наконец ответил — нет, он уже слишком стар, 50 лет — это не тот возраст, чтобы начинать новую жизнь, он не знает русского языка, не знает русского общества, он боится завистников. Екатерина обиделась: «Я не понимаю таких утонченностей!» — но общение с Гриммом продолжала.

А общение было очень частым и приятным — они разговаривали. В своих «Записках» Гримм рассказал, как это происходило. После карточной вечерней игры Екатерина звала Гримма в свои покои, садилась с рукоделием, барон усаживался напротив, и начиналась беседа. Екатерина любила поговорить, она умела слушать и очень точно схватывала мысль собеседника, общение было почти ежедневным

и очень приятным. Днем они тоже виделись. Гримм был не просто влюблен, он боготворил императрицу, он любил ее не меньше, чем самый преданный из фаворитов — Ланской.

Любил, но служить в России не остался. Весной 1774 года он заболел, врачи порекомендовали ему Италию. Он уехал, но через два года опять явился в Петербург. На этот раз Екатерина предложила Гримму управление училищами, которые она собиралась учредить. И опять влюбленный барон ужом вылез из цепких рук Екатерины — какие еще училища, как он ими будет управлять? Он был готов «стать собакой у ее ног», и что ему государственная служба, после которой Екатерина его тут же забудет и бросит.

Но императрица нашла-таки Гримму выгодное и для него, и для нее место. Они стали переписываться. Екатерина была истинной графоманкой, она писала, он строчил ответ. Вначале они использовали почту, но это слишком медленно и ненадежно. Тогда Екатерина начала использовать курьерскую службу. Курьеры мотались между Парижем и Петербургом с пакетами, иногда Екатерина отправляла эти пакеты ежедневно. Гримм пишет, что императрица русская была его единственным счастьем, он только и делал, что сочинял ей ответы. «Я слил свою жизнь с жизнью императрицы, я был неразлучен с ней, хоть огромное расстояние отделяло ее от меня». И в Петербурге, и в Париже были уверены, что Гримм — личный шпион Екатерины. В самом деле, обо всем, что происходило значительного во Франции, Екатерина узнавала на следующий день. Иногда через Гримма она передавала пакеты для французского министра, обсуждались дела торговые, отношения с Турцией, завоевание Крыма и т. д.

Все время переписки Екатерина платила Гримму жалование — 2000 рублей в год, что по вексельному курсу было «зарплатой» работника русского дипломатического корпуса.

В 1786 году Гримм был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени, орден он тоже получил по почте. Дипломатические отношения с Францией поддерживались до 1792 года. Екатерина ненавидела французскую революцию, оно и понятно. В России было полно беженцев. На всякий случай она положила на имя Гримма деньги в Московский опекунский совет. Екатерина велела уничтожить свою переписку с Гриммом, но тот с невероятными приключениями, тайно вывез ее в Германию. Барон Гримм пережил свою обожаемую императрицу на одиннадцать лет и умер в возрасте 84 лет.

О причине отставки Ермолова пишет все тот же Сегюр. Он называет поведение Ермолова интригой, а я думаю, фаворит просто хотел быть справедливым. А дело вот в чем. После присоединения Крыма хан Сагим-Гирей по обоюдному согласию с императрицей должен был получать ежегодное вознаграждение. Передача жалованья была поручена Потемкину, но он тянул с оплатой, год шел за годом, а денег все не было. Хан, подозревая Потемкина в утайке денег, написал на него жалобу императрице, а чтобы скорее и вернее дошла, обратился непосредственно к Ермолову. Тот схватился за голову: как? Мы же обещали! О происходящем немедленно проведаль двор, блеснула надежда, что ненавистный экс-фаворит и фактический правитель будет, наконец, свергнут. Уже поползли слухи, что Потемкин просто украл эти деньги. Екатерине ничего не оставалось, как высказать ему свои претензии.

Можно себе представить реакцию на этот сыр-бор самого князя Таврического. Он не стал ни объяснять, ни оправдываться. Более того, он уехал из Петергофа в Петербург, где все дни проводил у Нарышкиной за картами, пьянством и весельем. Здесь и двор растерялся, и иностранные министры не знали, как себя вести: кто главнее — Потемкин или Ер-

молов? Сегюр сам поехал к Потемкину увещевать его, дабы тот умерил гордость и объяснился с императрицей,

«— Как! И вы тоже хотите, чтобы я склонился на постыдную уступку и стерпел обидную несправедливость после всех моих заслуг? Говорят, что я себе врежу; я это знаю, но это ложно. Будьте покойны, не мальчишке свергнуть меня: не знаю, кто бы посмел это сделать.

— Берегитесь, — сказал я, — прежде вас и в других странах знаменитые любимцы царей говорили тоже: "Кто смеет?" Однако после раскаивались.

— Мне приятна ваша приязнь, — отвечал мне князь. — Но я слишком презираю врагов своих, чтоб их бояться».

Далее Сегюр пишет, что гроза над Потемкиным сгустилась, уже Ермолов принял участие в управлении банка вместе с графами Безбородко, Шуваловыми, Воронцовым и Завадовским. «Наконец повестили об отъезде Потемкина в Нарву. Родственники потеряли всякую надежду; враги запели победную песнь; опытные политики занялись своими расчетами; придворные переменили свои роли».

И вдруг известие — Потемкин, как всегда, победил, а «Ермолов получает 130 000 рублей, 4000 крестьянских душ, пятилетний отпуск и возможность ехать за границу». По другим источникам, «отпуск» был трехгодовым, о количестве подаренных денег тоже пишут по-разному. Не суть важно. В июне 1786 года с рекомендательными письмами от Безбородко Ермолов отбыл в Германию. Из Германии он направился в Италию. Россия уже вступила во вторую турецкую войну, а он спокойно рассматривал полотна Рафаэля и Тициана.

Вернувшись в Россию, Ермолов какое-то время жил в Москве, но потом заскучал и опять уехал в Европу, видимо, ему там больше понравилось. В Австрии, близ Вены, он купил себе поместье Фросдорф, где и дожил благополучно до 82 лет.

Потемкин и Новороссийский край

После Кучук-Кайнарджийского мира при дворце султана царило уныние, флот был разбит, долги непомерные, армия в беспорядке. Любое государство тяжело переносит поражение в войне. В голове Екатерины ожили старые планы. Сейчас ей казалось, что турок можно взять голыми руками, а Потемкин с его гигантоманией очень поддерживал императрицу в этом стремлении.

В 1779 году у Екатерины родился второй внук. Мальчика нарекли Константином, и не случайно. У него была греческая кормилица, даже для детских игр ему подбирали мальчиков из греков — играй, а заодно учи язык. По замыслу Екатерины, Константин должен был окончить дело Петра Великого — установить господство на Черном море, а также осуществить планы Великой бабушки — освободить страждущих от гнета турок христиан. Правда, освобождать будет тоже бабушка, она же создаст на освобожденных землях новое государство Дакию, в которую войдут Молдавия, Валахия и Бессарабия. А там, глядишь, и Константинополь будет взят, а на престол посажен новый государь — великий князь Константин Павлович. Турки владеют Константинополем без малого 350 лет, владеют незаконно, и пора прекратить это безобразие. Планы эти были вполне серьезны. Недаром во время известного путешествия с Екатериной в

1787 году австрийский император Иосиф II от изумления открыл рот, когда увидел надпись над аркой где-то в Крыму: «Вперед в Византию!»

Интрига для осуществления этого плана начала завязываться еще в 1781 году, когда Екатерина заключила тайный договор с Иосифом II. Безбородко, именно в это время началась его блестящая карьера, строчил докладные записки, Потемкин подкидывал новые идеи. И вот уже два императора, Екатерина и Иосиф, делят шкуру неубитого медведя. Австрийский император затребовал много земель, он хотел «округлить свою империю», а для этого ему было мало Белграда, Хотина, твердых, принадлежащих Венеции земель и т. д., он еще хотел отщипнуть могучий кусок от существующей только на бумаге Дакии. Екатерина на этом фоне выглядела почти бессребреницей, она претендовала только на Очаков и один-два острова в Греческом архипелаге для безопасности нашей торговли, но главной задачей считала целую и неделимую Дакию.

В общем, пока не договорились, обиженный Иосиф написал Екатерине, что, пожалуй, пока рано воевать с Турцией, пока надо все спорные вопросы снимать мирным путем. Союзника в этом огромном предприятии Екатерина пока не нашла и решила довести до конца уже начатое дело — решить вопрос с Крымом.

Крым с Шагин-Гиреем на престоле формально был независим, но отношения шаха с местным населением — крымцами — были крайне напряженные. На полуострове было полно русских солдат, обеспечивающих ему власть, уже возникла «русская партия», которая просилась под крыло России. Идеологом «русской партии» был Потемкин, о чем свидетельствует его активная переписка с императрицей. В конце концов, Шагин-Гирей уступил свои права Екатери-

не, и указом от 8 апреля 1783 года Крым стал провинцией России. Свершилось! В результате этой акции Потемкин получил титул светлейшего князя Таврического.

С приобретением Крыма деятельность Потемкина вошла в новую фазу. Теперь Новороссийское наместничество стало для него поистине краем обетованным. Кроме освоения и заселения этих земель, он должен был создать здесь сильную армию и флот. На берегу Днепра он решил заложить город Екатеринослав, полноценный город с большим населением, мануфактурами, фабриками, административными зданиями, школами и театром. Потом он пригласит для работы знаменитого архитектора Казакова (чувствуете размах!), но тот откажется, ссылаясь на занятость. А пока надо обезопасить новые земли от нападения неприятеля, для этого укрепить армию и построить черноморский флот. Турецкой деревушке Архаир предстояло стать Севастополем, а бухте Ингул превратиться в город Николаев с огромной верфью.

Перестройку армии он начал, казалось, с малости — с изменения солдатской формы. Уже весной 1783 года, занимая пост вице-президента Военной коллегии (при Александре I коллегии переименовали в министерства), Потемкин подал Екатерине записку, в которой говорилось о переустройстве в армии. В первую очередь речь шла об одежде, которая хороша для парадов, но в которой нельзя воевать. Все эти парики с буклями и косицами, узкие неудобные мундиры, подвязки, белые лосины, требующие постоянной стирки, узкие, тесные сапоги были истинным наказанием для солдат: поддерживать в надлежащем порядке трудно и надевать долго. «Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрой, салом, мукой, шпильками, косами. Туалет солдатский был таков, что встал, то готов».

Екатерина поддерживала все начинания Потемкина. Крепости и города строились, дороги прокладывались, в Херсоне, Таганроге и Севастополе строились верфи, со стапелей сходили новые судна. Край расцветал на глазах. Текст этот похож на передовицу советской прессы, но ведь было! Из песни слов не выкинешь.

У Потемкина было много недоброжелателей, которые не раз пеняли Екатерине, что слишком много денег уходит на освоение нового края, а стоил ли он того? И можно ли верить Потемкину? Он сказочно богат, а это значит пополняет свои богатства за счет казны. Ну, не может он не красть! Все крадут, но ни у кого нет таких возможностей, как у императорского любимца. Не одобрял Потемкина и австрийский император Иосиф II. Он и подкинул Екатерине идею: а почему бы вам, ваше величество, не поехать на юг и самой посмотреть, что там наделал князь Таврический? Сказано это было на встрече в Могилеве еще в 1781 году, и Екатерине понравилась эта идея, но осуществили ее только шесть лет спустя. Потемкину такая отсрочка была только на руку. У него, как у героя Джека Лондона «Время не ждет», каждая минута была на учете, и он сумел достойно подготовиться к встрече государыни.

Екатерина много ездила по стране, поездка в Крым, на которую ушло полтора года, была последней и самой важной. Важной потому, что это путешествие имело политический подтекст. Турция и Швеция грозили войной, Екатерине надо было показать Европе, что Россия сильна, как никогда, она искала союзников. С императрицей ехал весь двор, огромный штат обслуги, иностранные послы, в дороге присоединились приглашенные правители: император Иосиф II и король польский Станислав Август.

2 января 1787 года под гром салюта императорский кортеж выехал из Петербурга. Он состоял из 14 карет, 164 саний, в хвосте ехали еще 40 запасных. Маршрут был намечен следующий (и он был осуществлен): Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов, Киев, оттуда до Екатеринослава плыть по Днепру. Перед порогами все пересаживаются в кареты, далее Херсон и Крым. Обратный путь: Черкассы, Бахмут, Тор, Изюм, Харьков, Курск, Орел, Москва и, наконец, Петербург.

Выехали зимой, потому что в прочие сезоны в России бездорожье. Для самой Екатерины построили дом на полозях. Дом состоял из кабинета с небольшой библиотекой и рабочим столом, гостиной, в которой могло бы разместиться восемь человек, в гостиной игорный столик — не без этого, — кресла и прочая мебель. В дороге императрица могла работать, она принимала сановников, писала бумаги, читала отчеты. Дом везли тридцать лошадей. Обедали и ужинали на постоялых, заранее построенных дворах. Павленко пишет: «От Петербурга до Киева было устроено 76 таких станций, на каждой из них приготовили 550 лошадей. На каждой станции сооружались помещения для хранения припасов: 3 рогатые скотины, 3 теленка, 15 кур и 15 гусей, два пуда крупитчатой муки, один пуд коровьего масла, 500 яиц, 6 окороков, фунт чаю, полфунта кофе, бочонок сельдей, 2 пуда сахару, вина белого и красного по 3 ведра, 50 лимонов и пиво».

Все это безумие было организовано Потемкиным. Правда, за дорогу он не отвечал, здесь трудились другие герои, но главным режиссером поездки был, конечно, князь Таврический. Он разослал с курьерами по большим и малым городам бумаги с указаниями ритуала встречи. Каждый из встречающих любого звания должен быть «в совершенном опрятстве», представители дворянства чтоб в парадных мун-

дирах, улицы — перекрывать, больным и увечным на встречу ни-ни, и еще «чтоб монашество разного пола по улицам не шаталось», а сидело бы по кельям. И только одна радость всем доступна, радость и счастье, и крики «ура!» Это не что иное, как грандиозный спектакль от Балтийского моря до Черного, а труппа — все население России.

Главный бытописатель Потемкина у нас сейчас Пикуль, и он искренне возмущен надуманным, никчемным и несправедливым вошедшим в обиход выражением «потемкинские деревни». А кто сочинил этот унижительный слоган? Пикуль объясняет, что крылатое выражение возникло не в отечестве, а во враждебной нам Европе, некий русофоб саксонец Георг Гельбиг выбросил его на политический рынок. Мало того что слоган прижился за бугром, там и дома его поддерживали враги Потемкина, те самые помещики, чьим беглым он дал в Тавриде вольную.

Строил ли он вдоль дорог картонные деревни или нет — не суть важно. Наверное, строил, потому что это суть неистребимая привычка русских. Мы строим «потемкинские дороги» перед приездом начальства, «потемкинские милиционеры» перекрывают шоссе из Домодедова и Шереметьева, перед приездом высокого начальства, зовется ли он генсеком, императором или президентом, у нас подметают степь, красят траву и истребляют комаров. И все-таки Потемкин молодец! Путешествие Екатерины было организовано великолепно, только очень дорого. Кто-то называет цифру в 7—8 миллионов, другие историки ее удваивают. По тем временам немыслимые деньги, но что мелочиться-то? Не в нашем это характере! Прокатитесь по губернским городам, и, если по нему не прошла война, вы найдете бывший дорожный дворец Екатерины. Помимо дворцов еще сооружали триумфальные арки, а там встреча с оркестром,

хлеб-соль, ружья палят, обыватели плачут от счастья... Бедная государыня, как у нее сил хватало.

Киев императрице не понравился. От древней столицы ничего не осталось. Две крепости, какие-то разрозненные дома, не город, а предместье, и улицы плохо мощены. Пишу об этой подробности, потому что в этот текст затесался будущий наш герой — Дмитриев-Мамонов (о нем подробно я расскажу позднее). Именно своему фавориту Екатерина поручила выразить Румянцеву свое недовольство по поводу Киева. Фельдмаршал оскорбился, добро бы сама государыня делала замечания, а чего ради этот молокосос вылез вперед. «Передайте ее величеству, — сказал он строго, — мое дело брать города, а не строить их и еще менее — украшать». У Екатерины хватило ума не обидеться, она согласилась с таким ответом.

После Киева императрица со свитой пересела на корабль, плавание по Днепру продолжалось 14 дней. Далее город Канев, здесь к свите императрицы присоединился Станислав Понятовский. Можно представить, как польский король ждал этой встречи, как волновался. Он прибыл в Канев очень загодя, долго готовился к встрече с Екатериной, потратив на украшение города, на иллюминацию и бал в честь императрицы, по свидетельству Сегюра, три миллиона. Встреча их была холодной. Екатерина сразу дала понять, что никаких воспоминания о далекой юности не будет. Она была величественна, великолепно и крайне официальна. На бал императрица не пошла. После праздника польский король присоединился к путешествующим.

Далее Кременчуг, первый город Новороссии. Город этот памятен в путешествии тем, что здесь Потемкин представил обществу уже военный театр — маневры, о которых Сегюр отозвался с большим одобрением. Армия была не игрушеч-

ная — настоящая. «В Кременчуге Потемкин доставил нам зрелище больших маневров, в которых участвовали 45 эскадронов конницы и многочисленная пехота. Я редко видывал такое прекрасное и многочисленное войско». Оценке французского посланника можно верить. До приезда в Россию Сегюр успел повоевать в Америке на стороне Вашингтона и получить за военные заслуги орден.

В Кременчуге архиепископ края Амвросий приветствовал императрицу длинной речью. Панегирик сей был тщательно отредактирован самим Потемкиным, он заставил архиепископа выучить речь наизусть. Закончил Амвросий словами благодарности Екатерине: «Сей край славе ее принадлежит, а потому народу оно было сугубо мать». Императрица-мать осталась очень довольна этим городом.

В Херсонесе к кортежу Екатерина присоединился австрийский император Иосиф II. Здесь уже вырос город, полный самой разноязычной публики, уже построена была оборонительная крепость, но главной его достопримечательностью был, конечно, флот. 15 мая в честь государыни состоялся спуск на воду готовых кораблей. Опережая фантазию Александра Грина, Потемкин построил для Екатерины паром с алыми парусами. В центре парома стоял роскошный трон. На воду спустили линейный корабль «Владимир» и два фрегата «Иосиф II» и «Александр».

В Бахчисарае Екатерина пять дней прожила «между мечетями и минаретами». Не будем подробно описывать все пункты путешествия, их сохранила хроника, но о Севастополе надо рассказать особо. Сегюр пишет: «Все придавало Севастополю вид довольно значительного города. Нам казалось непостижимым, каким образом в 2000 верстах от столицы, в недавно приобретенном крае, Потемкин нашел возможность воздвигнуть такие здания, соорудить город,

создать флот, утвердить порт и поселить столько жителей; это действительно был подвиг необыкновенной деятельности». В Севастополе Екатерине устроили демонстрацию флота с выходом его в море и военными маневрами.

На обратном пути было еще значительное событие, в Полтаве, городе петровской славы, были устроены в честь приезда императрицы крупные маневры русских войск, изображавших битву 1709 года. В маневрах участвовали 70 батальонов, общее руководство осуществлял Потемкин. Эта настоящая, серьезная мужская игра очень понравилась императрице. Князь Таврический был горд. В конце пути Екатерина написала ему письмо: «Третьего дня окончили мы свое шеститысячеверстное путешествие, приехав на сию станцию в совершенном здоровье, а с того часа упражняемся в рассказах о прелестном положении мест, вам вверенных губерний и областей, о трудах, успехах, радении, усердии, попечении и порядке, вами устроенном повсюду».

Письмо полно оптимизма, но Россия была уже на пороге второй русско-турецкой войны, в которой Потемкин принимал самое активное участие.

Князь Таврический

под другим углом

Теперь надо сбавить обороты и посмотреть на Потемкина под другим углом зрения. Да, он много сделал для России, он был полководцем, дипломатом, царедворцем, предпринимателем, он создал новую страну под названием Новороссийская, он был работоголик, мозг которого даже в минуты видимой лени беспрестанно работал. Он был яркой натурой, правителем огромного края, некоторые вообще называли его фактическим правителем государства, но не будем забывать, что для своих современников он, истинно народный герой, совмещал в одном лице мифологические образы — Распутина, Чапаева, Ломоносова и Абрамовича с его самой большой в мире яхтой. Можно представить, сколько врагов было у светлейшего при дворе, его не только боялись, но и ненавидели. И было за что.

Во всем он не знал умеренности — в религиозном экстазе, в пьянстве, в любви и, конечно, в работе, которая делалась словно сама собой. Марк Алданов пишет, что Потемкин «потерял чувство размера и в политике, и в частной жизни». По-моему, это очень точно.

Среди врагов Потемкина были не только черные завистники, сплетники и неудачливые карьеристы. Среди них были разумные, близкие ко двору сановники, радеющие о пользе Отечества, и просто люди, пораженные слишком эк-

зотическими причудами царского любимца. Потемкин был слишком избалован вниманием и любовью окружающих, любовью иногда искренней, а чаще показной. Ему все удавалось, и, словно дразня публику, он позволял себе кое-как одеваться, пренебрегать этикетом, то он «облит брильянтами», весь напомажен и ухожен, а то в халате на голое тело и босой принимает в спальне важных вельмож. Вспыльчивый, неуравновешенный, он позволял себе быть рабом плохого настроения, которое называл хандрой.

А.Г. Бритнер, ссылаясь на записки современника, описывает прием Потемкина в Могилеве в 1789 году: «Около семи часов перед губернаторским домом остановились его сани. Из них вышел высокого роста и чрезвычайно красивый человек с одним глазом. Он был в халате и его длинные нерасчесанные волосы, висевшие в беспорядке по лицу и плечам, доказывали, что человек этот менее всего заботится о своем туалете». Торжественная встреча, приветствие от жителей всех сословий, речи, поздравления, а он, великий, в халате и с нечесаной головой. Может быть, писавший эти строки перепутал халат с тулупом, ведь была зима, но парик-то, по обычаю времени, князь мог на себя нацепить. О своем туалете люди заботятся не только чтобы покрасоваться, но чтобы выказать свое отношение и уважение к встречающим тебя людям. Собрались в большой зале, приветственные и хвалебные речи продолжаются, Потемкин сидит мрачный, смотрит в пол... «Князь все это время не открывал рта и не подымал головы, как с тем, чтобы проглотить большой стакан кислых щей, который ему подносили каждые четверть часа. Мне сказывали, что этот напиток, приготовленный для него необыкновенно густым, служил ему питьем и пищей, и он выпивал его в день до пятнадцати бутылок».

А на следующий день, когда «прошла ипохондрия», Потемкин был оживлен и весел, вместе со всеми обедал, принимал участие в разговоре — совсем другой человек, правда одежду так и не сменил, все тот же халат. В извинение князю скажем, что халат он перенял у турок, а у них это и повседневная, и праздничная одежда. Это уж потом халат стал у нас считаться чем-то интимным, домашним. В Туле и по сию пору бытует легенда о том, как принимали однажды в дворянском собрании графа Толстого. Уже вошла в обиход поговорка «граф, пахать подано», уже толстовцы хором твердили о «непротивлении зла насилием». В общем, дворянское собрание оделось соответственно, и обед был более чем скромным, а граф, вдруг забыв о «толстовке», явился во фраке с бабочкой. Я ни в коем случае не сравниваю Толстого с Потемкиным, только хочу сказать, что у гениев свои причуды, их поведение непредсказуемо.

Вот еще одно высказывание человека, относящегося к Потемкину вполне благожелательно. Глинка С.Н. (1776—1847) — сосед Потемкина по смоленской усадьбе, поменявший военную службу на перо, словом, широко известный литератор, — в своих «Записках» пишет: «И у нас, и в Европе говорили, что Екатерина и царствовала и привлекала сердца. <...> Ум ее постиг, что сильная богатая и чиновная аристократия домогается по духу своему угнетать то, что малочиновнее и маломощнее ее. А потому она и заметила в Наказе своем, что богатым должно полагать преграду к удручению бедных, и что чины суть принадлежность мест, а не лиц.

Князь Григорий Александрович Потемкин, из участи бедного смоленского шляхтича перешедший на череду князя Таврического, — Потемкин был при Екатерине главным оплотом от притязаний сильной аристократии, лучше сказать, против вельможной гордыни».

О привычках князя Таврического он пишет очень выпукло: «Память, желудок и сладострастие его все поглощали. Он метил из гвардии в монастырь, а попал в чертоги Екатерины. В глубоком раздумье грыз он ногти, а для рассеяния чистил брильянты. Женщин окутал в турецкие шали, а мужчин нарядил в ботинки. Поглощал и ананасы, и репу, и огурцы».

Турецкие шали ввел в моду именно Потемкин. Они были у нас очень дороги, все-таки натуральный шелк. Рассказывали анекдот, что, желая сделать подарок тайной своей любви, конечно чьей-то жене, он всех дам на вечере одарил турецкими шальями, а потом сознался своей обожаемой, что сделал это ради нее одной.

А теперь представим, что думал по поводу Потемкина, скажем Ф.В. Ростопчин, представитель чиновной аристократии, наделенный «вельможной гордыней». Ростопчин вторит Глинке: «Иным казалось, что Потемкин, объевшись, не проснется, а он встанет, как ни в чем не бывало, и еще свежее. Желудок его можно уподобить России, она переварила Наполеона, и все переварит». В этом высказывании проглядывает если не симпатия, то уважение к Потемкину. Ростопчин был губернатором Москвы в 1812 году, Отечественная война была у него на памяти, но при жизни князя Таврического он его ненавидел. Потемкин был враг номер один. И все окружение Ростопчина поддерживало такое же отношение к этому баловню судьбы. Ростопчин был очень близок с нашему послу в Лондоне С.Р. Воронцову, тот в свою очередь был другом Завадовского, это была элита двора, и она никак не могли простить Екатерине ее отношение к Потемкину. Уже после смерти фаворита Ростопчин писал: «... грядущие поколения не благословят его память. Он в высшей степени обладал искусством из добра делать зло и

внушать к себе ненависть». У Семена Романовича Воронцова были свои заботы в отношении экс-фаворита. В начале царствования Александра I он отправил дочь из Лондона в Петербург, заявив при этом, что не решился бы сделать при Потемкине, поскольку тот не пропускал ни одной юбки.

Недоброжелателем Потемкина был и фельдмаршал Румянцев-Задунайский. Об отношении «простого люда» А.Т. Болотов в своем «Жизнеописании» — замечательном литературном памятнике XVIII столетия — пишет, что смерть Потемкина «поразила всю Россию не столько огорчением, сколько радостью».

Легенда о браке Екатерины и Потемкина основывается на мнении иностранных посланников и русских историков П.И. Бартеневе и Д.Ф. Кобеко. Всех мучил вопрос: почему они так странно расстались? Почему обычно щедрая императрица отпустила Потемкина с пустыми руками? Она, правда, пожаловала отставленного фаворита титулом князя Священной Римской империи, но где деньги, где крепостные, где, наконец, серебряный сервиз? Каких-либо документов, подтверждающих это венчание, нет. О нем известно только со слов племянницы Потемкина: Александры Васильевны Энгельгардт, по мужу графиня Браницкой. Она оставила записки, в которых подтверждает, что была на этом тайном венчании свидетельницей. История этих записок детективная. Они якобы попали к графу Строганову, который проживал в Одессе, и там погибли вместе с его архивом. Что тут скажешь? Для меня, например, не важно, были они венчаны или нет, но я думаю, что все-таки нет. Это в восемнадцать лет можно настаивать на венчании. А в сорок пять, да еще такой властолюбивой и прагматичной женщине, как Екатерина, у которой все и без брака было в руках ...сомнительно.

Венчание якобы произошло в Москве, в церкви Вознесения, что у Никитских ворот, там позднее венчался Пушкин с Натальей Николаевной. Но про церковь Вознесения известно другое. Глинка пишет: «Потемкин не делал никакого духовного завещания, но он желал, чтобы в Москве на Никитской, где был скромный деревянный дом отца его, сооружена была церковь». Наследники не сразу озаботились выполнять волю покойного. Строительство завещанного храма было окончено только в 1812 году. Известно также, что Пушкин и Гончарова венчались в одном из приделов недостроенной церкви Вознесения, которая, очевидно, пострадала от пожара Москвы в Отечественную войну. Но предупреждаю, что и относительно истории этой церкви имеются разночтения. Так что каждый имеет право выбрать свою версию. Архивы Дома Романовых не сохранились. Мы никогда точно не узнаем, как был убит царевич Алексей, венчана ли императрица Елизавета с Алексеем Разумовским, оставил ли Александр I трон по собственной воле, став старцем Федором Кузьмичом, или «уклонился в могилу» после трудной болезни, как говорили в XVIII веке, не узнаем, самоубийцей ли был Николай I из-за неуспеха в Крымской войне, или естественная смерть унесла его из жизни.

Но помимо «семейных» отношений Потемкина с императрицей есть о чем поговорить. Легенда о браке хороша тем, что как-то с грехом пополам объясняет разрыв Потемкина и императрицы в 1776 году — власть не поделили, но при этом сохранили добрые отношения до самой смерти. Хотя и без всякого венчания ясно, что Екатерине нужен был на службе такой яркий, неординарный, гениальный, как утверждают многие современники, человек. Но одно точно — этим двум медведям в одной берлоге удалось договориться и разделить

сферы влияния. Спальни отдельно, а прочие отношения остаются прежними.

То, что Потемкин поставлял императрице любовников, не подлежит сомнению. Один из его секретарей оставил такие сведения: многочисленные агенты Потемкина — а их было множество — подбирали подходящих молодых людей. После этого Потемкин заказывал их портреты, которые потом предлагал Екатерине: мол, выбирай, матушка. От этого рассказа сильно пахнет сплетней — совсем как альбом с фотографиями в публичном доме. Какие агенты, если питомник красавцев под рукой — вот они, кавалергарды. Глинка пишет: «Дворяне Смоленской губернии очень были заметны». А у нас сейчас петербуржцы «очень заметны» — это понятно, правителям всегда нужны свои люди. Вот Потемкин и подкладывал под бок государыни «своих людей». Живописцы с портретами для этого случая совсем не нужны.

А вот утверждение, что Потемкин с каждого из пристроенных на должность брал по 100 000 рублей — вполне похоже на правду. А почему бы не взять хотя бы из хулиганства, тем более что заранее известно, что императрица со временем заплатит твоему протекже гораздо больше? Страсть к богатству была у Потемкина поистине безгранична. Екатерина подарила ему два великолепных дворца — Мраморный (когда-то построенный для Григория Орлова) и Аничков, и оба Потемкин потом продал государству за бешеные деньги. В его увлечении роскошью было что-то мальчишеское, монтекристовское. Нравилось ему пить свой квас и разбрасывать налево и направо бриллианты.

Теперь о его отношениях с дамами. У Екатерины были фавориты, любовниц Потемкина современники кто с завистью, кто со злобой называли гаремом. Он не уступал

императрице ни в страсти, ни в щедрости. Сколько их там было — поди разберись. Да ведь никто особенно и не считал. Во-первых, мужчины присвоили себе в любви особые права, а во-вторых, такая уж у Потемкина была аура, ему-де все позволено, потому что он и не человек вовсе, а игрушка природы. У Марка Алданова я вычитала, что после смерти князя в 1794 году в Германии вышел роман под названием «Князь тьмы и его возлюбленная». Князь тьмы — это наш герой, а возлюбленная — явно инкогнито. Вряд ли автор актер Альбрехт рискнул приплести к своему творению российскую императрицу. Алданов к месту вспомнил изречение Лескова: «Проклятие тому гусю, который дал перо, которым написана сия книга». Лучше не скажешь! Рассказывали, что Альбрехт написал свой шедевр в угоду Платону Zubову, который и после смерти ненавидел Потемкина. Через 15 лет этот роман был опубликован в России, то есть ненависти этой хватило на многие годы.

Кто прилепил к Потемкину это понятие — гарем? Вторая война с турками (о ней позднее) внесла свою лепту. Перед штурмом Измаила в 1790 году в русскую армию попал молодой Ришелье — названный впоследствии Эммануилом Осиповичем. Речь идет о дюке Ришелье — основателе Одессы, который в числе многих знатных аристократов оставил Францию после революции. Чтобы принять участие в штурме Измаила, Ришелье должен был получить разрешение Потемкина. Штаб стоял тогда в Бендерах. Потемкин принял Ришелье в огромной, залитой светом свечей комнате. В ней было полно офицеров, а на диване под огромным балдахинном сидело шесть дам-красавиц. Рядом, естественно, Потемкин в халате.

А вот описание этой же залы в Бендерах князя Ланжерона: «Князь во время моего отсутствия велел уничтожить

одну из зал дома, где жил, и построил на том месте киоск, где были расточены богатства двух частей света, чтобы прельстить красавицу, которую он желал покорить. Золото и серебро сверкали, куда ни посмотришь. На диване, обитом розовой материей с серебром, обрамленном серебряной бахромой и убранным лентами и цветами, сидел князь в изысканном домашнем туалете рядом с предметом своего поклонения, среди нескольких женщин, казавшихся еще красивее от своих уборов. А перед ним курились духи в золотых курильницах. Середину комнаты занимал ужин, поданный на золотой посуде».

Существует анекдот того времени о празднике, на котором дамам на десерт подали тарелку с алмазами и золотыми ложечками — черпайте, красавицы, сколько ваша душенька пожелает. Бал Потемкин давал в честь именин императрицы Екатерины. Рядом с Потемкиным сидела его возлюбленная — супруга генерала Долгорукова. Имя княгини было тоже Екатерина, и Потемкин шепнул ей на ухо, что бал дан в ее честь, а слова про императрицу сказаны лишь для прикрытия.

Во все концы России и Европы летели курьеры от князя Таврического, везли ему экзотическую еду, не забывали и репу, а также наряды для любимых женщин, духи, туфельки и драгоценности. Немудрено, что фельдмаршал Румянцев заходил в ярости, когда слышал все это. Правда, тогда война с Турцией шла уже на убыль. А вот выдержка из письма графа Чернышева, речь идет все про тот же лагерь под Измаилом: «Кроме общественных балов, бывающих еженедельно по два-три раза, у князя каждый день собирается немногочисленное общество в двух маленьких комнатах, великолепно убранных; в оных красуется вензель той дамы, в которую князь влюблен. Там бывают одни приглашенные...

Впрочем, Бог знает, чем все это кончится, ибо ждут Браницкую, и уже послан офицер встретить ее. Г-жа Л. должна немедленно приехать и везет с собою молоденькую девушку, лет 15—16, прелестную, как амур...»

С любовницами Потемкина разобраться непросто. Известны имена некоторых красавиц — княгиня Долгорукова, княгиня Гагарина, госпожа де Витт, еще у него было пять племянниц, урожденных Энгельгардт, все красавицы, одна другой краше. Потемкин участвовал в их судьбе, девицы поселились в столице, были приближены ко двору, удачно вышли замуж и разбогатели. Александра, по мужу Браницкая, была любимицей и доверенным лицом князя, на ее руках он и умер. Надежду Энгельгардт Потемкин называл в шутку Надеждой безнадежной, видимо, за ее веселый нрав. Переписка с Варенькой, то бишь Варварой Васильевной, по мужу Голицыной, сохранилась.

Вот письма Потемкина: «Варенька, когда я люблю тебя до бесконечности, когда мой дух не имеет, опричь тебя, другой пищи, то если ты этому даешь довольную цену; мудро ли мне верить, когда ты обещала меня любить вечно. Я люблю тебя, душа моя, — а как? Так, как еще никого не любил... Прости, божество милое; я целую всю тебя».

«Варенька, жизнь моя, ангел мой! Приезжай, голубушка, сударка моя, коли меня любишь...»

«Матушка, Варенька, душа моя, жизнь моя! Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь... Я, идучи от тебя, тебя укладывал и расцеловал и одел шлафроком и одеялом и перекрестил...»

«Варенька, моя жизнь, красавица моя, божество мое; скажи, душа моя, что ты меня любишь, от этого я буду здоров, весел, счастлив и покоен; моя душа, я весь полон тобой, моя красавица. Прощай, целую тебя всю...»

От Вареньки тоже остались письма, это одно из последних, когда любовь к ней князя пошла на убыль: «Если вы помните Бога, если вы когда-нибудь меня любили, то прошу вас забудьте меня навеки, а я уже решила оставить вас. Желая, чтобы вы были любимы тою, которую иметь будете, но верно знаю, что никто вас столь любить не может, сколько я дурачилась понапрасну; радуюсь, что в одну минуту узнала, что я только была обманута, но нелюбима вами».

Остались и безымянные любовные письма, их много. Потемкин нравился женщинам, он умел увлечь, очаровать, слава его сияла ореолом — что говорить! И все эти годы шла активная переписка с императрицей. Потемкин был предан ей до конца: «Душа моя бесценная, ты знаешь, что я весь твой и ты у меня одна. Я по смерти тебе верен, и интересы твои мне нужны», то есть и князь, и императрица понимали: любовь отдельно, дело отдельно. Тон этих писем разный. После разрыва обращения носили официальный характер: «Милостивый государь!» или «Князь Григорий Александрович!», потом сердце императрицы смягчилось, Потемкин был ей родным и близким человеком, появилось и «батенька князь», и «милый мой друг», и «друг сердечный». И Потемкин отзывался с забытой нежностью: «Моя матушка родная, люблю тебя беспримерно...» Екатерина действительно заботилась о Потемкине почти по-матерински.

Флирты, увлечения, вечный любовный запал — вещь обычная при дворе, но к концу жизни Потемкину повезло, он вдруг влюбился, как мальчишка. Предметом страсти стала юная Прасковья Андреевна Потемкина, урожденная Закревская. Прасковья Андреевна была женой троюродного брата Потемкина.

«Жизнь моя, душа общая со мною! Как мне изъяснить словами мою к тебе любовь, когда меня влечет к тебе непонятная

сила, и потому я заключаю, что наши души с тобою сродни... нет минуты, моя небесная красота, чтобы ты выходила у меня из памяти! Утеха моя и сокровище мое бесценное, — ты дар Божий для меня... Из твоих прелестей неописанных состоит мой экстазис, в котором я вижу тебя перед собой... Ты мой цвет, украшающий род человеческий, прекрасное творение... О, если бы я мог изобразить чувства души моей о тебе!»

«Экстазис», это возбужденное состояние, касалось не только любви, он пребывал в нем всегда, когда осуществлял свои фантастические проекты, но экстаз по отношению к Прасковье Андреевне усугублялся тем, что чувство это носило платонический характер. Недаром он долго уверял себя, что испытывает к молодой красавице отцовское чувство. Как выразить любовь? Он обещает выстроить ей дворец — «дом в ориентальном вкусе, со всеми роскошами чудесными». Причем «роскоши», по замыслу дарителя, должны иметь иронический, насмешливый характер, подчеркивающий несравненную красоту Прасковьи Андреевны. «В круг по другим местам разные будут живописи: Купидон без стрел и в чахотке, Венус вся в морщинах, Адонис в водяной болезни. А на главном месте лучшим живописцем напишется моя несравненная душа, милая Прасковья Андреевна, с живостью красок сколь будет возможно: белое платьецо, длинное, как сорочка, покроет корпус, опояшется самым нежным поясом лилового цвета, грудь открытая, волосы, без пудры, распущенные, сорочка у грудей схватится большим яхонтом...» Когда читаешь «Венус вся в морщинах», на ум невольно приходит Екатерина, постаревшая возлюбленная. Словно ей в пику все это сочинено.

Это писал он за два года до смерти, ему 50 лет, по нашим временам — мужчина в самом соку, по меркам XVIII века — мечтательный старик сладострастник.

Александр Матвеевич

Дмитриев-Мамонов

(1758–1803)

Этот фаворит от всех прочих отличается тем, что сам по доброй воле бросил сомнительную дворцовую должность, «сделал глупость», по словам Потемкина. Виной тому была любовь, но не только. При Мамонове Екатерина встретила свое шестидесятилетие. В ту пору женщины любого звания обязательно румянили лицо, знатные особы пользовались дорогой французской косметикой — румянами, женщины попроще создавали румянец простой свеклой. Белила тоже были обязательны. Представьте себе выбеленное лицо и ярко-алые пятна на щеках. Молодость, как говорится, ничего не изуродует, хоть наголо постригись, но дама преклонных лет с подобным ликом может и отпугнуть любого. По счастью, Екатерина не пользовалась косметикой, и цвет лица ее был по-прежнему свежим, но от былой красоты мало что осталось. Стоматология тогда была в зачаточном состоянии, то есть императрица была несколько беззуба, а это очень уродует женщину. А ведь как ранее восторгались улыбкой императрицы! Она расплнела, носила свободного покроя платья, их прозвали «молдаванскими», туфли на низком каблуке, и только прическу позволяла себе замысловатую, волосы у императрицы до самой старости были очень хороши.

Дмитриеву-Мамонову, когда он попал «в случай», было 28 лет. Происходил он из дворянского смоленского рода. Отец, Матвей Васильевич Дмитриев-Мамонов (1724—1810), по свидетельству энциклопедии, был правителем Смоленского наместничества и сенатором. Статья из «Сборника биографий кавалергардов» сообщает, что он «издавна служил в дворцовом ведомстве». Видимо, и то и другое правда, важна последовательность. Князь Потемкин состоял с ним в дальнем родстве, Денис Иванович Фонвизин тоже был его дальним родственником, мать у драматурга была из рода Дмитриевых-Мамоновых. Александр Матвеевич был хорошо образован, великолепно знал французский, итальянский и немецкий языки тоже были ему не чужды, и, что удивительно, он и по-русски очень хорошо говорил и писал. Тогда среди высшей знати это было редкостью. К его образованию приложил руку дядя — барон Строганов.

С детства Александр был записан в Измайловский полк, службу он начал в 1784 году адъютантом Потемкина. Как только около Екатерины возникло вакантное место, верный себе Потемкин представил его императрице. Вот анекдот на этот случай. Потемкин условился с императрицей, что пошлет к ней с молодым человеком картину, не знаю, что на ней было изображено, пейзаж или натюрморт. Ответ Екатерины Потемкину должен был служить оценкой претендента. «Ну, что сказала государыня про картину?» — спросил князь Мамонова после визита во дворец. «Картина хороша, но колорит дурен», — слово в слово передал Александр ответ государыни. Это решило дело. 19 июля 1786 года Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов получил чин полковника и флигель-адъютанта императрицы, переехал во дворец в личные покои, а несколько позднее его пожаловали чином генерал-майора и званием действительного камергера.

Балязин, ссылаясь на отзывы современников, пишет, что Мамонова, в отличие от других фаворитов, нельзя было назвать красавцем. Высок, хорошо сложен, здесь все без изъяна, но общий вид портили «калмыковатые», несколько раскосые глаза. Я думаю, современники ошибались. Судя по портрету работы Левицкого, Мамонов был ослепительно хорош. Можно предположить, что ему польстил художник, но правильнее сказать, что просто мода поменялась. В наше время чуть раскосые глаза — это то самое, что придает индивидуальность, шарм и неотразимость. Главное, чтоб он самой императрице нравился, а она о нем пишет в письме Гримму: «...чудные черные глаза с тонко вырисованными бровями, рост несколько выше среднего, осанка благородная, поступь свободна. Одним словом, мы столько же основательны по характеру, сколько отличаемся силой и блестящей наружностью».

Дворцовое прозвище Мамонова экзотично и мрачно — Красный Кафтан, ассоциативно прозвище отсылает куда-то в мрачные времена Ивана Грозного, но все совсем не так, просто Александр Матвеевич обожал свой малиновый бархатный кафтан, которые ему очень шел. «Под красным кафтаном скрывается, — пишет Екатерина Гримму, — превосходнейшее сердце, соединенное с большим запасом честности; умны мы за четырех, обладаем неистощимой веселостью, замечательной оригинальностью во взглядах на вещи, в способе выражения удивительной благовоспитанности».

Первое время она присматривалась к молодому человеку, особенно не обольщаясь на его счет. Умен — несомненно, образован, хорошо рисует, книжки почитывает, но слишком скромн, нельзя понять, пригоден ли он к государственной службе. Через пять месяцев (1787 год) императрица взяла

его с собой в поездку в Крым и за полтора года самого тесного общения изменила о нем свое мнение. В царском картеже было много важных особ и даже, как уже сообщалось, два императора. Мамонов со всеми умел находить общий язык, в беседах был раскован, обходителен, словом, им можно было гордиться. Екатерина решила, что будет готовить своего любовника на роль вице-канцлера в помощь Безбородко. Она исходатайствовала для него титул графа Священной Римской империи и даже повелела ему присутствовать на совете. Но не тут-то было, молодого человека совершенно не интересовали государственные дела, к ним у него и сердце не лежало, да и способностей не было.

Будущий канцлер Безбородко, а тогда статс-секретарь императрицы относился с Мамонову крайне настороженно, обвиняя его в деспотизме и злобном характере. Сравнивая Ланского и Дмитриева-Мамонова, он писал приятелю своему Воронцову в Лондон: «Ланской, конечно, не хорошего был характера, но в сравнении сего, сущий ангел. Он имел друзей. Не усиливался слишком вредить ближнему, о многих старался, а сей ни самим приятелям своим, никому ни о чем помочь не хотел. Я не забочусь о том зле, которое он мне наделал лично, но жалею безмерно о пакостях, от него в делах происшедших, в едином намерении, чтоб только мне причинить досады».

Может быть, это письмо было написано под горячую руку? М. Гарновский, секретарь Потемкина, в своем дневнике от 1787 года написал: «Александр Матвеевич много может, нет в сем ни малейшего сомнения. Никто из предшественников его не в состоянии был поколебать власть докладчика, а он оную колеблет». Докладчиком в данном случае был Безбородко. Иностранцы тоже снисходительны к Мамонову. Сегюр, например, отзываясь о нем очень хо-

рошо, князь де Линь подчеркивает раскованность и неприужденность Мамонова в поведении с императрицей, он-де один «говорит ей правду», то есть позволяет себе спорить и иметь собственное мнение.

От прочих фаворитов Дмитриева-Мамонова еще отличало его отношение к наследнику Павлу и всему его семейству. Историки не устают напоминать, что фавориты глумились над Павлом и вели себя по отношению к нему крайне дерзко. «Глумились» — слишком сильно сказано, а дерзость их выражалась в том, что они унизительно не замечали гатчинского принца. Все двадцать три года пребывания Павла в наследниках он рвался к государственной работе, и все эти годы Екатерина из кожи вон лезла, чтобы его к этому не допустить. Мамонов действовал умно, он был очень почтителен с семьей наследника, при каждом случае старался угодить и показать свое расположение.

Валишевский описывает такой случай. В день своего тезоименитства Екатерина пожелала получить от Мамонова подарок, который сама же загодя купила — серьги за 30 000 рублей. Серьги не попали в руки Мамонову, потому что их раньше увидела супруга Павла: «Ах, ох, какая прелесть!» Екатерина тут же подарила эти серьги невестке. Зная подоплеку этого дела, великая княгиня решила поблагодарить Мамонова — косвенного виновника подарка, для чего пригласила его к себе. При дворе от императрицы не было тайн. Она узнала о приглашении, закатила Мамонову сцену, а невестке послала письмо с выговором, «чтоб впредь она не придумывала ничего подобного». И как это все понимать? Из-за такой мелочи такая склока! Павел, сочувствуя Мамонову, который уж совсем был ни при чем, послал ему табакерку, украшенную бриллиантами. Мамонов попросил у Екатерины позволения нанести визит наследнику, чтобы

поблагодарить за подарок. Императрица милостиво разрешила, но с условием, чтобы Мамонова сопровождал ее доверенный человек. Вежливый визит не состоялся.

Походя несколько слов о Русско-шведской войне 1788 года. Шведы, видя, что Россия прочно увязла в войне с Турцией, решили воспользоваться случаем и попытаться вернуть земли, отнятые у них Петром I. Они были уверены в своей победе, но Россия, ведя войну на два фронта, разбила шведский флот и одержала полную победу.

На войну со Швецией Екатерина послала сына. Вряд ли она рассчитывала на его полководческие способности, просто хотела удалить его от двора, сын, как немой укор, одним своим видом вызывал у нее раздражение. Уезжая в армию 4 января 1788 года, Павел написал несколько писем — жене, детям, даже составил подробное завещание на 45 пунктов — война есть война, мало ли что может случиться. Жене он пишет: «Воображая возможность происшествий, могущих случиться в мое отсутствие, ничего для меня горестнее, а для отечества чувствительнее себе представить не могу, как если бы вышним проведением суждено было в самое сие время лишиться мне матери, а ему государыни. Такое происшествие было бы истинное для нас посещение Божие». Далее следуют подробные указания, как себя вести, если бы «высшее проведение» поступило предсказываемым образом. Разумеется, письмо должно было остаться в «непроницаемой тайне».

Тайна эта и так носилась в воздухе. Екатерина не была особенно физически здоровым человеком, болела, выздоравливала и опять болела. Но каждому было ясно, что она не вечна. Понимал это и умный Мамонов. Вот и подстилал себе соломку, чтоб не больно падать.

А при дворе ему жилось плохо, тесно, скучно, без разрешения государыни из дворца нос не высунет. Секретарь

императрицы Храповицкий аккуратно и каждодневно вел «Дневник», в котором записывал все движения и сквозняки дворцовой жизни. Вот цитатка из дневника: «После обеда ссора с графом Александром Матвеевичем. Слезы. Вечер проводили в постеле». В этой записи нет ничего особенного, слезы у Екатерины были близкие, она не раз плакала и от обиды на любовников своих, и из-за государственных неурядиц, когда срывался вдруг тщательно продуманный план. В чем же сейчас причина слез? Продолжим выдержку из «Дневника»: «Сказывал З.К. Зотов, что паренек считает жилье свое тюрьмою, очень скучает и будто после всякого публичного собрания, где есть дамы, к нему привязываются и ревнуют».

Зотов — камердинер императрицы, он знает больше Храповицкого, потому что вхож в покои государыни в любое время, да и «паренек» с ним более откровенен. А вот еще случай — за все пребывание Сегюра в Петербурге Мамонов только один раз получил разрешение присутствовать у него на званом обеде. Фаворит полетел туда на крыльях. Кончился обед, гости встали из-за стола и с удивлением увидели под окном карету ее величества. Сама государыня прогуливалась рядом, бросая нетерпеливые взгляды на окна французского посла. Ждала, следила, как бы кто другой не перехватил ее милого.

Да, Екатерина ревновала Мамонова, и не скажешь даже, что «к каждой юбке». Окружение императрицы уже заметило и предмет воздыхания. Нельзя выходить из дворца, так найдем предмет воздыхания внутри золотой клетки. Этим предметом стала фрейлина императрицы — шестнадцатилетняя княжна Дарья Федоровна Щербатова. Первым интерес «паренька» к юной фрейлине заметил Потемкин и предупредил об этом Екатерину. Та не поверила, не захотела

поверить, и активно защищала возлюбленного. Но, как гласит пословица, «дыма и любви от людей не спрячешь».

Как бы опровергая подозрение, Екатерина засыпала Мамонова подарками. 1 мая 1788 года его назначают шефом Казанского кирасирского полка, затем поручиком Кавалергардского полка с производством в генерал-поручики, затем его пожаловали титулом графа Священной Римской империи. За три первых месяца 1789 года он получил от императрицы до полумиллиона рублей.

Но награды и чины не радуют фаворита. Он хандрит, он не весел, болен, наконец, а потому просит отпустить его для поправки здоровья в Москву. Разумеется, Екатерина никуда его не отпустила. Он пытается какой уж раз объясниться, жалуется на отвращение к придворной жизни, на болезненные припадки, на «грусть стесненного духа». «... мешается в речах, все ему скучно и грудь болит», — жалуется Екатерина Храповицкому. Налицо вся та же болезнь «временщиков», — хандра, депрессия. Чехов Антон Павлович и его друзья называли любовные утехы звонким словом «тараканиться». Очевидно, должность фаворита не так легка, как кажется на первый взгляд, она изматывает, забирая не только физические силы, но и душевные.

В июне 1789 года Мамонов просит у Екатерины совета, фактически это просьба об отставке, и еще вопрос, как деликатно выйти из этого положения. Ведь случай небывалый, чтоб сам фаворит просил: отпусти, матушка, мочи нет! Для Екатерины это был сильнейший удар по ее самолюбию как императрицы и как женщины. Нашелся человек, который, ходя вокруг и около, хоть и косвенно, но дал знать, что она старуха. Разговор, судя по запискам Гарновского, длился около четырех часов, был полон взаимных упреков, государыня вышла из покоев графа вся в слезах. Мамонову тоже

было не сладко, он ощущал себя черствым, неблагодарным человеком.

Надо было найти достойный выход из положения. Двор должен воспринять уход Мамонова как естественный, как некий подарок императрицы. Фаворита надо женить!

Вот что написал Храповицкий 23 июня в своем дневнике, обиженная Екатерина была откровенна со своим секретарем: «Сама мне сказать изволила: он пришел в понедельник, стал жаловаться на холодность мою и начинал браниться. Я отвечала, что сам знает, каково мне с сентября месяца и сколько я терпела. Просил совета, что делать? Советов моих давно не слушаешь, а как отойти, подумаю. Потом послала к нему записку: для блестящего отступления мне пришла в голову мысль о браке с дочерью графа Брюса. Брюс будет дежурный, я дозволила ему привести дочь; ей тринадцать лет, но она созрела, я это знаю. Вдруг отвечает дрожащей рукой, что он с год как влюблен в Щербатову и полгода как дал слово жениться».

Хоть и предупреждал Екатерину Потемкин, и даже имя называл, для нее это был новый удар — год влюблен, значит, целый год притворялся! Обещал жениться Щербатовой, а ей, следовательно, полгода врал про болезни и вероломно благодарил за подарки. Святая Мамонову девицу Брюс, она уговаривала его, что-де женитьба ничему не помешает, ты, голубь мой, останешься в прежней должности, но неблагодарный всем пренебрег. Это ли не унижительно!

Но Екатерина была разумной женщиной, она умела держать удар и в горе была величественна. «Бог с ними, — записывает Храповицкий слова императрицы, — я простила их и дозволила жениться». По обычаю, Екатерина сама обручила Мамонова и княжну Щербатову, ее фрейлину, — оба

стояли на коленях, все плакали — умилительная картинка! Бракосочетание состоялось 1 июля 1789 года в придворной церкви, на венчании императрица не присутствовала.

Екатерина не изменила своему правилу, за отставкой фаворита последовали подарки: 2250 крепостных душ и деньгами 100 000 рублей. Уже на следующий день после свадьбы Мамонов поутру пришел прощаться с государыней, и в ту же ночь молодые отбыли в Москву. Считалось, что Мамонов едет в годовой отпуск.

Любимое туристами место под Москвой — Дубровицы. Усадьба и чудо-церковь, построенная дядькой Петра I Голицыным, стоят в месте слияния рек Десны и Пахры. Дубровицы купил у Голицыных Потемкин, но князю Таврическому недосуг было там жить, и Екатерина перекупила у него Дубровицы для фаворита Дмитриева-Мамонова. Там молодые и поселились. Кажется, живи да радуйся, но графа не оставила тоска. Еще родители масла в огонь подливали. Их потрясла отставка сына, во всем они винили молодую жену, она-де сломала сыну карьеру. Его ждало такое будущее, а он теперь прозябает в подмосковной дыре. Сам Александр Матвеевич пребывал в растерянности — может быть, он действительно сделал большую глупость?

Екатерина не вычеркнула Мамонова полностью из своей жизни, у них завязалась переписка. Отвергнутой императрице любопытно было, чем дело кончилось, чем сердце успокоилось. Ее собственное сердце пока не успокоилось от перенесенной обиды. Она пишет Гримму в 1790 году: «Что касается неблагодарных, то они очень строго наказали сами себя. По-видимому, семейного ладу нет. Да и что может быть хуже положения человека, одаренного умом и имеющего познания, как очутиться в тридцать лет в деревне с женой брюзгой и капризной, которую он ежедневно по-

прекает, что остался один с ней и для нее». Злорадствует императрица!..

Мамонов не отличался сильным характером и уже через год попросился обратно в Петербург. Но Екатерина не пожелала видеть бывшего фаворита, она только из года в год продлевала его отпуск. В 1790 году у четы Мамоновых родился сын Матвей, потом дочь Татьяна.

После смерти Екатерины Павел I предложил Мамонову вернуться в Петербург и поступить на службу в Казанский кирасирский полк, шефом которого он был. В случае нежелания служить император разрешал подать в отставку, чем Мамонов и воспользовался. 20 декабря 1796 года отставка была им получена.

Дарья Федоровна умерла в 1801 году, ей было тридцать лет, спустя два года скончался и ее супруг Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов. Трагична судьба их детей. Сын Матвей Александрович был очень яркой личностью, он участвовал в Отечественной войне, с князем Орловым одним из первых организовал тайное общество — предтечу декабристов, но потом заболел, у него повредился рассудок. Кончил он жизнь фактически под домашним арестом, все богатство родителей пошло прахом.

Потемкин

(продолжение)

В то время как Дмитриев-Мамонов выяснял с императрицей свои любовные дела, вторая турецкая война была в самом разгаре, а шведская на подходе, так что «паренек» выбрал «вполне подходящее» время, чтобы испортить императрице настроение.

Вторая война с Османской Портой началась сразу после того, как Екатерина вернулась из путешествия в Крым. Турки увидели в демонстрации русскими своих военных сил, да еще в присутствии иностранных государей, себе угрозу и спровоцировали начало военных действий. Началось все как обычно: русского посла Булгакова заключили в Семибашенный замок, а дальше все покатилося по накатанным рельсам.

Ни турки, ни русские не были готовы к войне. Императрица сильно нервничала, Потемкин остался в Новороссии, она считала, что ей не с кем посоветоваться. 12 сентября 1787 года она подписала Манифест о войне. Храповицкий в «Дневнике» обозначил настроение государыни в этот день коротким словом: «Плакали».

Иосиф II после некоторых колебаний примкнул к России. Греческий проект еще не выветрился из головы австрийского императора, и он надеялся вместе с Екатериной на раздел Турции. Главнокомандующим русской армии был назначен Потемкин, боевой генерал Румянцев уже выполнял на войне вспомогательную роль.

Д.Ф. Масловский, признанный авторитет в делах военной стратегии, писал о Потемкине: «Командуя войсками всего южного пограничного пространства, созданными им военными поселениями, начальствуя им же возрожденным краем, заведую иррегулярными войсками и, наконец, управляя почти 14 лет делами Военной коллегии, Потемкин является главнокомандующим по праву, безусловно незаменимым при тогдашних обстоятельствах и вполне ответственным перед историей за последствия его специально-военной и административной деятельности в период от конца 1-й и до начала 2-й турецкой войны». Так-то оно так, но в начальный период военных действий дела наши шли из рук вон плохо. Н.И. Павловский не военный стратег, но в своей оценке очень точен: «Кажется, менее всего Потемкин Таврический прославился в качестве полководца. <...> Если бы его не окружали блестящие полководцы, среди которых первенствовали А.С. Суворов и П.А. Румянцев, если бы князя не поддерживала и не воодушевляла императрица, когда тот пребывал в растерянности, то ход военных действий мог принять совсем другой оборот».

Война началась блестящей победой Суворова у Кинбурна, а потом пошли неудачи. Потемкин большие надежды возлагал на русский флот, он направил его на разведку и поиск турецких судов, но случился шторм, который очень потрепал наши корабли. Один фрегат пропал без вести, другой с сорванными мачтами был отнесен к турецким границам и захвачен неприятелем. Остальные корабли с порванными парусами с трудом вернулись в Севастопольскую бухту.

Неудача ли первой экспедиции или застарелые болезни тому виной, но Потемкин впал в жуткую депрессию. В письмах он жаловался Екатерине, что «спазмы мучили», что он «в слабости большой», тут же сообщал, что флота практически

нет, и добавлял философски: «Бог бьет, а не турки». Ответ императрицы: «Молю Бога, чтоб дал тебе силы и здоровья и унял ипохондрию. Проклятое оборонительное состояние. Я его не люблю. Старайся поскорее оборотить в наступательное: тогда тебе да и всем нам легче будет». Потемкин не внял советам, он все видел в черном свете и даже предлагал оставить Крымский полуостров, то есть увести оттуда наши войска «для сосредоточия сил»

Вот этого Екатерина уже никак не могла принять, в письмах она тверда, уверена в себе: «...ты нетерпелив, как пятилетний ребенок, между тем как дела, порученные тебе в сие время, требуют непоколебимого терпения». Да и куда девать флот севастопольский? — удивляется императрица. «Прошу ободриться и подумать, что бодрый дух и неудачу покрыть может». Но «бодрый дух» явно оставил Потемкина, от него иногда неделями не было никаких вестей. Потом он собирался с духом для очередного послания: «Хочу в уединении и неизвестности кончить жизнь, которая, я думаю, не продлится». Князь просил отставки и передачи полномочий Румянцеву. Но армия Румянцева в Бессарабии тоже находилась в плачевном состоянии. Что оставалось делать Екатерине? Отставку Потемкину она не дала и продолжала бодрые увещевания: «...Ничего хуже не можешь делать, как лишить меня и империю низложением твоих достоинств человека самонужного, способного, верного, да притом и лучшего друга».

Уговорила-таки Потемкина, а тут и болезнь несколько отступила. Князь решил овладеть Очаковым, и началась долгая, длительная изнурительная осада. Потемкин осторожничал, тянул дело, все ждал особо благоприятных условий. Сам он лез в самое пекло и не раз подвергал свою жизнь опасности. Но для главнокомандующего личная храбрость совсем не главное. Потемкин появился под Очаковым в

сентябре 1788 года, Екатерина рассчитывала, что к ноябрю крепость будет взята, но конца осады не было видно.

Греческий проект еще не выветрился из головы императрицы. В понятие этого проекта входило — поднять православный мир Средиземноморья против Турции, а в помощь им хорошо бы повторить победу русского флота в Чесменской битве. Для этого нужна была самая малость — отправить балтийский флот в Средиземное море, но этой фантастической идее не дано было осуществиться. Балтийский флот понадобился непосредственно на месте, Швеция объявила войну России. Густав III грозился захватить Петербург и опрокинуть на Исаакиевской площади статую Петра I.

Теперь Россия вела войну на два фронта. В декабре 1788 года Очаков с очень большими потерями был взят. Победу, по общему мнению, обеспечил Суворов, но он был ранен в бою и в последнем штурме не участвовал. Вся слава досталась Потемкину. Екатерина была в восторге. В честь победы при Очакове была выбита медаль, Потемкину она пожаловала осыпанный алмазами фельдмаршальский жезл, наградила его орденом Святого Георгия I степени, еще были подарки денежные — всего не перечесать. Екатерина ждала, что «друг сердечный» тут же примчится в Петербург, но Потемкин в столицу не поехал, а направился в Яссы, потом в Бендеры. Там князь устроил себе роскошную жизнь, о которой уже было написано. «Зимние квартиры» были уготовлены и армии. Один праздник в Яссах сменялся другим, красавицы толпились у трона главнокомандующего, он исполнял каждую их прихоть, летели курьеры во все концы за изысканными винами, экзотической едой и духами для прелестниц.

К удивлению императрицы, он опять попросил отставки, ссылаясь на то, что «успокоить дух пора». Он не боялся ра-

боты — «бдения на нескольких тысячах верстах границ», не боялся неприятеля, но остерегался своих внутренних врагов. «Злодеи, коих я презираю, но боюсь их умыслов; сия шайка людей неблагодарных, не мыслящая, кроме своих выгод и покою, ни о чем, вооруженные коварством делают мне пакости образами. Нет клеветы, чтобы они на меня не возводили». Потемкин явно несамокритичен. Опиши «злодей» один день князя Таврического в Яссах или Бендерах, вот тебе и клевета. Императрица и на этот раз не дала Потемкину отставку.

Война со Швецией окончилась победой русских, но были в этом противостоянии действительно опасные для Петербурга ситуации. Императрице пришлось понервничать. 3 августа 1790 года был подписан Верельский мир со шведами.

На южном фронте война продолжалась своим чередом. Еще до заключения мира со шведами, в сентябре 1789 года, Суворов одержал победу при Рымнике. В битве участвовали и австрийские войска, но весь план битвы был разработан Суворовым. Отношения Потемкина и Суворова в общем можно назвать хорошими. На фронте все бывает, особенно при эксцентричности характеров этих двух героев, но Потемкин очень ценил военные и человеческие качества нашего великого полководца. Именно он добился, чтобы императрица добавила к фамилии Суворов — Рымникский и пожаловала ему титул графа. Екатерина писала Потемкину: «Графу Суворову хотя целая телега с бриллиантами уже накладена, однако кавалерия Егория Большого креста по твоей просьбе посылаю: он того достоин».

В том же 1789 году Потемкин без боя взял Анкерман и Бендеры. «Нет ласки, мой друг, которой бы я не хотела сказать вам, — пишет Екатерина. — Вы очаровательны за то, что взяли Бендеры без потери одного человека». Во время войны тон писем императрицы к Потемкину очень теплый,

в них слышится отзвук прежних любовных отношений. Во всех вопросах, касающихся военных действий, Екатерина всегда принимала сторону Потемкина. Она верила ему безгранично, исполняя не только его желания, но и капризы. Она не дала ему отставку, потому что князь действительно был болен, кроме того, императрица лучше самого Потемкина знала, что ему нужно. Подчиняясь его требованию, она таки дала согласие на объединение украинской армии, которой командовал Румянцев, с екатеринославской армией Потемкина, поставив последнего во главе объединенных сил. Румянцев очутился не у дел. Можно представить обиду и негодование заслуженного полководца, который мог дать грамотную оценку нашим неудачам в турецкой войне. Конечно, он во всем винил Потемкина, часто и несправедливо, но князь не желал слышать никакой критики. Он откровенно называл ее клеветой и искренне сам в это верил. Как часто люди не видят себя со стороны и не могут оценить себя справедливо и беспристрастно! Что оставалось делать Румянцеву-Задунайскому? Он писал императрице жалобные письма, просил отставки, а Екатерина отмахивалась от него, как от докучливой мухи.

После взятия Бендер путь на Константинополь был открыт, но Екатерина решила на этом окончить войну. В Европе было неспокойно. Шведы еще угрожали Петербургу, Пруссия грозила войной, верный союзник Иосиф II был болен (он умер 9 февраля 1790 года). «Постарайся, друг мой, сделать полезный мир с турками, — пишет императрица Потемкину, — тогда хлопоты многие исчезнут и будем почтительны: после нынешней твоей компании ожидать можем».

Потемкин начал хлопотать о мире, но он был заключен много позднее. 1790 год ознаменовался победой адмирала Ушакова на море и взятием крепости Измаил. Осада Из-

маила началась в сентябре. Крепость была великолепно защищена артиллерией, да и гарнизон был огромный — около 35 000 человек. 10 декабря крепость Измаил была взята русскими войсками.

В февраля 1791 года Потемкин поехал в Петербург. По всему пути следствия князя встречали как победителя. Болотов пишет про Тульскую губернию: «... готовились принимать его, как самого царя. А он, по тогдашнему его всевластию, и был царем». Это был его последний приезд в столицу. Потемкина приняли с триумфом. Екатерина была очень ласкова, не скупилась на теплые слова благодарности, но рядом с тронном стоял уже новый «припадочный человек» — Платон Зубов, «Цыганенок», как звала его Екатерина. Он не был креатурой Потемкина, его нашли, подготовили и представили императрице враги князя, соответственно Зубов себя и вел. Потемкин знал о появлении нового фаворита и говорил не без сарказма: «Надо, надо мне наведаться в столицу, чтобы вырвать этот больной зуб». За «больным зубом» еще стояли братья, Валерьяну было всего восемнадцать лет, но прытью и развязностью он не уступал старшему брату.

У Потемкина уже не было сил сражаться, доказывать, интриговать. Он был болен, силы его были на исходе, он всерьез говорил о монастыре. Последним широким жестом, щедрым подарком Екатерине был устроенный им апрельский бал в только что отстроенном Таврическом дворце. Все, что могла внушить князю его экзотическая фантазия, любовь к роскоши и показухе, было пущено в ход для устройства этого праздника. Петербуржцы не могли забыть о нем многие годы и пересказывали друг другу подробности этого бала. На одни только свечи пошло 400 пудов воска, а еще зеркала, люстры, ковры, диковинные игрушки для забавы гостей, например золотой слон-часы с шевелящимися ушами

и хвостом. Все слуги были обряжены в роскошные ливреи, о гастрономических способностях поваров слов не хватит рассказать, у Потемкина была в Петербурге самая дорогая и экзотическая кухня.

Во время пиршества Потемкин сам стоял за креслом государыни и прислуживал ей, подчеркивая — он слуга императрицы на веки вечные, но это более походило на поминки по прошлому. У Платона Зубова было вдосталь времени, чтобы нашептывать на ухо императрице любые байки о конкуренте, а именно так он относился к Потемкину. Может быть, Цыганенок и подвирал, сгущал краски, но из экзотических подвигов князя было легко выковать что угодно. А война продолжалась, надо было заключать мир с турками. Словом, приказ императрицы Потемкину оставить столицу выглядел вполне естественным и обоснованным.

24 июля 1791 года Потемкин направился в действующую армию. В дороге он почувствовал себя очень плохо. Для ухода за ним пригласили племянницу его Браницкую. 30 июля он с трудом добрался до Ясс. Все это время он аккуратно писал письма императрице. Она плакала, читая их, и тут же строчила ответ, умоляя «поберечь себя». В конце августа вроде полегчало, но не надолго. «Третий день продолжается у меня параксизм, — пишет он императрице. — Сил лишился и не знаю, когда будет конец». Врачи назвали его болезнь перемежающейся лихорадкой. Была высокая температура, полный упадок сил, иногда больной терял сознание и бредил. 4 октября Потемкин продиктовал письмо Екатерине, сам писать он уже не мог: «Нет сил более переносить мои мучения. Одно спасение остается, и я велел себя везти в Николаев». Город Николаев он очень любил и считал «здоровым» местом. В этот же день Потемкина перенесли в «постельную» коляску. Ехали медленно, но уже на следующий день князь

вдруг приказал вынести его на воздух, «чтоб не дали ему в коляске жизнь кончить». Его вынесли, положили на землю. Здесь в степи Потемкин и испустил дух.

Вместо Потемкина вести переговоры с турками о мире в Новороссию прибыл Безбородко, он и сообщил некоторые подробности смерти светлейшего: от лекарств отказывался, окна раскрывал настежь, лил на голову холодную воду, дабы остудить. «По вскрытии тела его найдено необыкновенное разлитие желчи...» Наверное, сейчас врачи поставили бы другой диагноз. По свидетельству слуг, неуемный Потемкин, уже больной, съел за один присест целого гуся. Размашисто жил, размашисто умер.

Курьер донес до дворца скорбную весть только 12 октября. Императрице стало так плохо, что врачи сделали ей кровопускание и уложили в постель. Она плакала не переставая почти неделю. Вот ее письмо к Гримму: «Снова страшный удар разразился над моей головой. После обеда, часов в шесть, курьер привез горестное известие, что мой выученик, мой друг, можно сказать, мой идол, князь Потемкин-Таврический умер в Молдавии от болезни, продолжавшейся целый месяц. Вы не можете себе представить, как я огорчена.

Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца. Цели его всегда были направлены к великому. ...Им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими. Одним словом, он был государственный человек: умел дать хороший совет, умел его и выполнить...»

Еще она писала, что у Потемкина были «смелый ум, смелая душа, смелое сердце». «По моему мнению, князь Потемкин был великий человек, который и не выполнил и половины того, что был в состоянии сделать... Теперь вся тяжесть правления лежит на мне».

Принц де Линь говорил о Потемкине: «В этом характере есть гигантское, романтическое и варварское. И это правда. Его смерть оставила громадную пустоту в городе, и эта смерть была так же необходима, как его жизнь».

Недрузи были рады, друзья скорбели. Державин написал стихи на смерть князя:

Чей труп, как на распутьи мгла,
лежит на темном лоне ночи?
Простое рубище — чресла,
две ленты — покрывают очи;
прижаты к холодной груди персты,
уста безмолвствуют — отверсты!
Чей одр — земля, кровь — воздух синь,
Чертоги вокруг пустынные виды?
Не ты ли, славы, счастья сын,
Великолепный князь Тавриды...

Солдаты любили Потемкина и скорбели о нем. Павел его ненавидел. Потемкина похоронили в Херсоне, в склепе при церкви Святой Екатерины. Когда Павел вззошел на трон, он повелел «похоронить его без дальнейшей огласки в самом же том месте в особо вырытую яму, а погреб засыпать и сравнять землей, как бы его никогда не было». Отношение к князю Таврическому потомков тоже очень разное. По моему, если он заслуживает порицания, то незначительного, а если уважения, то большого.

И еще несколько слов... 29 декабря 1791 года, то есть через два с половиной месяца после кончины Потемкина, был заключен мир с турками. Русскую сторону представлял Безбородко. Был подтвержден Кучук-Кайнарджийский мир, признано присоединение Крыма, Россия приобрела территорию между Бугом и Днестром. И улыбнемся напоследок: на этой земле был построен неподражаемый город Одесса.

Платон Александрович Зубов

(1787–1822)

Платон Зубов происходил из русского графского обедневшего рода. Отец его Александр Николаевич был женат на Елизавете Алексеевне Вороновой, от этого брака родилось семь детей, сыновья Николай, Дмитрий, Платон и Валериан и три дочери — Ольга, Екатерина и Анна. Отец Зубов до возвышения сыновей не играл видной роли при дворе. Где-то в провинции он подвизался в роли вице-губернатора, при этом управлял имениями князя Н.И. Салтыкова. После того как Платон попал «в случай», а за ним и младшенький Валериан приглянулся императрице, А.Н. Зубов получил пост обер-прокурора в первом департаменте Сената. Энциклопедия с некоторой брезгливостью сообщает, что на этом посту он прославился взяточничеством, превышающим всякие нормы. Сын его во всем покрывал, императрица всегда закрывала глаза на подобные вещи: мол, сам живи и другому дай. Хотя взятки на Руси вещь обычная, но прямо скажу, и на первый взгляд, и на второй Зубовы крайне неприятная семейка.

По обычаю времени, в восьмилетнем возрасте Платон был записан сержантом в Семеновский полк. В 1788 году он в армии, в Финляндии, в 1789 году он уже в Петербурге произведен в секунд-майоры. Пристроил Платона Зубова на теплое место князь Салтыков. Генерал-фельдмаршал Н.И. Салтыков, участник Семилетней войны и президент

Военной коллегии, руководил также воспитанием великих князей Александра и Константина, а потому пользовался большим влиянием при дворе. Позднее Салтыков не раз пожалел о своей протекции. Когда Зубов расправил крылья, отнюдь не ангельские, он постарался вытеснить своего благодетеля со службы, чтобы получить чин генерал-фельдмаршала — это в двадцать с небольшим лет! Но разве такое можно было предугадать? На вид юноша пригожий, не глуп, очень вежлив и обходителен. Главным тогда казалось, и Салтыкову и его окружению, спихнуть с трона ненавистного Потемкина, а в таком «святом» деле все средства хороши.

Еще Дмитриев-Мамонов метался между любовью и долгом, и плакал, и на коленях умолял о прощении, а «милое дитя, искренне желающее сделать добро» (из письма Екатерины к Потемкину) уже вел с императрицей беседы в ее покоях. Все прошло по трафарету. Зубов по рекомендации Салтыкова был поставлен начальником над конногвардейским отрядом, который нес службу в Царском Селе, куда переехала на лето императрица. Где-то в июне 1789 года Екатерина «остановил на юноше свой взор». Двор затаил дыхание. Гарновский пишет: «Со вчерашнего дня государыня сделалась повеселее. С Зубовым... обошлись весьма ласково. И хотя сей совсем не видный человек, но думают, что он ко двору взят будет, но прямо никто не знает, будет ли что из г. Зубова». 24 июня молодой человек получил 10 000 рублей (или 100 000, по другим источникам) на обзаведение и перстень с портретом государыни (кто только клепал эти перстни в таком количестве?), 4 июля Екатерина подписала указ о производстве Платона в полковники и назначила его флигель-адъютантом. Двор вздохнул с облегчением — вешки были расставлены, бакены стали на якоря, можно жить дальше.

Современники по-разному описывают стати Платона Зубова. Все прежние фавориты были красавцами огромного роста, о Зубове же говорят, что он был носат, черняв и мелок. Другие утверждают, что новый фаворит имел горделивую осанку и орлиный взор. Массон пишет: «Из всех баловней счастья царствования Екатерины II ни один, кроме Зубова, не был тщедушен и наружно, и внутренно». Массон был одним из адъютантов Н.И. Салтыкова, у француза было свое, личное отношение к «временщику» — он очень его не любил. А вот отзыв о Зубове графа Штернберга: «Он среднего роста, очень худощав, имеет довольно большой нос, черные волосы и такие же глаза. Внешность его не представляет ничего величественного, скорее всего, в нем есть какая-то нервная подвижность». На портретах кисти Лампи Платон Зубов безусловный красавец.

Екатерина не сразу решилась сообщить Потемкину о новом избраннике, может быть, потому, что он был слишком молод, уже не сын по возрасту, а внук, или обидно ей было рассказывать об измене Дмитриева-Мамонова. Написал она князю только в сентябре, «ходатайствуя» о назначении молодого человека корнетом Кавалергардского корпуса, над которым Потемкин шефствовал. Представили императрице и младшего брата Валериана Зубова. Мальчишка совсем, а уже статен, умеет себя вести, в разговоре скор, одним словом, он ей очень понравился.

Екатерина старела, фавориты молодели. Платону Зубову было 22 года — 36 лет разницы. Валериану Платонову — 18, но он не уступал старшему брату в стремлениях и желаниях, честолюбивые были юноши. Письмо Екатерины к Гримму: «Нет ни малейшего сомнения, что двое Зубовых подают более всего надежд; но подумайте, ведь старшему только 24 года, а младшему нет еще и двадцати. Правда, они люди умные, понятливые, а старший обладает обшир-

ными и разнообразными сведениями. Ум его отличается последовательностью и поистине он человек даровитый». В другом письме Гримму она пишет о Платоне: «От меня зависит, чтобы из него вышел фактотум». Будущий «фактотум» между тем серьезно опасался, как бы младший брат не стал претендовать на его место. Валериан хотел в армию, и старший брат с поспешностью устроил его отъезд к Потемкину. Екатерина сама написала рекомендательное письмо молодому человеку.

Зубова «пасли», дамы в один голос твердили Екатерине, что молодой человек влюблен в нее без памяти — это так заметно, ах, милый юноша! Салтыков учил своего протеже: никогда ни в чем не перечь государыне, желания твои должны полностью совпадать с желаниями ее величества, льстить всем капризам, восторгаться умом ее и... смириться перед Потемкиным, пока сам прочно не встанешь на ноги. Екатерина писала Потемкину: «Твой корнет непрерывно продолжает свое похвальное поведение, и я должна отдать ему истинную справедливость, что привязанностью его чистосердечной ко мне и прочим приятным качествам он всякой похвалы достоин».

Валериан между тем успешно воевал, Потемкин был им доволен и после взятия Бендер послал его в Петербург, дабы объявить о победе. Екатерина тут же дала юноше чин полковника, назначила его флигель-адъютантом, подарила 10 000 рублей вкупе с перстнем — все как обычно. Валериан весело провел зиму в столице, а потом отбыл на юг, в армию.

Екатерина сразу решила приспособить Зубова к работе. Альковные дела — это ее личное дело, а голова Цыганенка принадлежит государству. Нельзя сказать, чтобы Зубов не старался на канцелярском поприще, но не было навыка, скучно было, да и как удержать в памяти все эти бумаги?

Из дневника Храповицкого от 30 декабря 1792 года: «С утра докладывал Зубов по гвардейским бумагам, и было не без шума». Граф Завадовский тоже оставил потомству свою рецензию: «Из всех сил мучит себя над бумагами, не имея ни беглого ума, ни пространных способностей» — и завершает словами: «Бремя выше его настоящих сил». Храповицкий называл Платона Зубова «дуралеюшка». С Безбородко у Платона отношения тоже не складывались.

Но пока он еще старался всем угодить. Все поменяла смерть Потемкина. Здесь Платон Зубов почувствовал себя полновластным хозяином. Награды и чины посыпались на него как из рога изобилия. 12 октября 1791 года Петербург узнал о смерти князя Таврического. Уже 21 октября Зубов назначен шефом Кавалергардского корпуса (это место раньше принадлежало Потемкину). 12 марта 1792 года Зубов стал генерал-поручиком и пожалован в генерал-адъютанты. 23 июля 1793 года неизвестно за какие заслуги награжден орденом Святого Андрея Первозванного. 25 июля он стал екатеринославским и таврическим генерал-губернатором, 19 октября — генерал-фельдцейхмейстером. Кажется, престарелая императрица сошла с ума. Она, как доморощенный Пигмалион, решила в течение двух лет создать из Цыганенка нового Потемкина. Он и сам стремился подражать покойному князю, но для этого у Платона Зубова не было ни способностей, ни смелости, ни энергии, ни ума, ни доброты, ни широкости... да что говорить. Зато у последнего фаворита были в избытке наглость, чванство, надменность и властолюбие. Суворов обозвал его «лукавым», как известно, в народе так называют черта.

Массон о нем пишет: «По мере утраты государынею ее силы, деятельности, гения, он приобретал богатство, могущество, силу. В последние годы ее жизни он был всемогущ... Все ползало у ног Зубова, он один стоял и потому

считал себя великим. Каждое утро многочисленные толпы льстецов осаждали его двери. Развалясь в креслах, в самом непристойном неглиже, засунув мизинец в нос, с глазами, бесцельно устремленными в потолок, этот молодой человек с лицом холодным и надутым едва достаивал вниманием на окружавших его...»

Он вел себя нагло, а императрица ему в этом потворствовала. Современник рассказывал, как однажды на обеде в Зимнем дворце, на котором присутствовал и Павел с семейством, за столом шел оживленный разговор, спорили, смеялись, цесаревич помалкивал, больше слушал. Екатерина решила приобщить сына к беседе и спросила: «А вы с чьим мнением согласны?» Может быть, из вежливости, а может, насмехаясь, Павел ответил: «С мнением Платона Александровича». Зубов тут же вскинулся и произнес, явно ожидая одобрения: «Разве я сказал какую-нибудь глупость?»

Что касается любовных отношений Екатерины с Платоном Зубовым и его братом Валерианом, то здесь можно сослаться на свидетельство Массона в его «Секретных записках о России». Массон пишет о некоем интимном обществе, которое собралось вокруг императрицы. Туда входили «надежные дамы», такие как обер-гофмейстерина Браницкая, Ольга Жеребцова (в девичестве Зубова), Протасова и «три молодых развратника» — Платон, Валериан и Петр Салтыков. «Там и справляла Кибела Севера свои тайные мистерии». Желаящие знать подробности, читайте Массона. Я их пересказывать не хочу. В текстах Массона ощущается «свободный дух» французской революции, которая была очень увлечена разоблачением монархов всех мастей. Почитайте, что они писали про казненную Марию Антуанетту. По утверждению прокурора Революционного трибунала, она сожительствовала с собственным восьмилетним сыном. Вздор и гнусность! А измышления Массона я упомянула

только за тем, чтобы читатель не упрекнул, что автор-де не ознакомился со всеми важными документами эпохи.

В 1795 году на Зубова дождем сыпались новые награды: он получил орден Святого Владимира I степени, его назначили шефом Кадетского корпуса. В 1796 году граф Платон Зубов стал князем Священной Римской империи, а также был назначен начальником Черноморского флота и Адмиралтейства. Все перед ним трепетали, но не Суворов. В качестве новороссийского генерал-губернатора Зубов отдавал письменные приказы фельдмаршалу, иногда тон этих писем был слишком начальнический и одновременно бестолковый. «Ко мне штиль ваш рескриптный, указательный, повелительный, употребляемый в аттестованиях? — ответил ему Суворов. — Нехорошо, сударь!» Рассказывали, что однажды Зубов принял Суворова в домашнем сюртуке, слишком уж запросто. В отместку фельдмаршал, ожидая визита «временщика» на своей территории, тут же разделся до нижнего белья, в котором и вел разговор. Суворов никого не боялся, но ему все прощали за его гений.

Несколько слов о Валериане Зубове. В чине генерал-майора он вместе с Суворовым участвовал в усмирении Польши, был ранен, потерял ногу. В 1796 году был назначен главнокомандующим войск, исполняя химерический, экзотический проект брата Платона — завоевать всю Азию до Тибета. Тоже мне, александры македонские! Война была тяжелой, бессмысленной, Дербент, правда, взяли. Со смертью Екатерины Тибет был забыт.

Семь лет ходил Платон Зубов в фаворитах Екатерины. После смерти Потемкина его называли «фактическим правителем России». Это, конечно, сильное преувеличение. Слишком он мелок для этой роли, но влияние на императрицу он имел огромное. А ведь это был черный период ее правления. В последнее десятилетие у Екатери-

ны изменились мировоззрение и характер. Справедливо считают, что реакцию в России спровоцировала французская революция, но жесткий, надменный и эгоистичный характер находившегося рядом Зубова, безусловно, должен быть учтен.

Именно Зубов указал императрице, что трагедия Княгинина «Вадим Новгородский» опасна-де, подрывает-де устои государства. Трагедия эта была напечатана Дашковой в последнем изданном в академии томе «Российского театра». Екатерина потребовала, чтобы книга была изъята из продажи. Дашкова пробовала защитить покойного автора — безуспешно. Она обиделась и подала в отставку. Екатерина одумалась, стала уговаривать Дашкову остаться на должности президента академии, и, может быть, дело кончилось бы вполне полюбовно, если бы опять не вмешался Зубов. Он ненавидел Дашкову и все сделал, чтобы она оставила Петербург. Подал в отставку и брат Дашковой — Александр Романович Воронцов. Опальный Радищев, которого Екатерина хотела казнить, но одумалась, служил в ведомств А.Р. Воронцова. Радищев пошел в Сибирь, а Воронцов, опасаясь интриг Зубова, ушел из Камерц-коллегии, которую возглавлял. В 1792 году был арестован, а затем отправлен без суда на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость писатель, журналист, просветитель Н.И. Новиков.

По вине Платона Зубова случилась одна история, которая по свидетельству многих историков, подорвала здоровье императрицы и косвенно стала причиной ее смерти. Рассказ пойдет о неудачном сватовстве великой княжны Александры Павловны — старшей дочери цесаревича и восемнадцатилетнего шведского принца Густава Альберта.

Бытует мнение, что замысел сделать королевой Швеции Александру Павловну подсказал императрице Платон Зубов. Екатерине понравился этот проект, но она не вери-

ла, что король Густав III согласится на брак своего сына с русской принцессой. В 1792 году король Густав был убит на маскарадном балу в результате дворянского заговора. Наследнику Густаву Адольфу было 14 лет. Регентом при мальчике-принце был назначен его дядя, он фактически и правил страной до совершеннолетия Густава Адольфа. Регенту донесли о намерениях русского дома и выяснили, что он категорически против этого брака.

Время шло, принц вырос. В результате интриг, подкупов, обширной тайной переписки и сложных разговоров удалось добиться его визита в Россию. Дядя-регент уже был согласен на брак, осталось познакомить жениха и невесту, узнать мнение принца и решить дело полюбовно. 14 августа 1796 года принц Густав Адольф с регентом и многочисленной свитой прибыл в Петербург. Шведов встретили очень торжественно и празднично: приемы, балы, пиры и фейерверки. Жених и невеста встретились и понравились друг другу.

Все шло к благополучной развязке, необходимо только было составить грамотный брачный договор. Дело это было не простое, потому что, по замыслу Екатерины и по традиции русского двора, будущая королева Швеции должна была сохранить свою религию, то есть остаться православной. Но это правило не соответствовало традиции шведского двора. Договор обговорили начерно и вроде бы пришли к согласию: княжна Александра Павловна не будет делать официального отречения и негласно останется в своей православной вере.

Екатерина решила, что устного договора достаточно для того, чтобы назначить день обручения — 10 сентября. Принц явно влюблен, а это главное. Двум своим министрам Платону Зубову и Моркову она поручила составить брачный контракт. У Зубова хватило ума поинтересоваться деталями.

Императрица отмахнулась — пишите контракт по своему усмотрению.

10 сентября, в семь часов вечера, в тронном зале дворца собралась вся императорская фамилия и полный штат придворных. Великая княжна Александра в подвенечном уборе была, как говорится, прелестна, рядом ее сестры и братья. Цесаревич Павел с великой княгиней матерью приехали из Гатчины. Облаченная в парадное платье императрица сидела на троне, рядом сановники при орденах и лентах.

Жених запаздывал. Публика вначале удивлялась, потом негодовала и наконец начала нервничать. Вдруг вместо юного принца появился Платон Зубов и принялся что-то нашептывать Екатерине на ухо. Императрица обеспокоилась. Зубов исчез, а придворные откровенно перепугались. Всем было велено — ждать.

Оказывается, «любимые министры» составили такой брачный контракт, который не устраивал жениха. Зубов, ощущая себя «автором проекта», вписал в договор пункты, по которым будущая королева не только будет исповедовать свою религию, но иметь свою часовню и причт в королевском дворце, то есть целый штат священников и диаконов — понятно, что весь клир будет служить интересам России. Кроме того, в брачный контракт были вписаны какие-то секретные обязательства против Франции. То есть Зубов и Морков явно перестарались, желая одним выстрелом убить трех зайцев.

Принц только спросил Моркова: «Это сделано с согласия императрицы?» Морков ответил утвердительно. Тогда Густав Адольф сказал, что этот контракт противоречит законам его страны, что «мы так не договаривались» и он ничего не подпишет. Его уговаривали целый вечер, он остался непреклонен. Принца ждали в тронном зале до десяти вечера, но он так и не появился.

Скандал был страшный. Такого унижения Екатерина не испытывала никогда. И от кого? От мальчишки, монарха государства, которое давно считала окончательно побежденным и которому собиралась диктовать свою волю. Официальная версия неявки принца в тронный зал — внезапное его недомогание, но людей не обманешь, о самодурстве Зубова злословил весь двор, именно его обвиняли в позоре. Очень жалко было юную невесту. Екатерина не бросила Зубову ни слова упрека, но заболела. С ней случилось что-то вроде легкого удара, предвестника того, который свел ее в могилу.

Вот как описывает поведение Платона Зубова после смерти его благодетельницы Ростопчин: «Отчаяние сего временщика ни с чем сравниться не может, не знаю, какие чувства сильнее действовали на сердце его; но уверенность в падении и ничтожество изображались не только на лице, но и во всех его движениях. Проходя сквозь спальную комнату императрицы, он останавливался несколько раз перед телом и выходил рыдая». Все было кончено, двор отвернулся от него разом.

Удивительно, что этот лукавый человек не подумал о своем будущем. Конечно, Зубов знал, что Екатерина не вечна, но, видимо, ему и в голову не приходило, что смертный час столь близок. И только когда императрица после удара 5 ноября лежала в беспамятстве, он сообразил послать гонца в Гатчину к Павлу, и гонцом этим был его брат Николай Зубов. Может быть, поэтому, заняв трон, новый император отнесся к бывшему фавориту милостиво? Радость от получения долгожданного трона была столь велика, что Павел простил не только мать, но и ее любовника. Он навел в семействе порядок, перенес прах отца в Петропавловский собор, положил его рядом с Екатериной и теперь хотел быть щедрым и справедливым. Платону Зубову он подарил роскошный дом

на Морской и даже в честь дня рождения бывшего фаворита нанес ему визит вместе с Марией Федоровной.

Но Зубов боялся немилости, и было за что, а потому попросил отставить его от всех должностей. Получив отпуск от государственной службы на два года, он в феврале 1797 года отбыл за границу «для поправления здоровья». Подорванное здоровье он лечил до осени 1798 года, а затем по высочайшему повелению вернулся в отечество. Дома его ждал холод, отношение к нему Павла I в корне переменялось. Зубова не призвали на службу, ему велено было, равно как и его брату Валериану, отбыть в свои имения во Владимирской области и жить там тихо. За братьями был установлен негласный надзор. В мае 1799 года указом Сената было приказано «все имения фельдцейхмestера князя Зубова и отставного генерала Зубова, кроме родовых, взять в казну».

В конце 1800 года братьям Зубовым было позволено вернуться в Петербург. Платону и Валериану Александровичам вернули конфискованные имения, Платона назначили начальником 1-го кадетского корпуса. Кажется, что Павел играл с Платоном Зубовым, как кот с мышью. Но милость была оказана Павлом по подсказке. Военный губернатор Петербурга П.А. Пален посоветовал императору вернуть Зубовых в столицу: мол, они уже достаточно наказаны. Это был коварный совет. В голове у графа Палена уже созрел план будущего переворота, в котором братьям Зубовым отведено было важное место. Время показало, что братья «не подкачали».

Заговорщики оправдывали себя тем, что Павел I безумен. Поведение императора действительно иногда было очень эксцентричным. Но что рассуждать — безумен или не безумен, если его устранения «требовали интересы государства»? Сын Александр знал о заговоре, но ему было клятвенно обещано, что Павлу сохранят жизнь, интернируют его в

крепость и устроят там сносную жизнь частного человека. Для этого Павел должен был совершить малость — отречься от престола в пользу сына. Но и глава заговора Пален, и многие другие заговорщики знали, что Павел — рыцарь на троне — отречения не подпишет. Они шли убивать.

Ночью 11 марта 1801 года собрались в парке Михайловского замка, «на дело» пошли двумя группами: одну вел Пален, другую возглавлял Беннигсен с Платоном Зубовым. Братья его тоже были здесь. Все были пьяны — страшно ведь! Когда подошли к покоям Павла, нервы у Платона сдали: «Я не могу! Вернемся назад!» Беннигсен ответил: «Мы слишком далеко зашли, чтобы следовать вашему совету, который нас всех погубит».

Адъютант Преображенского полка Аргамаков, Платон Зубов и Беннигсен первыми вошли в спальню императора. Постель Павла была пуста. «Он спасся! — закричал Платон Зубов в истерике. — Мы погибли!» Императора нашли за ширмой. Беннигсен и Зубов тут же предложили ему отречься от престола. Павел отказался и спросил в ужасе: «Платон Александрович, что вы делаете?»

Кто оказался убийцей, заговорщики и сами не знали, во всяком случае, рассказы их очень разнятся. Навалились скопом, Николай Зубов ударил императора табакеркой в висок, кто-то снял с себя офицерский шарф, им и удушили Павла. Последние слова его были: «Что я вам сделал?» Платон Зубов успел выйти из спальни перед ужасной сценой.

Есть документы или мемуары (сама я их не видела), которые указывают на связь заговорщиков с английским посланником в России лордом Чарльзом Уитвордом. Англии Павел I очень мешал, поскольку Россия собиралась заключить договор с Францией против Англии. Исчезни Павел, и являлась надежда, что Россия заключит договор с Англией против Франции, так что игра стоила свеч. А как

у лорда могла осуществляться связь с заговорщиками? Через Ольгу Жеребцову, сестру Платона и всего Зубовского выводка. Жеребцова была любовницей Уитворда. Как он помогал заговорщикам — советом или деньгами, неизвестно. Все это только догадки, но Марк Алданов (а я ему очень верю) уверенно пишет, что Наполеон, ссылаясь на сведения своих шпионов, утверждал, что истинным убийцей Павла был английский посланник. Но одно дело желать убийства, и совсем другое — исполнить его. Зубовым все равно не смыть с рук крови Павла.

Как ни странно, с воцарением Александра I Платон Зубов играл видную роль при дворе. Он был членом Государственного совета. В ноябре 1801 года он вошел в комиссию для устройства Новороссийского края. Ловкий царедворец даже стал вдруг ярым либералом и ратовал за конституцию, и уж совсем чего от него нельзя было ожидать — вынес на обсуждение в Сенате вопрос о запрещении продажи крестьянских семей без земли, этот его проект был принят и утвержден. В 1803 году его человеколюбие дошло до того, что в письме к государю он выразил готовность дать вольную своим крестьянам, а их было много — около 30 000 душ.

Предложил, а потом все как-то забылось. Да и не нужны были Александру I такие жертвы. Со временем все благие пожелания Платона Зубова ушли в песок. В имении Янишки Виленской губернии у него были обширные литовские владения, он показал себя настоящим крепостником. Зубов завел конные заводы, правильное полевое хозяйство, но при этом нещадно грабил своих крестьян. Он был сказочно богат, но к старости вдруг превратился в «скупого рыцаря». На себя он теперь почти ничего не тратил, жизнь вел более чем скромную, но зато сундуки в его подвалах наполнились звонкой монетой.

В 54 года он вдруг женился на красавице полячке Текле Валентинович, бедной дворяночке. Он, собственно, не собирался жениться, он хотел только любви, посему предложил матери девушки большую сумму денег в обмен на ласки красавицы. Но мать с негодованием отвергла домогательство старика, и тогда он решился на брак. Молодые прожили вместе всего несколько месяцев, да и те не были счастливыми для Платона Александровича. Он скончался 7 апреля 1822 года и был похоронен в Сергиевой пустыни близ Петербурга. После его смерти, по свидетельству современников, кроме прочего богатства, в его подвалах осталось 20 миллионов серебряных рублей. Молодая вдова вышла замуж за графа Шувалова, туда и перекочевали все несметные богатства.

Платон Зубов не оставил законного потомства, но от разных матерей у него были побочные дети. На старости он показал себя чадолюбивым родителем, детей он обеспечил, положив в банк на имя каждого по миллиону рублей ассигнациями. Для меня это очень значительный поступок. Нет в мире полноценных негодяев, все мы слуги обстоятельств и плохой или хорошей наследственности.

Главная героиня этих записок — Екатерина, словами о ней я и закончу свой рассказ. Екатерина не обладала крепким здоровьем. Еще в бытность свою великой княгиней она много болела. В какой-то момент у нее даже предполагали чахотку. Но она болела и выздоравливала, при этом смеялась над врачами и не больно-то верила в медицину. Она не хотела думать о смерти, поэтому не любила свои дни рождения. «Прекрасный подарок он мне приносит, — писала она с насмешкой о поздравлении в 1775 году с днем ее сорокашестилетия, — каждый лишний год, без которого я могла бы отлично обойтись. Скажите по правде, ведь было бы прекрасно, если бы императрица всю жизнь оставалась в пятнадцатилетнем возрасте».

К старости она стала тучной, с трудом ходила, ей было тяжело подниматься по лестнице, так что во дворцах, которые она посещала, вместо ступенек устраивали пологие помосты. После потрясения в тронном зале, когда заносчивый мальчик-король не пожелала «жениться на России», императрица вроде бы совсем справилась. На другой день, принимая Густава Адольфа, она была, как всегда, лхобезна, то есть великолепно владела собой, но ближайшие к Екатерине люди замечали, что у нее появились некоторые признаки паралича. То есть микроинсульт у нее все-таки был.

Вечером 5 ноября 1796 года у Екатерины был интимный прием — «Малый Эрмитаж». Было весело, много смеялись. Лев Нарышкин, с молодости исполняющий роль забавника, балагура и плута, нарядился коробейником и продавал

гостям всякую мелочь. Екатерина ушла от гостей раньше обычного. Следующий день начался традиционно — встала в шесть часов утра, пила очень крепкий кофе, поговорила с Зубовым и начала работать с секретарями. Потом ушла в гардеробную, но задержалась там настолько, что камердинер обеспокоился. Ее нашли лежащей на полу без сознания. Это был уже полный паралич. Через несколько часов (6 ноября 1796 года) императрица скончалась.

Она не была сувереной, но рассказывают такой случай. За три месяца до смерти, в августе, она возвращалась во дворец от Нарышкиных, ее сопровождал Архаров. Вдруг императрица заметила звезду, которая быстро скатилась за горизонт. «Вот вестница скорой смерти моей», — сказала Екатерина. Архаров тут же возразил: «Ваше величество, вы всегда были чужды примет и предрассудков». Екатерина отозвалась грустно: «Чувствую слабость сил и приметно опускаюсь». Может, и был такой разговор, но он не стоит той значимости, с какой о нем говорят. До самой своей смерти Екатерина оставалась ясным и оптимистично настроенным человеком. В этом я вижу главный секрет ее обаяния.

Давно, в полной силе и здравии, Екатерина в шутку сочинила себе надгробную надпись: «Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штеттине 21 апреля (2 мая) 1729 года. Она прибыла в Россию в 1744 году, чтобы выйти замуж за Петра III. Четырнадцать лет от роду она возымела тройное намерение: поправиться своему мужу, Елизавете и народу. Она ничего не забывала, чтобы успеть в этом. В течение 18 лет скуки и уединения она поневоле прочитала много книг. Вступив на Российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и не питала ни к кому ненависти. Пощадливая, обходительная, от природы веселонравная, с душой республиканки и с добрым сердцем, она

имела много друзей. Работа ей легко давалась, она любила искусство и быть на людях».

А что — по большому счету, все правда. В письме к некоему эмигранту де Мельяну она пишет: «Я испытала и большие невзгоды, происшедшие от ошибок, в которых не имела никакого участия, а может быть оттого, что предписанное мной исполнялось, не точно. Несмотря на мою природную гибкость, я умела быть упрямой или твердой (как угодно), когда это было нужно. И никогда не стесняла ничьего мнения, но, в случае необходимости, имела свое собственное». Есть, конечно, в собственной оценке некая доля лукавства, если хотите — лицемерия. Но потомки иногда судят ее незаслуженно строго.

Екатерина Великая служила России тридцать четыре года. При ней народонаселение России (сейчас это главная наша головная боль!) увеличилось с двадцати миллионов до тридцати шести благодаря приросту населения и присоединения новых земель. Сумма государственных доходов увеличилась более чем в четыре раза. Она создала непобедимую армию и по примеру Петра I построила флот. Выросло много новых городов, было одержано около ста военных побед, заключена прорыва международных договоров и издано не счесть числа указов.

Именно Екатерина провозгласила великую судьбу, уготовленную России, и сделала эту мысль государственной идеологией на два последующих столетия. Мы и сейчас при полном разброде и в головах, и в хозяйстве пристраиваемся к этой идеологии. Это Екатерина выдумала «особый путь», над которым так смеются наши западники. Безбородко, напутствуя молодых дипломатов, говорил (фраза стала хрестоматийной): «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смеет».

Можно себе представить, как злило это замечание европейских дипломатов, и не только дипломатов. Войны с Турцией, Швецией и Польшей, раздел Польши, очень сложные отношения с Францией, Англией, Пруссией — все это при Екатерине было. Европа ополчилась на Россию подобно тому, как сейчас весь мир невзлюбил Америку. Никто не хочет, чтобы ему диктовали условия. Екатерину обвиняли в лицемерии, в расточительности, в том, что указы ее чистая профанация, а либерализм — всего лишь игра, строкой ниже писали, что она действовала разумно и упрочила положение России в мире, но потом с новой страстью обрушивались на нее сбранью. И все вспоминали «ахиллесову пяту» императрицы, ее фаворитов, а уж здесь не скупились в определениях, ядовитые памфлеты шли потоком. А уж сколько было сочинено анекдотов, сплетен и басен! В Европе и поныне не оценили Екатерину II по заслугам.

Поколение Павла и Александра I вспоминали правление Екатерины как золотые времена. Пушкин ее очень не любил, Герцен, ссылаясь на новые документы, писал о Екатерине крайне неуважительно. Ее ругали за усиление крепостного права, за бесправие крестьян, много недобрых слов сказали о ней декабристы.

Екатерина II, немка по крови, была нашей русской государыней, а дальше думай что угодно, но она по праву носила имя Великой. Оглядываясь на русскую историю, смело можно сказать, что ее время было одним из ярчайших для России, она была стронгелем и реформатором, и, заметьте, без опричнины, без стрелецких казней, без ГУЛАГа. Да и кто мы такие, чтобы из нашего противоречивого, странного времени, в котором мерилom благополучия и нравственности является нефть, пытаться правильно оценить ее заслуги и пороки?

«Отчизне мы не судьи», — сказал наш поэт Бродский.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	3
Великая княгиня.....	5
Рождение сына.....	13
Станислав Понятовский.....	22
Переворот 28 июня 1762 года.....	48
Императрица и	
Григорий Григорьевич Орлов (1734—1783).....	77
Алексей Григорьевич Орлов (1734—1808).....	143
Фавориты.....	156
Григорий Александрович Потемкин	
(1739—1792) и другие.....	169
Петр Васильевич Завадовский (1739—1812).....	185
Потемкин и Зорич.....	199
Корсаков Иван Николаевич	
(24 января 1754—18 февраля 1831).....	207
Ланской Александр Дмитриевич (1758—1784).....	213
Ермолов Александр Петрович (1754—1836).....	220
Потемкин и Новороссийский край.....	226
Князь Таврический под другим углом.....	235
Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонтов	
(1758—1803).....	247
Потемкин (продолжение).....	258
Платон Александрович Zubov (1767—1822).....	268
Эпилог.....	283

Научно-популярное издание

Выпуск Российской академии

Соротокина Нина Матвеевна

ФАВОРИТЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Выпускающий редактор *В.А. Антонова*

Классиктор *О.Б. Субботина*

Варшва *В.М. Сорочина*

Художественное оформление *Е.А. Забелова*

ООО «Надеемын дом «Белос»

Почтовый адрес:

125348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 53

Фактический адрес:

125348, г. Москва, Алтыфьевское шоссе, 48, корпус 1

Тел.: (499) 940-48-71, 940-48-72, 940-48-73

E-mail: info@ndd.ru

<http://www.ndd.ru>

Получено в печать 18.04.2010. Формат 64/32 1/16

Гарнитура «PetersburgC». Печать офсетная. Бумага офсетная

Печ. л. 2. Тираж 4000 экз. Заказ № 842

Удостоверено в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152960 г. Рыбинск, ул. Чкалова, 9.

О заслугах Екатерины Великой во внешней и внутренней политике написаны десятки книг. Ее сильная воля, государственный ум, легкий характер и хорошо развитое чувство юмора невольно вызывают симпатии. Но есть одна тема, которая раньше деликатно обходилась, а теперь о ней говорят и пишут даже с некоторым упоением. Тема эта — слабости императрицы, то есть фаворитизм, которым она, с точки зрения потомков, слишком увлеклась. Ни до ни после Екатерины «распутство не проявлялось в такой откровенно вызывающей форме». Сколько их было — фаворитов — десять, двадцать, тридцать? Историки сошлись на цифре «двадцать один»...

ISBN 978-5-9533-4279-7

9 783953 342797

